

Крымский федеральный университет
им. В. И. Вернадского

Таврическая академия

Философский факультет

Кафедра философии
естественнонаучного профиля

ПРАКТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ:

состояние
и перспективы

2020

Сборник материалов
III научной конференции

Симферополь
ИТ «Ариал»
2020

УДК 141.201(477.75)

ББК 87.3(2)6

П 69

*Проект кафедры философии естественнонаучного профиля
Таврической Академии Крымского федерального университета
им. В. И. Вернадского*

Главный редактор:

О.А. Габриелян, доктор философских наук, профессор

Ответственный редактор:

Н.В. Сафонова, кандидат философских наук, доцент

Редактор:

Л.И. Зинурова, кандидат философских наук, доцент

Практическая философия: состояние и перспективы:

П 69 сборник материалов III научной конференции / гл. ред.
О. А. Габриелян. – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2020. – 272 с.
ISBN 978-5-907376-73-1

В сборнике представлены статьи и тезисы, подготовленные преподавателями кафедры философии естественнонаучного профиля и аспирантами всех направлений подготовки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. Они были обсуждены на площадке научной конференции по практической философии. В сборнике публикуются лучшие работы аспирантов, прослушавших курс по «Истории и философии науки». По его завершении аспиранты писали философское эссе по выбранной ими теме в рамках направления подготовки или по проблеме своего диссертационного исследования.

УДК 141.201(477.75)

ББК 87.3(2)6

ОГЛАВЛЕНИЕ

I. ПРАКТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ: ПЕРСПЕКТИВЫ

<i>О.А. Габриелян</i> Практическая и прикладная философии: пазлы общей картины.....	7
<i>Ф.В. Лазарев</i> Феномен расчеловечивания человека в современном мире.....	15
<i>Е.Б. Ильянович</i> Трансгуманистический сценарий человеческого будущего: концептуализация ключевых понятий.....	33

II. ГОРИЗОНТЫ МЕТОДОЛОГИИ

<i>Н.С. Сулименко</i> К вопросу о вненаучном знании в коммуникативной философии	37
<i>А.В. Маричева</i> Междисциплинарный статус категории «субъект» в психологии и практической философии	43
<i>Д.Ю. Прилепский</i> Математические уловки в физических теориях и их влияние на научную картину мира.....	47

III. ГОРИЗОНТЫ ПОЛИТИКИ

<i>В.А. Чепурной</i> Философия цифровой дипломатии в условиях «гибридизации» её процессов в современном мире.....	53
<i>И.В. Евтюшкин</i> Россия и Европа в свете концепции Н. Я. Данилевского.....	60
<i>М.Н. Дудник</i> Политический субъект в контексте философии политики и философской антропологии	68
<i>К.В. Иванков</i> Политическая деятельность украинской элиты как философская проблема.....	74

<i>Н.А. Собокаръ</i>	
Факторы возникновения пророссийских общественно-политических движений на полуострове Крым через призму естествознания	81

IV. ГОРИЗОНТЫ РЕЛИГИИ

<i>Г.В. Дик</i>	
Религия в государстве и обществе (взгляд Ю. Хабермаса)	86
<i>Ван Мяо</i>	
Взаимосвязь даосской философии дао цзя и даосской религии дао цзяо	92

V. ГОРИЗОНТЫ СОЦИАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

<i>Н.В. Сафонова</i>	
О добре, зле и толерантности	97
<i>В.С. Езин</i>	
Социальный интеллект как проблема прикладной философии	101
<i>А.Ю. Гарнага</i>	
Перспективы изменения природы труда	106
<i>Р.А. Сёмченко</i>	
Фриланс как образ жизни и стиль	112
<i>Е.А. Стус</i>	
К вопросу о понятии парадигмы в педагогике и философии	117

VI. ГОРИЗОНТЫ ЭКОНОМИКИ

<i>С.В. Нагорный</i>	
Эволюция этических норм в связи с трансформацией отношений собственности	122
<i>Д.С. Урутин</i>	
Социально-философские аспекты современного предпринимательства	131

VII. ГОРИЗОНТЫ НАУКИ И ТЕХНИКИ

<i>А.В. Сурков</i>	
Искусственный интеллект и сознание	135
<i>А.Ю. Смирнова А. В. Сапига</i>	
Физика и философия в контексте современности	138
<i>И.И. Приходько</i>	
Философские проблемы генезиса инноваций	144
<i>Д.В. Викулин</i>	
Материя, пространство и время	151

<i>А.А. Плотников</i>	
Перспективы космических исследований: кризис идей или прорыв?	155

VIII. ГОРИЗОНТЫ МЕДИЦИНЫ

<i>В.А. Долгополова</i>	
Здоровье как личностная ценность	159
<i>В.И. Петренко</i>	
Закон сохранения рисков в предметной области человеческой популяции	163
<i>В.А. Терентьев</i>	
Социальные проблемы вакцинации	170
<i>О.В. Никитина</i>	
Культура питания современной российской молодежи	176
<i>Н.А. Горлова</i>	
Качество жизни как медицинское понятие	181
<i>И.В. Пономарева</i>	
Образ восприятия мира детей с детским церебральным параличом	186

IX. ГОРИЗОНТЫ ЮРИСПРУДЕНЦИИ

<i>Д.В. Зарубин</i>	
Страх перед наказанием как фактор правомерного поведения	191
<i>Ю.А. Островерхий</i>	
Перспективы использования искусственного интеллекта в арбитражном судопроизводстве	195

X. ГОРИЗОНТЫ КУЛЬТУРЫ

<i>А.Ю. Золотухина</i>	
Теоретические основы креативной индустрии в современной культуре	199
<i>Н.С. Дружинина</i>	
Концепция культурной памяти	205
<i>В.К. Ганцев</i>	
Вино в византийской культуре: смыслы и функции	211
<i>З.А. Кастрыгина</i>	
Арахнология – ожившая легенда естествознания	215
<i>ЮА. Еришова</i>	
Мировоззренческая основа в молодежных субкультурах	220
<i>Е.С. Романова</i>	
Семиотический аспект изучения текста (по Ю. М. Лотману)	226

Т.В. Языкова

Особенности корреляции этических проблем в биографии
и творчестве Вирджинии Вулф (на материале произведения
«Орландо», посвященного Вите Сэквилл-Уэст)231

Альтагер Рагеб Аль-Сулами

Сравнение символа сердца в арабской и русской культурах239

XI. ГОРИЗОНТЫ АРХИТЕКТУРЫ

Л.Р. Исмаилов

Взаимосвязь архитектуры и философии, анализ природных
форм при разработке архитектурно-планировочных принципов244

А.К. Авакян

Изменение соотношения практичности и эстетичности
при строительстве городов250

Н.А. Еломист

Концепции градостроительства в контексте
социокультурных парадигм256

А.И. Набоков

Некоторые философские аспекты археологии.....262

Post Scriptum

К.Э. Умерова

Фатализм в арабских сказках «тысяча и одна ночь»
(на примере истории «Рассказ о царе Шахрияре и его брате»)267

I. ПРАКТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ: ПЕРСПЕКТИВЫ

УДК 101.1:17

ПРАКТИЧЕСКАЯ И ПРИКЛАДНАЯ ФИЛОСОФИИ: ПАЗЛЫ ОБЩЕЙ КАРТИНЫ

PRACTICAL AND APPLIED PHILOSOPHY: GENERAL PICTURE PUZZLES

Габриелян Олег Аршавирович – доктор философских наук, профессор, г. Симферополь, Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского, заведующий кафедрой философии естественнонаучного профиля, декан философского факультета

Gabrielyan Oleg Arshavirovich – Doctor of Philosophy, Professor, Simferopol, Crimean Federal V.I. Vernadsky University, Head of the Department of Philosophy of Natural Sciences, Dean of the Faculty of Philosophy

Аннотация. В статье представлен анализ структуры современного философского знания. Представлена и обоснована дифференциация философии как системы знаний на теоретическую, практическую и прикладную философию. Дается характеристика теоретической философии как знания первого порядка, – метафизического по своей природе. Практическая философия рассматривается в качестве знания второго порядка, носящего нормативный характер. Прикладная философия мыслится как знание третьего порядка, имеющее интервальный характер. Автор обосновывает актуальность оформления дисциплинарного статуса прикладной философии в контексте современных социокультурных процессов, подчёркивает и репрезентирует факты его институционализации.

Annotation. The article presents an analysis of the structure of modern philosophical knowledge. The differentiation of philosophy as a system of knowledge into theoretical, practical and applied philosophy is presented and substantiated. The characteristic of theoretical philosophy is given as knowledge of the first order – metaphysical in nature. Practical philosophy is considered as second-order knowledge, which is normative in its nature. Applied philosophy is thought of as third order knowledge,

which has an interval character. The author substantiates the relevance of formalizing the disciplinary status of applied philosophy in the context of modern sociocultural processes, emphasizes and represents the facts of its institutionalization.

Ключевые слова: философия, практическая философия, прикладная философия.

Keywords: philosophy, practical philosophy, applied philosophy.

Слухи о смерти философии сильно преувеличены. Возможно из фокуса общественного внимания временно исчезают те ее разделы, которые не отвечают вызовам времени или пока не смогли найти ответы на актуальные экзистенциальные и социальные проблемы на языке этих вызовов. В самой классической философии нет ненужного, устаревшего. Попавшие в ее историю тексты составляют своеобразный репозиторий достижений человеческой мысли. У человечества всегда есть возможность обращения к нему в поисках ответов на новые исторические вызовы. Но при этом возникает проблема декодирования идей и смыслов в парадигме новой эпохи.

В нашей отечественной философии должен быть преодолен разрыв между схоластикой и реальностью с ее актуальными проблемами. «Птичий язык» умничанья, за которым, как правило, скрывается отсутствие ответов на отмеченные проблемы, должен быть преодолен самими философами, так как реальность объективна и объектна и делать этого не способна по своей природе. В противном случае философия будет вытесняться за пределы актуального интеллектуального дискурса и маргинализироваться. «Рациональные зерна» будут найдены самими учеными-исследователями в репозитории философской мысли и привлекаться для эвристики или для объяснительных процедур в очень упрощенных формах. Очевидно, что в этом случае рефлексия будет заменена операционализацией, научной прагматикой и коммерческой целесообразностью, которая сейчас ее сопровождает.

Мы не зовем философов поклоняться «идолам рынка», наоборот, предлагаем сказать свое веское слово, обоснованное многовековой историей философии, стать драйверами развития, способными видеть суть проблемы и формировать смыслодеятельность всего класса исследователей. Сегодня они как никогда ранее обладают нужным аппаратом исследований, но зачастую не способны задать самим себе «техническое задание», так как оно предполагает новый смысл, рождающийся из столкновений различных идей из самых разнородных областей человеческого бытия и знаний.

Дифференция науки на все более узкие разделы ведет к потере видения целого, связей между удаленными объектами или идеями, тем более, если они совсем другой, иной природы. В этом аспекте

становится актуальным и важным изучение технологий мышления, процесса формирования сознания, с одной стороны, и, понимание человеческой составляющей в этом процессе, с другой. Если первое дает исследователю в руки инструмент, то второе обозначает рамку и формат познания, то есть методологию как оформленную особым образом философскую рефлексию.

Наиболее адекватным разделом философии, описывающим этот подход, нам представляется практическая философия в ее широком понимании. По сути, это понимание есть развертка кантовского «практического разума» в проблемном поле современной жизни с ее колоссальными скоростями социальных изменений, с вызовами не только человеческому сознанию, но и в целом его существованию. Меняется природа сознательной деятельности человека. Его сознание становится клиповым. Никогда ранее с такой скоростью не менялась антропология в ее всех без исключения измерениях. Гибридность становится ключевым словом, описывающим данное состояние. Мы даже не успеваем создать необходимые новые слова для новых сущностей и поэтому прибегаем к характеристикам «пост-» и «транс-».

Мы наблюдаем, как предметные области распадаются на пазлы или появляются новые в таком качестве. Изучаем их, но не очень хорошо представляем, какое место они займут в еще не сложившейся общей картине. И сложится ли вообще эта общая картина? Конечно, можно сомневаться в ее существовании, но вряд ли мы способны преодолеть фундаментальное природное свойство нашего сознания строить целостную картину мира и определять свое место в ней. Сейчас для нас очевидно, что эта картина динамически меняющаяся, но тем не менее даже в такой мы будем искать инварианты и пытаться позиционировать себя относительно них. В противном случае под угрозой само наше существование как Homo Sapiens. Все, чего мы достигли в нашей истории, основано именно на этой способности. Отсюда наша мифология, религия, культура, способность строить собственную социальность.

Здесь лежит перспектива практической философии, которая должна местами становиться даже прикладной. Главное возражение против прикладной философии в том, что философия имеет дело с абстракциями и законами самого высокого уровня и прямого выхода на практику и повседневность не имеет. Однако философия возникла именно как прикладное знание в Древней Греции. Сократа приговорили к смерти за развращение молодежи; очевидно, то, чем

он занимался, имело не абстрактный, а весьма прикладной характер для граждан Афин.

Все дело в том, что, не покушаясь на высокий абстрактный уровень философской рефлексии и теоретизирования, не стоит упускать из внимания, что все это необходимо для лучшего понимания самой жизни человека в ее многообразных и сложных проявлениях и отношениях с природой. И философом человек становится не согласно соответствующему диплому, а образу жизни и мудрствования, то сеть признается таковым прикладной способностью быть нужным людям, обществу, в котором он живет. Даже в том случае, когда в какой-то период этого признания нет и философ преследуется репрессивным аппаратом общества, не стоит отождествлять преподавателя философии и философа. Это не обязательно совпадающие сущности.

«Разделение философии на теоретическую и прикладную обусловлено тем, что они выполняют разные задачи. Теоретическая философия ориентирована на постижение сути мира, бытия, выявление, раскрытие и объяснение устройства этого мира, универсальных связей в природе, обществе, духовной сфере, закономерностей процесса познания. Прикладная же философия ставит задачу не только выполнения функций методологии (приложение законов, принципов и категорий теоретической философии к общим основаниям науки), но и выявления общих (философских) проблем различных сфер жизни (политики, образования, здравоохранения, культуры) и, главное, помощи человеку в ориентации в природном и социальном мире ценностей культуры и цивилизации, выборе наиболее целесообразных способов поведения. Тем самым она выступает как важнейшее средство практического выживания в мире. Прикладную философию иногда называют практической по аналогии с ее основной частью – основополагающей, теоретической. Однако название «прикладная» больше соответствует содержанию ее второй части, связанной с применением фундаментальных общетеоретических философских положений – законов, принципов, категорий, концепций и т. д. – к различным сферам, ситуациям, обстоятельствам реальной жизни, процессам познания (выполнение функций методологии, решения задач выявления общетеоретических (философских) оснований науки в целом и отдельных конкретных наук)» [1]. Современная прикладная философия имеет четыре основные сферы приложения:

- сфера познавательной деятельности, где она выполняет функции всеобщего (универсального) метода;
- философские основания науки (философия науки);
- философские основания отдельных сфер жизни;
- конкретные жизненные, бытовые и общественные ситуации.

Очевидно, что при необходимости перехода философии на прикладной уровень от философа потребуется иной язык общения – естественный, доступный, простой. Современный человек не болен, он растерян. Он нуждается больше в помощи философа, чем психолога или психиатра. По сути, он ищет смысл своего существования, или он полностью становится манипулируемым социальными сетями. Не обладая навыками критического мышления, такой человек легко управляем ситуативными желаниями, которые формируются для него извне.

Понятно, что способность формирования и понимания смысла жизни, владение технологиями мышления, навыками проектирования собственной жизни – это то базовое, в чем может помочь прикладная философия. Она как бы возвращается к своей первоначальной функции наставничества, но в совершенно иных условиях, когда исторические вызовы приобрели экзистенциальный характер не только для отдельного человека, но и для человечества в целом. Пандемия коронавируса сделала это наглядным. В связи с этим нооосферный характер философии истории получил объективные доказательства.

Как мы видим, условия для ренессанса философии объективно сложились. Но сам этот процесс начнется и даст свои положительные результаты, когда фундаментальные вопросы философии получают ответы с учетом новых исторических условий. Такую философию имеет смысл назвать философией 4.0, так как она должна соответствовать современным техническим и технологическим вызовам. Мы живем в эпоху новых технологий, в том числе социальных, приобретших глобальный и практически универсальный характер: трансформации ценностей, конструирования идеологий, процедур осуществления цветных революций. Все это в парадигме общества потребления, которая становится тотальной.

Но Человек сопротивляется этому. Он осознает экзистенциальную угрозу. Он пока не в состоянии противостоять отмеченным вызовам, но сама способность осознать эту опасность позволяет надеяться, что он найдет выход из сложившейся ситуации. И в авангарде этих поисков должен находиться философ. Больше просто некому, так как именно его призвание строить и находить умственно иные возможные миры в процессе рефлексии и диалога, образцы которых со времен Платона демонстрировали нам выдающиеся философы.

Интересные выводы можно сделать из анализа литературы, изданной в мире по рассматриваемой тематике за последние два десятилетия, то есть в новейшее время. Именно в тот период, когда начали

происходить серьезные глобальные социальные трансформации разного порядка и природы. Последние из них связаны с пандемией коронавируса, которая затронула не только и не столько здравоохранение, сколько всю экономику в целом, систему образования, все сферы социальной жизни без исключения. Некоторые исследователи вообще объясняют ее возникновение с принудительным переходом к шестому технологическому укладу, путь которому открыла четвертая промышленная революция.

Даже случайная выборка литературы по теме свидетельствует, что сохраняется стабильный интерес к классической литературе по практической философии. Это как переиздание трудов классиков философии, так и массив по интерпретации этих трудов. Но что более интересно, так это то, что происходит расширение предметного поля практической философии. Все больше современных проблем вовлекается в философский анализ. Таким образом активно формируется область прикладной философии.

Интересную интерпретацию прикладной философии дает Дж. Долхенти. Многие философы в принципе согласны с делением философии на «спекулятивную» и «нормативную». К первой они относят метафизику и эпистемологию. Ко второй – этику и аксиологию. К этим двум разделам стоит добавить третий – прикладную философию. Под понятием «прикладная» имеется в виду применимость на практике, поэтому самое общее определение «прикладной философии» будет следующим: применение принципов и концепций философии к практическим делам и деятельности.

Причина, по которой это важно, заключается в том, что прикладное знание является философским знанием третьего порядка (third-order) и не обязательно ведет к абсолютной «истине», применимой во все времена и во всех местах.

Философское знание первого порядка носит преимущественно метафизический характер. То есть принципы и концепции, изложенные в метафизике, составляют основу для дальнейшей философской мысли как в нормативной, так и в прикладной областях. Эпистемология, логика, методология относятся также к знанию этого же порядка, так как оно является «базовым» для всех дальнейших рассуждений. Это знание можно назвать дескриптивным, так как оно «описывает» реальность.

Философское знание второго порядка включает аксиологию, этику, политику и эстетику – дисциплины, которые имеют тенденцию быть «нормативными» по своей природе. Наши принципы и концепции в этих дисциплинах относительны, вероятностны, зависят от конкретно-исторических условий. При том, что принципы и концепции, используемые в философском знании второго порядка, основаны на

знаниях, полученных в «описательной» философии. Например, невозможно прийти и разработать систему «правильных» этических принципов, не опираясь на некоторое философское понимание человеческой природы. То, что выступает благом для человека, предполагает некоторое понимание того, что такое человек.

Основная и самая сложная проблема философского знания третьего порядка или прикладной философии заключается в том, что она не предоставляет абсолютные решения, а только некоторый интервал вероятности, некоторую степень уверенности в своих выводах. Но люди склонны желать точных ответов на сложные вопросы. Они хотят знать «лучшую форму образования», или «лучший способ организации судебной системы», или «истинную религию», однако прикладная философия не может дать окончательного ответа, верного «всегда и везде». Она может дать только аргументированное обоснование решений тех или иных проблем [2].

То, что прикладная философия состоялась, подтверждается и тем, что создано Общество Прикладной Философии [3], издается одноименной журнал – *Journal of Applied Philosophy* [4], ведутся блоги [5], издается соответствующая философская литература по данной теме.

В издании под редакцией Kasper Lippert-Rasmussen, Kimberley Brownlee и David Coady «*A Companion to Applied Philosophy*» (2016 г.) отмечается, что этот раздел философии активно развивается в последние сорок лет. Но если ранее прикладная философия в основном концентрировалась на вопросах этики (практическая философия – О.Г.), то в последнее время она выходит за эти границы, демонстрируя, что все разделы философии могут быть применены к повседневной жизни. В этом конкретном издании сорок две статьи, касающиеся очень широкой проблематики. Это позволяет составить карту современных философских интересов в этой области [6]. Издательство Springer издает серию «*Studies in Applied Philosophy, Epistemology and Rational Ethics*». Ну и в заключение отметим, что появились учебники по прикладной философии. В аннотации к одному из них отмечается: «В учебном пособии акцентируется прикладной и проективный характер современного философского знания, обусловленный формированием сложного нелинейного информационно-сетевое общества. Современная философия занимается не только концептуально-методологической разработкой проблем естественных, технических и социально-гуманитарных наук, но и проектированием и исследованием возможных миров социальной практики, что приобретает особое значение на современном этапе развития человеческой цивилизации» [7].

Очевидно, что перспектива философии в активном поиске ответов на актуальные вопросы современности, значимость которых носит сегодня экзистенциальный характер не только для человека, но и человечества.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Савкин Н.С.* Возможности прикладной философии / Н.С. Савкин // *Философия и общество*. № 3–4. – 2015. – С. 155–165).
2. *Dolhenty J.* What do we mean by «Applied Philosophy»? [Электронный ресурс]. – URL: <https://radicalacademy.org/philapplied1.html> (дата обращения 24.09.20).
3. Society for Applied Philosophy. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.appliedphil.org> (дата обращения 24.09.20).
4. Journal of Applied Philosophy. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.appliedphil.org/journal-of-applied-philosophy> (дата обращения 26.09.20).
5. Applied Philosophy Blog. [Электронный ресурс]. – URL: <https://shprs.asu.edu/applied-philosophy-blog> (дата обращения 26.09.20).
6. *A Companion to Applied Philosophy (Blackwell Companions to Philosophy).* / К. Lippert-Rasmussen, К. Brownlee, D. Coady (Editors). – Publisher: Wiley-Blackwell, 2016. – 664 p.
7. *Поликарпов В.С.* Прикладная философия [Электронный ресурс]: учебное пособие для магистрантов и аспирантов / Поликарпов В.С., Поликарпова Е.В., Поликарпова В.А. – Ростов-на-Дону, Таганрог: Издательство Южного федерального университета, 2017. – 297 с.

**ФЕНОМЕН РАСЧЕЛОВЕЧИВАНИЯ ЧЕЛОВЕКА
В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ****THE PHENOMENON OF HUMAN DEHUMANIZATION
IN THE MODERN WORLD**

Лазарев Феликс Васильевич – доктор философских наук, профессор, г. Симферополь, Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского, профессор кафедры философии естественнонаучного профиля

Lazarev Felix Vasilievich – Doctor of Philosophy, Professor, Simferopol, Crimean Federal V.I. Vernadsky University, Professor of the Department of Philosophy of Natural Sciences

Аннотация. В статье анализируются важнейшие тенденции современного социокультурного самосознания Западного мира. Одной из таких тенденций является глобальная атака на универсальные общечеловеческие ценности. Следствием этого происходит деформация культурных пространств производства человеческого в человеке. Всё это усиливает антропологический кризис в современном мире. В этом контексте высказывается тезис о том, что современная цивилизация становится свидетелем феномена утраты сущностного уровня в индивидуе, феномена расчеловечивания человека. Преодоление данного кризиса возможно на путях перехода к новому гуманизму, к вечным общечеловеческим ценностям добра, красоты, истины, справедливости и др.

Annotation. The article analyzes the most important trends in the modern sociocultural identity of the Western world. One of these trends is the global attack on universal human values. The consequence of this is the deformation of the cultural spaces of human production in man. All these processes intensify the anthropological crisis in the modern world. In this context, the thesis that modern civilization is witnessing the phenomenon of the loss of the essential level in the individual, the phenomenon of dehumanization of a person is expressed. Overcoming this crisis is possible on the path of transition to a new humanism, to the eternal universal human values of good, beauty, truth, justice, etc.

Ключевые слова: общечеловеческие ценности, антропологический кризис, расчеловечивание человека, новый гуманизм.

Keywords: universal human values, anthropological crisis, dehumanization of man, new humanism.

Наша эпоха отличается от всех предшествующих тремя главными чертами: во-первых, небывалым динамизмом хода истории как в смысле научно-технологического прогресса, так и с точки зрения антропосоциогенеза; во-вторых, глобальностью масштабов происходящих процессов во всех сферах цивилизационного развития; в-третьих, крайней сложностью и многомерностью новых исторических реалий. В результате этого мы наблюдаем глубинную трансформацию ментального ландшафта современности и непредсказуемую по своим последствиям релятивизацию коренных экзистенциальных смыслов и социокультурных кодов бытия людей.

Все сказанное выше порождает особую сферу исследовательских задач, которую можно было бы назвать *классом Больших проблем*. Естественно, этот класс достаточно быстро становится объектом рефлексии со стороны практически ориентированного философского сознания. В связи с этим может возникнуть вопрос: в чем же заключается специфика философского анализа Больших проблем в отличие от их изучения в рамках других дисциплин? Специфика в данном случае связана с тем, что философский подход предполагает осмысление названных проблем в трех измерениях: в сущностном, глобальном и многомерном. Для решения этой задачи современному философу нужен соответствующий методологический инструментарий.

В этом смысле философствование XXI века предполагает разработку мыслительных технологий, необходимых для всестороннего исследования современных исторических реалий. Речь идет прежде всего о методологии постижения многомерных объектов, о способах моделирования глобальных процессов и об эвристике фундаментальной философской рефлексии. Можно сказать, что примером Большой проблемы, которая возникла в последнее время – служит новая историческая реальность, порожденная пандемией 2020 года. Кто сегодня может и должен всесторонне и сущностно осмыслить эту реальность? Очевидно, что такая аналитическая работа может быть проведена лишь в рамках философской рефлексии. Однако сама эта рефлексия переживает сегодня серьезные трансформации. Речь идет о новом типе практически ориентированного философствования.

Практическая философия в горизонте нового столетия

Философия как особая форма теоретического освоения мира переживает в наше время новый этап своей эволюции. Происходит существенный сдвиг в познавательных целях и интенциях философского дискурса. Суть этого сдвига заключается в том, что от задач построения общей картины природного и социального бытия философия переходит к аналитическому рассмотрению конкретных проблем современного цивилизационного развития и новых вызовов истории.

Древние мыслители пытались понять, как устроен окружающий нас мир, что лежит в его основе и способен ли человек познать его. Традиция построения метафизических схем универсума продолжалась и в средневековую эпоху. В Новое время значительную часть задач по раскрытию законов и структуры мироздания берут на себя опытные науки. Спекулятивные метафизические модели мира теряют свою актуальность. В XIX в. позитивисты поставили под вопрос не только познавательную ценность метафизики, но и философии вообще. И все же, как показало время, задача осмысления и обобщения теоретических выводов естествознания остается за философией. Особенно остро в XIX в. встал вопрос о разработке общей теории общественного развития, проблем философии истории и философии культуры. Эта сфера исследований остается актуальной и в XX в. (теории постиндустриального общества, информационного общества, конфликта цивилизаций, конца истории и т.п.). Однако на рубеже XX и XXI вв. намечается решительный сдвиг в постановке задач и в методах философской рефлексии. Примечательно, что аналогичный сдвиг наблюдается и в конкретных науках. Здесь задача разработки синтетической модели мира (физика, космология, биология, экология и др.) не отбрасывается, но она меняет свой познавательный смысл. Она становится как бы задачей на перспективу и решается постепенно, по мере накопления соответствующих фактов и разработки конкретных теорий, которые в своей совокупности слагаются в нечто целое. Непосредственно же наука занята другим – решением отдельных, тесно связанных с запросами, научно-технического прогресса проблем. Нечто аналогичное в постановке своих исследовательских целей переживает и философия. Она обращается к современным конкретно-историческим реальностям, к ее острым, полным противоречий и драматизма проблемам. В этом смысле мы можем говорить об *актуализации практически ориентированного философствования*. Именно практическая философия становится все более востребованной

в контексте глобальных перемен в современном мире. Сдвиг в рефлексивной аналитике наблюдается в трех направлениях: 1) усиление интереса к человеку в его сущностном измерении, 2) обращение к актуальным проблемам современной цивилизации, 3) акцент на разработке конкретных социальных и культурных технологий, связанных с человеческим фактором.

Можно было бы подумать, что снижение интереса к универсальным обобщениям означает утрату интереса в обществе к философии вообще, ее постепенную замену (о чем говорил О. Конт еще в XIX в.) позитивным научным знанием. На самом деле актуальность философских разработок в современную эпоху лишь возрастает, хотя и в новом ключе. Здесь стоит подчеркнуть, что в контексте новых исторических реалий в известном отношении пересматривается сам смысл того, что можно назвать практической философией. Задачи, которые она призвана решать, не могут быть исследованы никакими другими научными дисциплинами, ибо эти задачи носят особый характер. Это выражается в том, что они, во-первых, имеют глобальный масштаб, во-вторых, возникают на стыке глубочайших социальных и цивилизационных противоречий, в-третьих, характеризуются многомерностью и сверхсложностью. На фоне сказанного возрастает важность разработки и внедрения в мыслительную культуру новой методологии постижения многомерных объектов.

При переходе от теоретической философии к практической меняются: 1) объект познания, 2) субъект, 3) цели и задачи философского дискурса, 4) средства и методы исследования. Почему современный мир нуждается, как никогда раньше, в практической философии? В XXI в. мы наблюдаем отказ, с одной стороны, от абстрактного, неосхоластического теоретизирования в духе постмодернистской «игры в смыслы», с другой стороны, от приземленного мышления в рамках традиционного прагматизма. Практическая философия образует своеобразный сплав теоретического и практического подходов к освоению мира. В этом смысле можно сказать, что практическая философия – это не возврат к философии прагматизма, это определенный *уровень нацеленности* познающего субъекта на объект, при котором исследователь не возносится в мысли до абстрактного философствования и одновременно не опускается до чисто прикладных задач.

Важнейшая сфера философской аналитики в глобализирующемся мире – выработка оптимальных и разумных стратегий как для внутрицивилизационных процессов, так и для межцивилизационных отношений. Определение стратегических направлений развития – комплексная задача, предполагающая учет экономических, геополитических и идеологических аспектов. Однако, в контексте современ-

ного взаимозависимого мироустройства при выработке решений все более весомой становится духовно-нравственная составляющая. Это касается как политических лидеров, так и народных масс. Казалось бы, что может быть более эфемерным, неопределенным, чем сфера этического (добро, совесть, долг, сострадание) в вопросах планетарного масштаба? Но еще И.Кант в свое время обратил внимание на важность нравственного измерения любой реальной проблемы взаимосвязи человека и общества. Именно это измерение является отправной точкой для практической философии. Сегодня этот аспект становится особенно актуальным, ибо принятие стратегических решений во многом основано на наших представлениях о добре и зле, о свободе и ответственности. Один частный, но показательный пример из жизни современной Европы. Во время пандемии 2020 г. правительство Швеции, руководствуясь привычной либеральной системой ценностей, отказалось от введения строгих правил на период карантина. В результате смертность среди населения страны от коронавируса оказалась наивысшая в Европе. Все европейские страны закрыли границы для граждан из Швеции. От либеральной стратегии в конце концов пришлось отказаться, но с большим опозданием.

Эволюция аксиологического сознания в современном мире

За последнее столетие аксиосфера мировой цивилизации – и прежде всего Западного мира – пережила глубокую трансформацию. Уже в первые десятилетия XX в. в культурном самосознании Западного мира мы наблюдаем процесс постепенной релятивизации общечеловеческих смыслов и ценностей. Абсолютное, универсальное, всеобщее начинает приравниваться к относительному, частному, единичному. Выдвинув постулат «все относительно», некоторые влиятельные философы пытались сделать такой взгляд приоритетной идеей европейского мировосприятия. Но если «все относительно», то нет и коренного различия между истиной и ложью, между величием и посредственностью, между добром и злом, между вечным и сиюминутным. Все категории приобретают однопорядковый онтологический, ценностный и познавательный статус.

Рушится та конструкция культуры, которая восходит к эпохе Перикла, Сократа и Платона. Первые признаки деформации классической модели европейской культуры заметил еще столетие назад О. Шпенглер. Однако, более явный сдвиг приходится на 60-е годы. Он нашел свое отражение в философии и идеологии постмодернизма.

Аксиологическое и семиотическое пространство мира культуры, как полагает постмодернизм, не имеет сущностного центра, вокруг которого упорядочивается и оценивается окружающая человека действительность. Антитезой общечеловеческого, нормативно-регулятивного начала выступает принцип децентрализации и маргинальности. Постмодернистская топология культуры строится на отрицании идеи иерархии ценностей и принципа универсальности, что ведет к противопоставлению универсальной и маргинальной интенций в эволюции духовной культуры.

XXI век стал свидетелем дальнейшей утраты духовных скрепов вселенной культуры. Под вопрос поставлена сама историческая судьба человека как родового существа, сохранится ли он в своей антропологической аутентичности или же превратится в постчеловека. Вырисовывается качественно новый этап в эволюции системы ценностей. В фокусе внимания оказывается понятие общечеловеческих ценностей и базовых универсалий культуры, таких как долг, смысл, ценность, экзистенция. Речь идет не только об их релятивизации, о понижении и маргинализации их онтологического статуса, вопрос ставится в более радикальной плоскости – об их деконструкции и фактического изгнания из аксиосферы вообще. Под удар ставятся такие базовые и святые для людей всех эпох и народов понятия, как мужчина и женщина, брак и семья, отец и мать, мальчик и девочка, любовь и дружба. Происходит переход от релятивизации универсальных смыслов и ценностей к расчеловечиванию человека, лишая его бытие общечеловеческих ценностных координат.

Релятивизация фундаментальных ценностей, образующих координаты сущностного бытия человека в мире, породила в свое время феномен отчуждения, который был весьма детально проанализирован философами экзистенциалистского направления в первой половине XX в. В их концепциях человек предстает как одинокое заброшенное в мир существо. Единственное, на что человек может опереться в своей жизни, это его собственное Я, его существование перед лицом абсурда. И все же у индивида есть несколько своего рода абсолютов, чтобы попытаться вырваться из неподлинного, отчужденного бытия и перейти к подлинному бытию. Первый – это экзистенция Я как базовая ценность, второй – это абсолютная свобода Я, третий – абсолютная ответственность Я перед самим собой, за свой выбор во всех жизненных ситуациях. Человек обретает истину, когда он попадает в ситуацию «лицом к смерти». Осознав эти абсолюты и опираясь на них, индивид получает возможность перейти от отчужденного бытия к подлинной экзистенции.

Но если процесс релятивизации универсальных смыслов и ценностей порождал такой феномен, как отчуждение человека, то отказ от

базовых основ аксиосферы ведет к такому явлению, как *расчеловечивание человека*.

Сущность любой цивилизации можно определенным образом охарактеризовать в зависимости от того, в какой степени в ее духовные основания органически вплетены универсальные, общечеловеческие ценности. Каждое цивилизационное пространство по своей топологии, естественно, представляет собой определенный сплав единичного, особенного и всеобщего с точки зрения системы ценностей. В одних пространствах преобладает общее, в других – особенное, в-третьих – уникальное, неповторимое. Сегодня в сфере ценностей столкнулись две глобальные цивилизации – Запад и Восток. Запад релятивировал, а затем и развенчал важнейшие базовые ценности жизнедеятельности людей. Восток, напротив, часто абсолютизирует и канонизирует систему традиционных ценностей (включая как общечеловеческие, так и специфически восточные). Если Запад имеет тенденцию к забвению абсолютного момента, то Восток часто не видит ограниченность любых специфических для данной культуры смыслов, установлений, традиций, культурных норм. Абсолютизация частных, региональных смыслов, норм и ценностей ведет к двум негативным последствиям: 1) неуважение, а часто и нетерпимость к другим духовным порядкам бытия и историческим ценностям, 2) неспособность вести продуктивный диалог с другими цивилизациями. Как разрешить названный конфликт? В этом контексте возникла историческая потребность выработать у всех субъектов исторического и культурного процесса методологию взаимопонимания и мирного сотрудничества. Сегодня, пожалуй, есть единственный рациональный способ решения глобальных споров и межкультурных конфликтов – методология многомерного мышления.

Мы видим, таким образом, что в современном мире – и прежде всего на Западе – развернута *глобальная атака на универсальные, общечеловеческие ценности*. В результате возникла зияющая и все растающая дыра в аксиосфере нашей земной цивилизации. И кому, как ни философам, встать на защиту этих ценностей. И именно в выстраивании такой защиты заключается важнейшая стратегическая задача практической философии.

Распад общечеловеческих ценностей – это, в конечном счете – распад человечества как единого целого, как *рода человеческого*. Поэтому защита ценностей, образующих сами коды национальных культур, это защита человечества как целостной системы. Традиционные религии играют важную роль в этом деле. Но религиозное сознание

естественным образом имеет границы в решении проблем такого рода. Здесь нужны усилия всех форм духовного производства и прежде всего – философии.

Очевидно, что эрозия вековых ценностей мировой цивилизации, порождая феномен утраты человеческого в человеке, усиливает вместе с тем конфликтогенность глобального мира в целом, создает питательную почву для конфронтации между странами и народами.

По отношению к общечеловеческим ценностям все локальные цивилизации можно условно разделить на три типа: 1) цивилизации, которые полностью или частично отрицают значимость универсальных смыслов и ценностей, 2) на цивилизации, которые в качестве абсолютных признают лишь свои внутренние ценности, 3) на цивилизации, которые признают, как свои собственные ценности, так и ценности других стран и народов мира. Западная модель социума на современном этапе ближе к первому типу, цивилизации Ближнего востока тяготеют ко второму типу. Что касается многонациональной российской цивилизации, то для нее более характерным является третий тип. Это связано с той ее чертой, которую русские философы обозначали как «всемирная отзывчивость» русского духа, его универсальную интенцию.

Эта черта в реальной жизни иногда оборачивается и своими крайними проявлениями – привычкой смотреть на себя и на другие цивилизации через призму общечеловеческих представлений. А поскольку в качестве таковых часто принимали исключительно западные ценности (так называемый европоцентризм), то в среде российской интеллигенции появилась даже особая болезнь, пресловутое «преклонение перед всем западным». Эта способность русского человека смотреть на окружающую действительность, в том числе и на свою собственную страну с позиции «внешнего наблюдателя», была замечена еще Н. Данилевским: «Третья форма европейничанья (и при том самая пагубная и вредная) состоит в смотреии на явления внутренней и внешней жизни России с европейской точки зрения и сквозь европейские очки» [1, с. 243]. Ученый полагал, что этот взгляд «произвел много недоразумений и всяческой путаницы в области науки и неисчислимый вред на практике». Любопытно, что сказал бы великий русский мыслитель, если бы узнал, какой «неисчислимый вред» нанесли России наши «реформаторы» 90-х годов, заставив всю страну думать заемными мозгами и принимать судьбоносные решения по развалу нашей экономики в соответствии с рекомендациями западных экспертов.

Болезнь, о которой говорит русский философ, с годами не прошла, а в наши дни в каких-то отношениях даже усилилась. Один только пример из нашей культурной жизни. Можно ли сегодня представить

себе, что на конкурсе юных певцов где-нибудь в Лондоне или Париже добрая половина песен исполнялась бы на русском языке? Дай Бог, если хотя бы один претендент спел бы по-русски. А вот у нас на телеканалах, показывающих разные конкурсы, по крайней мере, одна треть выступающих поют по-английски. И это никого не удивляет – ни членов жюри, ни, похоже, телезрителей. Так глубоко эта наша «евробольная» вошла во все поры нашего культурного мира. Можно ли сказать, что данный феномен есть оборотная сторона нашей «всемирной отзывчивости»? В каком-то смысле, да. Но это несколько не оправдывает наше примитивное «европейничанье».

В прошлые периоды истории общечеловеческие ценности служили противовесом национальным и региональным ценностям в реальной жизнедеятельности людей. В идейной борьбе одни отстаивали важность первых, другие – важность вторых. На самом деле между ними нет исключающего друг друга противоречия. Главное здесь заключается в том, чтобы понимать их диалектическую взаимосвязь. В историческом контексте общечеловеческие ценности проявляют себя через национальные и сквозь призму национальных. В наше время общечеловеческие ценности противостоят не национальным, а прежде всего групповым ценностям, разрушающим скрепы человеческого мироустройства. Такое противостояние возникло впервые в мировой истории именно в наши дни, хотя отдельные его проявления известны и в других эпохах. Например, в истории уже были прецеденты с экспериментированием в гендерном измерении. Речь идет о людях цивилизации майя. Они пытались моделировать жизнь двуполых существ – так называемых андроидов. Последние формировали в себе способность в определенных ситуациях менять свои гендерные характеристики и роли. Печальный конец этой для своего времени весьма развитой цивилизации известен.

Нетрадиционная система ценностей так называемых меньшинств (типа ЛГБТ и др.) практически пересматривает и подвергает ревизии многие категории этики. Так, эта «новая этика» радикально меняет контекст векового спора философов относительно диалектики свободы и необходимости. Мыслители разных эпох пытались во всех тонкостях понять глубинную диалектику свободы и необходимости, свободы и ответственности, сущего и должного. Сегодня свобода индивида понимается как абсолютная; она ничем и никем не ограничена. Сам индивид, его права, его потребительские желания стоят на первом месте, порождая индивидуализм и эгоцентризм. Происходит подмена смыслов и установок, ведущих к деформации всей ак-

сиосферы. Примеры такой деформации мы встречаем и в прошлом. Возьмем, к примеру, «мораль» воровского мира. Криминальное сознание такого меньшинства включает в себя в миниатюре все элементы общественного сознания – свою мораль и эстетику, свое понятие права и закона («вор в законе»), свой «блатной» язык, свое понятие о нормах («беспредел») и т.д. Примечательно, что воры, насильники, налетчики, объединяясь в ОПГ, порой возмущаются, когда какой-то их сообщник предал своих товарищей или обманул их. В чем же суть этой странной морали, в которой есть свои представления о совести, чести, надежности, правдивости и т.п. Разве не парадокс, когда вор настаивает на честности? Суть в том, что эта «мораль» абсолютно не приемлет универсальный, общечеловеческий характер этических ценностей. Мораль «для своих» сомнительна и внутренне противоречива. Сегодня в международных отношениях западные лидеры часто прибегают к «двойным стандартам» при оценке событий и фактов. Двойная мораль – типичное явление также и для сторонников идеологии терроризма. В практике талибов и им подобных, например, не существуют исторические и культурные ценности даже мирового значения. Они без раздумья уничтожают великие шедевры, памятники всех времен и народов. Они не имеют ни малейшего представления об *экологии культуры*, о традиции уважительного отношения к памятникам чужой культуры. Из сказанного напрашивается вывод: надо учить всех людей со школьной скамьи во всех странах мира по программе ЮНЕСКО пониманию абсолютной значимости общечеловеческих норм и ценностей как важнейшего условия формирования человеческого в человеке. Человеком на нашей планете может называться только тот, кто прочно стоит на почве общечеловеческих ценностей как абсолютных.

Релятивизация истин, смыслов и ценностей, наблюдавшаяся в XX в. как в науке, так и в культурном самосознании, привела к плюрализму, который, настаивая на самодостаточности индивида, провозглашает равноправие различных концепций, альтернативных моделей, различных мировоззрений и религий – часто несовместимых. «Плюралистическая терпимость считается необходимым качеством любого свободного общества. Но, соединяясь с релятивизмом, отрицающим существование объективной истины, плюрализм приобретает тенденцию к нетерпимости как по отношению к отдельно взятой религии, так и ко всем вместе, требуя их маргинализации и «ненавязывания». Таким образом, плюрализм приобретает характер независимой идеологии, исключающей все другие» [2, с. 38]. Тем самым, в реальной практике принцип абсолютной терпимости превращается в свою противоположность – в принцип абсолютной нетерпимости любых других подходов, принципов и толкований. При этом существенно важно

то, что в реальных сферах жизни людей этот принцип подкрепляется соответствующими законодательными актами. В итоге он становится абсолютным не только в гносеологическом, но и в правовом измерении. Он охраняется законом. Его нельзя отрицать. Однако, логически он сам себя отрицает, ибо, если терпимо любое мировоззрение, то терпимо и такое, которое отрицает данный принцип. Но тут в философскую проблему вмешивается право, которое решает вопрос чисто практически.

Релятивизация и плюрализация ценностей в XX в. шаг за шагом приводит к новому этапу эволюции аксиологического сознания. В наше время такие базовые смыслы, как брак, семья, муж, жена, родитель и т.п., меняют свой онтологический статус и подвергаются ценностной трансформации. В результате стирается качественное различие между мужским и женским, между отцом и матерью и др. А поскольку такое стирание различий не только внедряется в общественное сознание, но и часто закрепляется законодательно, то возникает ситуация, когда человек, который придерживается традиционных взглядов на данные понятия, оказывается правонарушителем. Такова диалектика категорий аксиологической сферы европейского мира. Вначале абсолютное релятивизируется и плюрализируется, а затем вообще отрицается как «ложное» и противоречащее «правам человека». Это касается не только таких категорий, как семья и брак, но и всех базовых категорий – свобода и ответственность, индивид и общество, добро и зло, герой и антигерой, прекрасное и безобразное и т.п.

Мораль и право в контексте XXI в.

Если раньше право базировалось на идее справедливости и других моральных основоположениях, то теперь в контексте аксиологического кризиса меняется отношение между правом и моралью. Если, как утверждает релятивизм, онтологически универсального не существует, то как следует понимать систему права как таковую, которая по определению зиждется на понятии всеобщности юридических законов и норм? Ведь перед законом все равны. Здесь вырисовывается следующая логика толкования этой проблемы в свете указанных тенденций. Законодатель, в сущности, конвенционально устанавливает систему норм и законов, которые становятся обязательными для всех в том или ином государстве. Универсальное в социуме признается лишь в сфере права, которое, подменяя мораль, невольно становится нормой бытия людей во всех сферах их жизнедеятельности. Мораль

как форма духовного производства уходит на второй план и становится чем-то вторичным, подчиненным правовым установлениям. Если же вековые моральные нормы и ценности приходят в противоречие с нормами права, то они попросту упраздняются. Таким образом, искусственно созданное абсолютное в виде той или иной правовой нормы ставит под запрет абсолютное, имеющее онтологические корни и основания. На право, функционирующее в моральном вакууме, теряет свою внутреннюю силу и духовный авторитет. Если раньше право базировалось на идее справедливости, то теперь право диктует людям, какие ценности легитимны, а какие нет. Например, такие категории, как «отец» и «мать», заменяются бюрократическими по форме словами «родитель – 1» и «родитель-2». Любопытен в этой связи такой факт: на Берлинском кинофестивале 2020 года принято решение использовать в своей организационной практике понятие «гендерно-нейтральный персонаж», в соответствии с которым упраздняется награда в номинации «За лучшую мужскую роль» и «За лучшую женскую роль». В США в последние годы формируется традиция релятивизации таких понятий, как «красота» и «безобразное». Проводятся конкурсы толстяков и толстушек под девизом совершенствования и развития канонов красоты.

Проведенные через парламент законы в современных условиях нередко становятся инструментом борьбы с общечеловеческими ценностями и смыслами, т.е. действуют уже на поле нравственности и культурного самосознания. Стоит ли удивляться тому, что отрицание общепринятых принципов цивилизации все чаще входит в повседневную практику многих мировых лидеров Европы и США.

На чем основывается принцип терпимости? В его основе лежит гносеологический принцип релятивности любых истин как в науке, так и во всех других сферах – общественной жизни, культуре, политике и т.п. Ведь, если признать, что объективная истина существует и что есть, таким образом, в наших воззрениях истина и ложь, и мы можем их достаточно четко и обоснованно различать, то никакого принципа терпимости, приравнивающего истину и ложь, не может быть. И, напротив, если любые истины, точки зрения и мнения относительны и у нас нет надежных инструментов для установления их истинного статуса, то в таком случае вступает в действие принцип плюрализма истин и вытекающий из него принцип терпимости. А на чем основывается принцип релятивности? Очевидно, на онтологическом принципе относительности: бытие находится в постоянном изменчивом состоянии, нет ничего абсолютно определенного. Итак, в конечном счете, юридический принцип терпимости по отношению к различным точкам зрения имеет только одно рациональное обоснование – философский (онтологический и метафизический) принцип

относительности мира вещей. (В противном случае этот правовой принцип теряет всякий разумный смысл и является просто следствием произвола и своеволия законодателя). Но если это так, то этот принцип должен предполагать терпимость по отношению к другим философским воззрениям на природу бытия. В реальной же практике правоприменения возникает парадокс. Взяв на вооружение лишь одно из возможных философских учений, этот принцип законодательно лишает право на полноценное существование других учений. Будучи лишь следствием философии, он фактически начинает диктовать, какие философские воззрения правильны, а какие нет. Но для такого статуса у него нет никаких объективных предпосылок.

Есть два разных способа отрицания общечеловеческих ценностей: 1) вытекающий из идеи плюрализма принцип терпимости; 2) принятие своих воззрений за абсолютную истину и «принцип нетерпимости» к любой другой идеологической платформе. Первый принцип характерен для либеральной идеологии современного Запада, второй принцип характерен для фундаменталистских идеологий Востока, что особенно ярко проявилось в мировоззренческих установках Талибана, ИГИЛ и других террористических группировок.

Как видим, признание существования абсолютных истин и ценностей не ведет автоматически к признанию общечеловеческих истин и ценностей. Как же разрешить эти два изложенных выше парадокса (либерализма и фундаментализма)?

Злая ирония заключается в том, что оба подхода, несмотря на их прямую противоположность (один признает абсолютное и абсолютную истину, другой это категорически отрицает), в итоге приходят к одному и тому же следствию – к отрицанию любой точки зрения, кроме своей. Этот парадокс можно назвать главной аксиологической антиномией современной цивилизации. Эта антиномия носит не только логический, но прежде всего практический характер, влияющий на образ жизни миллионов людей. Например, и фундаменталисты, и либералы (США, Украины, Польши, стран Прибалтики и др.) формируют с помощью СМИ такое умонастроение людей, которое заставляет их с остервенением сносить памятники истории и культуры. В США в 2020 г. толпы разгневанных людей сносили памятники даже Колумбу и другим выдающимся деятелям США, а боевики ИГИЛ дважды разрушали в последние годы бесценные памятники Пальмиры и разорвали христианские храмы. Все это – пример непримиримости мировоззренческих установок больших масс людей, как на Востоке, так и на Западе. Фундаменталисты стоят за незыблемость ценностей Тра-

диции, к которой они принадлежат, либералы отрицают какие бы то ни было традиции. Но итог один и тот же. Показательно, что в 2020 г. американская киноакадемия ввела новые правила для потенциальных номинантов на премию «Оскар». Ради поддержки феминисток, геев и других «уникальных групп» Голливуд вводит «квоты», гарантирующие представителям меньшинств участие в постановке кинокартин.

Способы разрешения антиномии

Найти разрешение главной аксиологической антиномии современной цивилизации – важная не только философская, но и социокультурная задача современности. Но, прежде чем ее решить практически, необходимо ее осмыслить теоретически.

В арсенале современной философско-методологической культуры мы находим, пожалуй, только один адекватный данной задаче методологический инструментарий – это интервальный подход. В решении данной антиномии следует воспользоваться интервальным пониманием диалектики абсолютной и относительной истины. Здесь необходимо указать на следующие тезисы:

1) В процессе познавательной деятельности человек способен получать объективную истину;

2) Всякая истина так или иначе ограничена интервалом ее однозначной применимости;

3) Любая истина *абсолютна* «изнутри» интервала абстракции и *относительна* «извне» (для внешнего наблюдателя);

4) Истины по своему гносеологическому статусу могут быть двух типов:

– внутриинтервальная истина;

– инвариантная истина в рамках той или иной конфигурации интервалов (трансинтервал).

Интервальная концепция истины не является лишь результатом философских размышлений. Она представляет собой гносеологическое осмысление и обобщение того, что дает нам современная физика (специальная теория относительности и квантовая механика) с точки зрения строения научного знания.

Вытекающий из факта относительности истины принцип толерантности, т.е. признание права на существование разных точек зрения, следует дополнить условием, что каждая точка зрения предполагает фиксацию интервала ее однозначной применимости. Что касается понимания истины в рамках фундаментализма, то здесь помимо фиксации интервала применимости следует указать, как данная истина согласуется с более широкой (инвариант) истиной, в частности, как данные истины, смыслы и ценности вписываются в общечеловеческий контекст. Релятивность знания, когда четко определены ее объективные границы, становится истиной. Так мы обретаем возмож-

ность включить в нашу аксиологическую систему одну из ключевых общечеловеческих ценностей – истину, ибо если нет истины, то нет и справедливости, нет взаимопонимания, становится непродуктивным диалог народов, культур и цивилизаций.

Процесс расчеловечивания человека в XXI в. протекает в двух формах: 1) под знаком фундаментализма, непримиримого к завоеваниям общечеловеческой культуры других стран и народов, 2) под знаком либерализма, расшатывающего общечеловеческие смыслы и ценности как бы «изнутри». Общая черта обоих форм – нетерпимость к многовековой истории культуры и ее основаниям. Одни абсолютизируют традиции, другие абсолютизируют индивида, вырванного из традиции.

Философский анализ аксиологической антиномии позволяет вскрыть те противоречия реального исторического процесса, который разворачивается в горизонте текущего столетия. Следующий шаг заключается в том, чтобы определить пути практического преодоления отмеченной антиномии. Альтернативой расчеловечиванию человека может служить новый гуманизм, рисуящий образ человека как существа, несущего в себе божественное начало. Общечеловеческие ценности – это стратегические установки и нравственные ориентиры, которые помогают сохраниться и выжить человечеству в потоке истории. Человек может быть только целью, но никогда средством, инструментом в чужих руках. Подлинное уважение к Другому зиждется на признании в нем высшего начала. В современных условиях реформа среднего и высшего образования должна предполагать формирование у подрастающего поколения системы общечеловеческих ценностей и смыслов – ценности жизни, семьи, добра, красоты, истины, справедливости, гармонии и др.

Новый гуманизм

Человек на сломе эпох, выпав из привычного хода истории и очутившись в некоторой метаисторической сфере существования, ищет новые способы своего ускорения в бытии. Это уже будут не социальные и не социокультурные контексты цивилизационного мироустройства, а некоторый горизонт бытия, в котором временное переплетается с вечным, обыденное – с трансцендентным, индивидуальное – с глобальным.

Сегодня все сущностные черты личности – способность к творчеству, к гениальным прозрениям и к героическим поступкам – нередко

оборачиваются негативными последствиями – разрушением окружающей среды и самого человека. И, тем не менее, в какой-то точке бифуркации индивид, будучи в состоянии исторической невесомости и ничем не связанным кровными узами, неожиданно для самого себя оказывается способным на некий духовный рывок.

Человеческое бытие имеет три базовых измерения – обыденное, экзистенциальное и сущностное. Это, разумеется, не значит, что не существуют другие уровни человеческой жизнедеятельности. Например, можно указать на такие пласты бытия человека, как биологический, социальный, культурный и др. Что касается базовых измерений, то следует отметить, что они существуют с древнейших времен. Однако в те или иные эпохи и в разных цивилизациях они находились в различных взаимоотношениях. В одни эпохи доминировало одно измерение, в другие – другое. Похоже, что в XIX в. в европейском мире важную роль играло сущностное измерение, в XX в. достаточно влиятельным (особенно в среде интеллигенции) было экзистенциальное измерение. В наше время господствующим становится обыденный, повседневный план бытия людей. Запад все больше формирует в общественной жизни потребительское сознание, массовую культуру, индивидуализм. В политике, социальном мышлении, в образовании, в цивилизационных установках мы видим прагматизм, обывательскую психологию масс, так называемую толерантность и политкорректность, мультикультурализм. У ведущих политиков нет масштабного, стратегически выверенного подхода к общечеловеческим проблемам, к вопросам глобальной безопасности. Отсутствует установка на подлинный диалог культур, на равноправное и взаимовыгодное сотрудничество в экономической и культурной жизни.

Анализируя особенности современного массового сознания, В.Э. Межуев пишет: «Мы живем в мире, где правят бал не идеи, а интересы... Массам, если правильно понимать смысл этого понятия, философия не нужна. Массами правят не идеи, а элиты, руководствующиеся собственными интересами и использующие для этого разного рода технологии – политические, информационные и пр. Они-то и заменяют собой философию. На смену методологам, озабоченным поиском истины, приходят технологии, ищущие средства для реализации любой поставленной перед ними цели. Это они и называют конструированием» [3, с. 103].

Очевидно, что преодоление антропологического кризиса связано с переходом человека и человечества к доминированию в цивилизационном плане сущностного измерения индивида. Это касается образования, морали, политики и др. В смысловых интенциях культуры все три отмеченных измерения образуют изначальное единство. Однако каждая эпоха вносит в это единство определенные коррективы. Се-

годня мы констатируем не только утрату духовности, но и актуализацию функциональной рационализации образа жизни людей, цифровизацию мышления, эмоциональное выгорание и экзистенциальный невроз. В отчаянной борьбе субъекта за способность быть идентичным самому себе чаще всего побеждают те, кто разрабатывает технологии манипулирования массовым сознанием. Чувство одиночества и собственной человеческой ущербности нередко ведет индивида к деструктивному поведению и внутренней опустошенности.

Говоря о том, что в современных условиях человек для разрешения антропологического кризиса должен задействовать универсальность своих существенных сил, следует иметь в виду, что эта задача не решается автоматически. Конечно, важно осознать и понять проблему, поставить ее со всей остротой. Но затем возникает вопрос о путях и технологиях ее реализации. И здесь открывается целая сфера приложения человеческих сил в жизни общества. Прежде всего, речь идет о *системе образования*. Мы подошли к такой черте, когда возникла необходимость в ее решительной перестройке. Цель образования на современном этапе – сформировать, развернуть универсальные способности учащегося, т.е. совокупность тех потенциальных качеств личности, которые делают ее, образно говоря, подобной Богу. Уже с I класса надо учить детей на практических занятиях и на конкретных примерах тех или иных жизненных ситуаций *духовным ценностям* – добру, красоте, справедливости, состраданию и т.п., необходимо пробуждать в ребенке духовные чувства, например, чувства любви и уважения к семейным ценностям, к школьным традициям, к героическому прошлому и настоящему своего отечества.

Сказанное выше особенно актуально, когда западная цивилизация все больше вырабатывает свой новый «мировой порядок», при котором господствуют мультикультурализм, однополые браки, культ и героизация сатанизма, так называемое «сексуальное воспитание» детей младших классов, либеральное отношение к наркотикам, проституции. Продолжается и процесс коммерциализации культуры, что, к сожалению, коснулось и нашей страны.

Новый гуманизм, который должен прийти на смену «открытому обществу» либерального толка, акцентирует внимание на принципе целостности человечества, на важности взаимоподдержки и солидарности, на идее равенства всех народов и самоценности всех существующих на Земле культурных традиций, раскрывающих духовное богатство и потенциальные качества людей. Сердцевина нового гуманизма – этика ответственности и сопричастности.

В заключение хотел бы выразить благодарность доктору философских наук М.К. Трифионовой за тонкие и эвристически емкие замечания, которые были сделаны ею при чтении рукописи данной статьи на стадии ее подготовки к печати.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германно-Романскому. 6-е изд. / Предисловие Н. Н. Страхова; статья К. Н. Бестужева-Рюмина; составление, вступительная статья и комментарии А. А. Галактионова. – СПб. Издательство С.-Петербургского университета, Издательство «Глаголь», 1995. – 552 с.
2. *Кэриллей Дж.П.* Истина: причина и следствия / Дж.П. Кэриллей // Сборник докладов постоянно действующего симпозиума «Человек и христианское мировоззрение». – Симферополь: «Таврия», 2005. – 260 с.
3. *Межуев В.М.* Проблемы современного массового сознания: Материалы круглого стола / В.М. Межуев // Вопросы философии, 2003, № 2. – С. 103–110.

УДК 130.2:008.2

**ТРАНСГУМАНИСТИЧЕСКИЙ СЦЕНАРИЙ
ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО БУДУЩЕГО: КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ
КЛЮЧЕВЫХ ПОНЯТИЙ**

**TRANSHUMANIST SCRIPT
OF HUMAN FUTURE: KEY CONCEPTS
CONCEPTUALIZATION**

Ильянович Екатерина Борисовна – кандидат философских наук, доцент, г. Симферополь, Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского, доцент кафедры философии естественнонаучного профиля

Ilyanovich Ekaterina Borisovna – PhD, Associate Professor, Simferopol, Crimean Federal V.I. Vernadsky University, Associate Professor at the Department of Philosophy of Natural Sciences

Аннотация. В статье исследуются базовые концепты и идейное содержание футурологической модели, разработанной в рамках трансгуманистической парадигмы как междисциплинарного и трансдисциплинарного феномена. Делается акцент на репрезентацию мировоззренческой основы всей системы антропологических взглядов, характерных для данной концепции будущего человечества. Особое внимание уделено анализу концептов «трансчеловек» «и постчеловек». Отмечается, что трансгуманизм концептуально разворачивается в динамической конвергентной системе человек-трансчеловек-постчеловек.

Annotation. The article explores the basic concepts and ideological content of a futurological model developed within the framework of the transhumanistic paradigm as an interdisciplinary and transdisciplinary phenomenon. It focuses on the representation of the ideological foundations of the whole system of anthropological views typical for this concept of the future of mankind. Particular attention is paid to the analysis of the concepts «transhuman» and «posthuman». It is noted that transhumanism is conceptually deployed in a dynamic convergent human-transhuman-posthuman system.

Ключевые слова: трансгуманизм, человек, будущее, трансчеловек, постчеловек.

Keywords: transhumanism, human, future, transhuman, posthuman.

В контексте процессов глобальной технологизации вопрос об антропологических перспективах представляется весьма актуальным. Одной из наиболее популярных и дискуссионных концепций будущего человечества в современном социально-гуманитарном знании является трансгуманизм. Изначально сформулированный в середине прошлого столетия в виде мировоззренческой системы, он развился сегодня в целостную философскую концепцию и приобрёл форму мирового общественного движения. Опираясь на достижения сверхсовременных конвергентных нано-, био-, инфо-, когнито- и социогуманитарных технологий, трансгуманизм значительно усиливает свои позиции и претендует на статус новейшего научного направления, чем держит в постоянном напряжении философскую мысль, рефлексирующую над судьбоносными цивилизационными трансформациями и постоянно отслеживающую новые дискурсы, фиксирующие эти изменения.

Целью данной работы является анализ базисных концептов трансгуманистической футурологической модели. Трансгуманистическая парадигма сложилась как междисциплинарный (развёрнутый на пересечении различных дисциплин философского и научного знания) и трансдисциплинарный (выходящий за дисциплинарные пределы) феномен. Её мировоззренческим ядром выступает система взглядов на человека, как существо с эволюционной точки зрения незавершённое и не совершенное, а, значит, нуждающееся в коренных изменениях на уровне его родовых сущностных качеств. Ведущей идеей здесь выступает идея иммортализма, ей подчинены задачи трансформации человека разумного с целью его разноуровневого «апгрейда» через более совершенную – транчеловеческую, – к сверхсовершенной постчеловеческой форме бытия.

Понятие «транчеловек», наряду с понятием «постчеловек», можно рассматривать в качестве базисных концептов трансгуманистической парадигмы, анализ которой выступает одной из актуальных тем современного антропологического дискурса. Антропология трансгуманизма принципиально необходима для исследования трансформационных процессов техногенной цивилизации, так как она обладает значимым теоретическим содержанием, отражающим последние технологические достижения и форсайты, предстающие перед нами сегодня в формате конвергентных NBICS-технологий.

На наш взгляд, анализ концептов «транчеловек» и «постчеловек» весьма важен для понимания не только сути трансгуманистической парадигмы, но также для более полного отражения специфики современных цивилизационных вызовов и угроз на уровне их антропологических составляющих.

Понятию постчеловека уделено довольно много исследовательского внимания, как в рамках трансгуманистических концепций

(Ф. М. Эсфендиари, Н. Бостром, Р. Курцвейл, В.В. Удалова, М. Мор и др.), так и за их пределами – в дискурсах критики последних (Ф. Фукуяма, В. Кутырёв, С.С. Хоружий и др.). Что же касается понятия трансчеловека, то оно остаётся недостаточно изученным, несмотря на его явную актуальность. Ситуация осложняется тем, что, как справедливо утверждает В.А. Кутырев, трансгуманисты часто не отличают указанных понятий, хаотично чередуя их [1, с. 4].

Впервые о трансчеловеке на концептуальном уровне было заявлено не так давно – в прошлом столетии. Эта инициатива принадлежала одному из родоначальников трансгуманизма – бельгийскому философу и футурологу Ферейдуна М. Эсфендиари, также известному как FM-2030. Такое техно-имя он избрал для себя, ориентируясь на особую антропологическую перспективу и следуя ключевой трансгуманистической идее – в качественно изменённом виде встроиться в новую антропологическую реальность, которая должна наступить в скором будущем благодаря применению технологий – в реальность бессмертия и совершенства. Популярность философ получил также благодаря его смелым, если не сказать, – оптимистическим технологическим форсайтам, которые стали концептуальной основой трансгуманистического движения, получившего широкое распространение на весь мир в довольно сжатые сроки.

В работе «Are You a Transhuman?» (1989) Ф.М. Эсфендиари характеризует трансчеловека как нового, «переходного человека», соответствующего современной стадии антропологической эволюции, которая возможна на основе последних научно-технических прорывов. Трансчеловек обладает как привычными для человека характеристиками, так и постчеловеческими качествами. Постчеловек же представляет собой новый вид, венчающий эволюцию человека, сверхразвитое на разумном и телесном уровнях существо [2].

Взгляды Ферейдуна М. Эсфендиари на феномен трансчеловека развивает наш современник, молодой шведский философ, директор Института будущего человечества Ник Бостром. Данный концепт получает дальнейшую теоретическую разработку в его известной работе «FAQ по трансгуманизму». В ней Бостром называет трансчеловека самосознающим существом, нацеленным на самосовершенствование и использующим для этого растущие возможности современных технологий (искусственный интеллект, системы связи, импланты). Характерной особенностью транслюдей философ считает осознанное стремление к самоулучшению тела и разума, необходимое для достижения постчеловеческой формы жизни – бессмертной.

Также в концепции Бострома даётся трактовка ключевой трансгуманистической категории – понятия «постчеловека». Постчеловек – это производная человека, его модифицированный до абсолютного предела потомок, который уже не является человеком. Он отличается от человека значительно превосходящими умственными и физическими характеристиками. Постлюди могут состояться как полностью небиологические существа, основанные на ИИ, и даже существовать в цифровом виде – в качестве «информационных структур в гигантских сверхбыстрых компьютерных сетях», или стать результатом улучшенной биологии человека или трансчеловека. Бостром говорит и о высокотехнологичных инструментах постантропологической трансформации: молекулярные нанотехнологии, биотехнологии (генная инженерия, биофармакология), компьютерные технологии (нейрокомпьютерный интерфейс, программное обеспечение для управления информацией, нательные компьютеры), когнитивные и экономические технологии [3].

В целом, даже беглый анализ трансгуманистических воззрений на уровне заявленных базисных концептов показывает, что антропология трансгуманизма концептуально развёртывается в динамической конвергентной системе человек-трансчеловек-постчеловек. Эта система отражает этапы человеческой эволюции, каждый из которых обеспечивается имеющимися в данный момент специфическими ресурсами и инструментами – мировоззренческими (особые взгляды и ценности – бессмертие, ницшеанская идея «сверхчеловека», взгляды космистов и др.), технологическими (инновационные научно-технические результаты – протезирование и имплантация, клонирование и генная инженерия, крионика и биохакинг и мн. др.). Трансгуманистический сценарий человеческого будущего основывается на развитии конвергирующих технологий, и открывает перспективы создания инновационных инструментов техноэволюционного процесса, требующих глубокого анализа и оценки с позиций антропологических угроз.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Кутырёв В.А.* Философия трансгуманизма / Владимир Александрович Кутырёв. – Нижний Новгород: Нижегородский университет, 2010. – 85 с.
2. Fm-2030. Are You a Transhuman?: Monitoring and Stimulating Your Personal Rate of Growth in a Rapidly Changing World Paper back / Fm-2030. – NY: Warner Books, 1989. – 277 p.
3. *Бостром Ник.* FAQ по трансгуманизму. [Электронный ресурс]. – URL: https://royallib.com/book/bostrom_nik/faq_po_transgumanizmu.html (дата обращения 28.10.20)

II. ГОРИЗОНТЫ МЕТОДОЛОГИИ

УДК.101.1

К ВОПРОСУ О ВНЕНАУЧНОМ ЗНАНИИ В КОММУНИКАТИВНОЙ ФИЛОСОФИИ

ON THE QUESTION OF EXTRA-SCIENTIFIC KNOWLEDGE IN COMMUNICATION PHILOSOPHY

Сулименко Никита Сергеевич – аспирант кафедры истории и теории государства и права Таврической академии (структурное подразделение) Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского

*Sulimenko Nikita – postgraduate student of the Department of history and theory of state and law Taurida Academy V. I. Vernadskiy Crimean Federal University
nikita_sulimenko@rambler.ru*

Аннотация. В данной работе рассмотрено понятие коммуникативного поворота в философии науки. Ставится вопрос о разграничении научного и вненаучного знания и влияния их на современное развитие науки и человеческого общества. Вненаучное знание имеет непосредственное отношение к важнейшим проблемам методологии и гносеологической коммуникации. Анализируется методика исследования науки и научного знания в целях исследования особенностей вненаучных форм познания.

Annotation. In this paper, we consider the concept of a communicative turn in the philosophy of science. The question is raised about the differentiation of scientific and extra-scientific knowledge and their influence on the modern development of science and human society. Extra-scientific knowledge is directly related to the most important problems of methodology and epistemological communication. The article analyzes the philosophical methodology of research of science and scientific knowledge in order to study the features of extra-scientific forms of knowledge.

Ключевые слова: коммуникативный поворот, вненаучное знание, наука, философия, методология.

Keywords: communicative turn, extra-scientific knowledge, science, philosophy, methodology.

Проблемы научной методологии во все времена имели большое значение для философии, так как в процессе развития научной деятельности потребность в различных научных методах познания остается высокой. Следовательно, данная проблематика имеет большое значение на современном этапе научных процессов. Отметим, что благодаря довольно значительным успехам науки на протяжении последних десятилетий и в условиях современного общества постепенно сформировалась высокая степень доверия к науке как таковой. Проблемное поле современной философии науки определяется вопросами изменения статуса и места науки в современной культуре, ростом авторитета социогуманитарных наук, перемещении внимания с предмета познания, доминировавшего в философии науки первой половины двадцатого века, ростом междисциплинарной проблематики и выходом на первый план интегративных тенденций.

Теоретической базой для изучения социальной коммуникации в контексте типов научной рациональности являются работы В.А.Васильева, П.П. Гайденко, В.Н. Гасилина, П.В. Копнина, М. Малкея, К.Р. Поппера. Названные авторы также уделяют внимание эпистемологическим и этическим принципам социальных наук с точки зрения философии коммуникации.

Можно констатировать, что проблемы методологии научных исследований уже достаточно давно вызывают большой интерес у значительной части современных философов постсоветского пространства.

Интерес к методологии заключается в том, что одной из особенностей отечественной философской школы является то, что если в западной философии принято говорить преимущественно о философии науки, то в отечественной философии, согласно традиции, которая уже достаточно давно сформировалась, в подобных исследованиях в основном речь идет о логике и методологии научного исследования [3, с. 230]. В наше время совершенно ясно, что философию науки, с одной стороны, и логику и методологию научного исследования, с другой стороны, не следует чрезмерно противопоставлять. П. Копнин считал, что логика научного исследования должна считаться содержательной логико-гносеологической системой, которая дает как целостное знание о процессах научного исследования, так и о его составляющих элементах [3, с. 8].

Одним из важнейших понятий современной философии можно считать понятие коммуникативного поворота в философии. Это понятие может использоваться в разных значениях. Но, с другой стороны, стоит также отметить, что уже сравнительно давно коммуникативистика заняла видное место в философии, поэтому это понятие можно

причислить к таким, которые определяют определенную линию развития философии в целом.

Необходимо также подчеркнуть, что понятие коммуникативного поворота в философии отражает одну из важнейших проблем философии науки. Речь в этом случае идет о существенных изменениях в осознании методологии в целом. Вместе с тем, значение такого явления, к сожалению, не всегда осознается учеными и философами.

Интерес к коммуникативному повороту в философии вызван тем, что наука переживает испытание изменениями, связанными с перестройкой когнитивных и социально-культурных основ познавательной деятельности. Проблемное поле современной философии науки определяется вопросами изменения статуса и в целом места науки в современной культуре, ростом авторитета социогуманитарных наук, перемещении внимания с предмета познания, доминировавшего в философии науки первой половины двадцатого века, на вопрос роста междисциплинарной проблематики и выхода на передний план интегративных тенденций. Особое значение в этих процессах может быть отведено коммуникации как определяющему феномену социогуманитарной сферы, с помощью которого обеспечивается не только трансмиссия научной информации, но и становится возможными реализация вопросов достижения целей коммуникации, необходимых условий для ее эффективного осуществления и т.п. На протяжении всего периода развития философской, а также научной мысли, коммуникация была имманентным составляющим гуманитарного знания однако, отдельное внимание ему начато уделяться преимущественно после так называемого «лингвистического поворота» [2, с. 132–133].

Благодаря Г. Рорти, вторая половина двадцатого века ознаменовалась так называемым «лингвистическим поворотом» в философии. Такое определение ситуации в философии имеет, по крайней мере, два обоснования. Первое обоснование связывается со значительным интересом к языковой проблематике в доминирующих в то время философских направлениях (аналитическая философия, структурализм, постструктурализм). Второе означало крах фундаментальных иллюзий, то есть окончательный отказ от претензий построить теорию, которая была бы истинной в классическом (корреспондентском) понимании рефлексивного соответствия с действительностью [6, с. 78-79].

Принято считать, что для современной философии в целом характерна ориентация на индивидуальность и неповторимость конкретного человека, что можно проиллюстрировать известной характеристикой Ж-Ф.Лиотара ситуации постмодерна: истечение срока действия

больших нарративов и доминирование мелких. Такая ситуация, бесспорно, имеет преимущества: мирное сосуществование многих школ, систем ценностей, устранение угрозы тоталитарного единомыслия. Поэтому можно говорить об образовании метапарадигмы релятивизма. Другой стороной этих процессов является хаотичность в различных социокультурных срезах [2, с. 201].

Можно говорить об утрате единого стандарта для ценностного набора. Так или иначе, но проблема трансформации ценностей, ценностного плюрализма и релятивизма становится ключевой для понимания не только современной философии, но и социокультурной ситуации в целом. Это находит выражение и в росте интереса к экзистенциальной проблематике, и в значительном развитии исследований по биоэтике, экологической этики и т.д. Вместе с тем наблюдается рост религиозной заинтересованности народа (что особенно заметно на посттоталитарном пространстве). Кроме того, достижения конкретных наук (в частности, генетики, геномики) и технологий дают основания для «реанимации» такого лозунга, что человек действительно является царем природы [2, с. 170]. Возникает парадоксальная ситуация: приобретая способности покорить и даже «перешить» по своему желанию природу, в том числе и природу самих себя, люди теряют способность к договороспособности. Можно констатировать, что достижения науки и технологий демонстрируют двойной результат: как благо, так и самоуничтожение человечества.

Упомянутые негативные характеристики социокультурной ситуации наиболее ощутимы там, где потеря единой шкалы ценностей происходит не в одной, а в нескольких социокультурных плоскостях: например, моральной, научной и политической, где разрушается устоявшийся менталитет и образ жизни.

Лингвистический поворот в философии связан с попытками решить проблемы, которые вытекали из поиска универсальности. Развитие тенденций, связанных с лингвистическим поворотом, повлекли актуализацию ценностной проблематики в современных исследованиях. Таким образом, современную ситуацию в философии можно определить как «аксиологический поворот».

По мнению В.А. Васильева, в современном проблемном поле философии науки заметны процессы, которые по разным признакам можно назвать «коммуникативной революцией». Она пытается показать, что наука находится в состоянии кризиса, побуждая к поискам новых путей постижения истины, которые в последнее время все чаще связывают с осмыслением коммуникации [1, с. 7].

Анализируя имеющуюся литературу по этому вопросу, мы можем сформировать тезис, что, с одной стороны, коммуникативный поворот в философии трактуется совершенно по-разному, и, одновремен-

но, во взглядах и рассуждениях подавляющего большинства авторов есть много общего.

Коммуникативный поворот в философии не совсем верно трактовать как не относящийся к проблемам научного и вненаучного знания. Вопрос о существовании, а также о природе внеучного знания сравнительно недавно стал объектом философского исследования в Российской Федерации.

Вненаучное знание так же, как и знание научное, имеет непосредственное отношение к проблемам методологии, поскольку оно не может возникнуть из ничего. Иными словами, для получения вненаучного знания нужно применять различные методы познания.

Научное познание – это не единственно возможный путь обретения человечеством жизненно важной для него информации, а понятие «знание» не тождественно с понятием «научное знание». Начиная с конца прошлого века, все большее значение в общественном сознании и культуре приобретает вненаучное знание. Отдельные исследователи, такие как К. Поппер, даже высказывали парадоксальные утверждения, что процесс познания как приобретение знаний является общим не только для развития донаучного и научного знания, но и фактуального знания [5, с. 329–331].

Ведущие западные специалисты по философии уже достаточно давно обратили внимание на то, что обычные научные методы, которые длительное время считались универсальными средствами получения когнитивной информации, имеют ограниченную сферу применения. Так, например, К. Поппер считал, что с помощью научных или рационалистических методов нельзя предсказать ход человеческой истории [5, с. 228].

По нашему мнению, философская (а также социологическая) методика исследования (М. Малкей), которая была создана философией для анализа науки и научного знания, даст возможность в перспективе выяснить эпистемологические особенности вненаучных форм познания, лучше понять и объяснить характер вненаучных знаний, их место и роль в жизнедеятельности современного человека и общества [4, с. 77]. Однако при этом нужно специально подчеркнуть, что, несмотря на особенности получения вненаучного знания, их не стоило бы противопоставлять общепризнанной методологии научного исследования.

Таким образом, подытоживая вышеуказанное, мы можем констатировать, что коммуникативный поворот в философии не совсем оправданно трактовать безотносительно к проблемам научного и

вненаучного знания. Понятие коммуникативного поворота в философии отражает одну из важнейших проблем философии науки. Речь в данном случае идет о весьма существенных изменениях в осознании всей методологии в целом. Вненаучное знание так же, как и знание научное, имеет непосредственное отношение к методологии, так как оно должно быть получено, поскольку не может возникать из ничего. Иначе говоря, для получения вненаучного знания нужно применять различные методы познания.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Васильев В.А.* Лингвистический поворот в философии / В.А. Васильев // Вестник Московского государственного лингвистического университета. – 2017. – №3. – С. 45-52.
2. *Гадамер Х. Г.* Истина и метод. Основы философской герменевтики / Х.Г. Гадамер – М.: Прогресс, 1988. – 704 с.
3. *Копнин П.В.* Логика научного исследования / П.В. Копнин и М.В. Попович. – М.: Наука, 1965. – 360 с.
4. *Малкей М.* Наука и социология знания / М. Малкей – М.: Прогресс, 1983. – 253 с.
5. *Поппер К. Р.* Предположения и опровержения: Рост научного знания: Пер. с англ. / К. Р. Поппер. – М.: ООО «Издательство АСТ»: ЗАО НПЛ «Ермак», 2004. – 638 с.
6. *Рорти Р.* Философия и зеркало природы / Ричард Рорти. – Новосибирск: Изд-во Новосибирского ун-та, 1997. – 320 с.

**МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ СТАТУС
КАТЕГОРИИ «СУБЪЕКТ» В ПСИХОЛОГИИ
И ПРАКТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ****INTERDISCIPLINARY STATUS
OF THE SUBJECT CATEGORY IN PSYCHOLOGY
AND PRACTICAL PHILOSOPHY**

Маричева Анастасия Викторовна – кандидат психологических наук, доцент, г. Симферополь, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, доцент кафедры глубинной психологии и психотерапии.

Maricheva Anastasia Viktorovna – Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Simferopol, Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky, Associate Professor of the Department of Deep Psychology and Psychotherapy.

Аннотация. Позитивистская модель получения знания, характерная для точных наук, не смогла избежать необходимости признать субъективность как неотъемлемую часть научного познания. Значение этого факта заключается в том, что психологическую и психотерапевтическую теорию и практику необходимо рассматривать как одну из форм научного познания, для которой необходимо разрабатывать способы верификации знания, полученного с их помощью, что невозможно без обращения к философским основаниям как научного познания, так и самой научной категории «субъект».

Abstract. The positivistic model of obtaining knowledge, characteristic of the exact sciences, could not avoid the need to recognize subjectivity as an integral part of scientific knowledge. The significance of this fact lies in the fact that psychological and psychotherapeutic theory and practice must be considered as one of the forms of scientific knowledge. For it is necessary to develop ways to verify the knowledge obtained with their help, which is impossible without resorting to the philosophical foundations of both scientific knowledge and scientific category of «subject».

Ключевые слова: субъект, психология, философия, методология научных исследований.

Keywords: subject, psychology, philosophy, methodology of scientific research.

Онтология бытия человеческого существа как субъекта включает освещение проблем определения его сущности, первопринципов его функционирования, «ядро» субъекта как его основания. Античная онтология не оперировала категорией субъект, но определила его онтологические характеристики, которые можно свести к одному основанию, например, такому, как «духовное мыслящее начало».

Эта традиция вылилась в понятие о «когито» у представителей Нового времени, далее – в «субъективное Я» у И.-Г.Фихте, и, в конце концов, в категорию «субъект» как начало любой проявляемой человеком активности.

Субъект – это тот, кому открывается Абсолютная Идея у Г.В.Ф. Гегеля и Мировая воля у А. Шопенгауэра, а также свобода у экзистенциалистов (М. Хайдеггер, К. Ясперс, Ж.П. Сартр, А. Камю и т.д.).

Общей характеристикой онтологической перспективы рассмотрения проблемы субъекта является его соотнесенность с чем-то «большим», чем сам человек. На основании вышесказанного можно сделать вывод, что субъект в онтологической перспективе – это «посредник» между реальностью и принципом ее существования [5].

Далее, в рамках гносеологии и эпистемологии (определяющей границы и возможности человеческого познания в отношении истинности или ложности результатов познания, а также пути и формы познавательной деятельности человека) особым статусом обладает проблема самопознания человеком самого себя.

В этом самопознании человек делит себя на познаваемую часть – объект познания, и познающую часть – субъект познания [2]. Таким образом, субъект в гносеологической и эпистемологической перспективах – это агент познавательной активности, данной ему в определенных границах и условиях возможностей познания.

Методология, представляя общие способы и подходы человека к действительности, определяет диалектическое и метафизическое направление в их рассмотрении, которые также можно изучать с точки зрения общенаучных и междисциплинарных принципов организации человеческого праксиса.

Например, таких принципов, как принципы системности, причинности (каузальности), всеобщности и различия (отношения общего и единичного, общего и отдельного, части и целого), всеобщей взаимосвязи (явление и сущность, возможность и действительность, содержание и форма, необходимость и случайность) и др. и таких

методологических подходов, как эволюционного и революционного, прогрессивного и регрессивного, исторического и логического и др.

С точки зрения методологии субъект является оператором методов освоения окружающей реальности.

Антропо-аксиологическая перспектива рассмотрения проблемы субъекта эксплицирует существующие закономерности возникающих в процессе жизни проблем у человека, реализации его образа жизни, свободе, смысле жизни, ценностях, этических и эстетических модулях существования человека. В перспективе аксиологии и антропологии субъект – это агент «нормализации» и «очеловечевания» окружающей реальности посредством пребывания в ней [1].

В перспективе социальных наук и их философского основания субъект рассматривается через призму общих законов развития общества и взаимоотношений человека с системой социальных отношений и институтов. Здесь субъект выступает элементом системы социальных отношений, с одной стороны, и фактором, приводящим к социальным изменениям – с другой [3].

Выводы. Как мы можем видеть, субъект в ракурсе междисциплинарного исследования обладает парадоксальным статусом – как объект, основные качества и характеристики которого требуют исследования и изучения и как агент, проявляющий специфические формы активности, в которой эти качества и характеристики становятся доступными для наблюдения и познания.

Таким образом, психологическую теорию и практику невозможно мыслить в отрыве от понимания последних как одной из форм научного познания [4]. Это необходимым образом влечет за собой разработку инновационных способов верификации полученного с их помощью научного знания. Такая верификация невозможна без обращения к философским основаниям как научного познания, так и категории «субъект», его природы, функций и феноменологии самоосуществления в процессе развертывания как его индивидуального жизненного пути, так и его части как агента культурогенеза.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Дерябо С.Д.* Феномен субъектификации природных объектов/ Д.С. Дерябо // Дис. д-ра психол. наук: 19.00.01 – Москва, 2002 – 365 с.
2. *Знаков В.В.* Психология субъекта как методология понимания человеческого бытия/ В.В. Знаков // Психологический журнал. – 2003. – Т. 24. – №2 – С. 95 – 106

3. *Кристева Ю.* Знамена на пути к субъекту/ Ю. Кристева // *Философская мысль Франции XX века.* – Томск: Водолей, 1998. – С. 289 – 296
4. *Маричева А.В.* Междисциплинарный статус категории субъект: онтологическая, гносеологическая, методологическая, антропо-аксеологическая, социальная и психологическая перспективы научного исследования/ А.В. Маричева // *Сборник научных трудов «Проблемы современной психологии» Института психологии имени Костюка АПН Украины и Каменец-Подольского национального университета имени Ивана Огиенко,* 2014. – С. 38 – 42
5. *Сэмюэлз Р.* Между философией и психоанализом. Лакановская реконструкция Фрейда/ Р. Сэмюэлз. – Нью-Йорк – Лондон: Рутледж, 1992. – 91 с.

**МАТЕМАТИЧЕСКИЕ УЛОВКИ
В ФИЗИЧЕСКИХ ТЕОРИЯХ И ИХ ВЛИЯНИЕ
НА НАУЧНУЮ КАРТИНУ МИРА**

**MATHEMATICAL TRICKS
IN PHYSICAL THEORIES AND THEIR INFLUENCE
ON THE SCIENTIFIC PICTURE OF THE WORLD**

Прилепский Д.Ю., аспирант кафедры физики конденсированных сред, физических методов и информационных технологий в медицине Физико-Технического института Крымского Федерального Университета ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»

Prilepskiy D. Yu., postgraduate student Department of Condensed Matter Physics, Physical Methods and Information Technology in Medicine, Physical-Technical Institute, V.I. Vernadsky CFU

Аннотация. В работе рассмотрено влияние математического прогресса на становление научной картины мира, главным образом, посредством физических теорий. Показано, как вынужденные математические уловки, вводимые в теорию ввиду принципиальных затруднений в математике, формируют заведомо несуществующие теоретические конструкты, способные существенно исказить эмпирическую базу физических теорий.

Annotation. The paper considers the influence of mathematical progress on the formation of a scientific picture of the world, mainly through physical theories. It is shown how forced mathematical tricks introduced into the theory due to the fundamental difficulties in mathematics form knowingly non-existent theoretical constructs that can significantly distort the empirical basis of physical theories.

Ключевые слова: математические уловки, теоретический конструкт, картина мира, физические теории.

Keywords: math tricks, theoretical construct, picture of the world, physical theories.

Вот уже более четырехсот лет физика выступает флагом революции научной мысли. Она является фундаментальным стол-

пом, на который опираются и от чьих основ стараются вести мысль другие мощные науки, например, такие как химия и более молодые, такие как генетика. Физика дала альтернативные, более конкурентоспособные ответы на вопросы, ставившиеся тысячелетиями. Базисом же, определяющим прогностическую способность физики, является математика. Она настолько сильно вплетена в основу физики, что любая нерешенная или неразрешимая проблема в математике в тот же момент становится проблемой и для физики.

В определенные периоды истории основной проблемой в физике становилось не проведение экспериментов и выявление закономерностей природы, а поиск оптимальных математических концепций и аппарата, способного в обобщенной и строгой форме дать инструмент однозначного количественного анализа уже имеющихся фактов. Цель работы: показать, как уровень прогресса в математике становится фактором, прямо влияющим на физическую картину мира, а также указать, как трудности, возникающие при применении математического инструментария, приводят к появлению заведомо не существующих физических понятий.

С философской точки зрения данное направление работы ученых качественно раскрывается концепцией Томаса Куна. Кун показывает, что в момент использования математического инструментария часто зарождается теоретический конструкт, лишенный эмпирической базы [1, с. 86]. Например, начала анализа в механике Ньютона или электродинамика Максвелла. После того, как этот математический аппарат удовлетворительно количественно описывал необходимые факты, он становился частью физической теории. В результате в научном мире начинали считать, как именно функционирует природа. В качестве примера создания такого теоретического конструкта можно взять электромагнитное излучение. Необходимость описания электромагнитных явлений, привела Максвелла к применению для этого векторного анализа, аппарата, в основе своей содержащего концепцию некой сплошной среды. После подтверждения существования такой среды Герцем, этот образ стал для научного сообщества принципом, согласно которому так функционирует природа. Столкнувшись с проблемой невозможности описания теплового излучения и фотоэффекта имеющимся математическим аппаратом, Планком и Эйнштейном был предложен несообразный математический подход, содержащий в своей основе корпускулы. Используя аппарат квантовой теории поля, Фейнман описал электромагнетизм Максвелла как предельный случай развитого им аппарата. Теоретическим конструктом квантовой теории поля является сплошная среда, тем сильнее проявляющая свойства частицы, чем выше ее энергия.

Данный пример показывает, как сильно влияет выбор математической концепции на видение природы со стороны научного сообщества. В некотором смысле, формирование этого видения иногда становится заложником ситуации, когда недостаточный прогресс в области математики и ограниченность математического инструментария препятствуют хоть какому-либо буквальному природоописанию. Это обстоятельство приводит к тому, что учёный вынужден в большей степени прибегать к математическим хитростям и допущениям в существующих математических концепциях, нежели к переосмыслению и перестройке всего математического подхода к данной проблеме. Например, в процессе исследования элементарных частиц, ввиду открытия всё большего их числа, была принята концепция их упорядочивания и классификации в некоторые сообщества. Математической базой для классификации «Зоопарка частиц» выступала теория групп симметрии. В рамках данного математического подхода велась систематизация частиц как М. Гелл-Маном, с его «Восьмеричным путем», так и С. Саката, с его p - n - Λ моделью [2, с. 161]. Оба подхода подразумевали наличие трёх фундаментальных частиц и удовлетворительно систематизировали известные частицы. Обнаружение джей-пси мезона привело к тому, что его нельзя было классифицировать в рамках данных моделей, однако модель Гелл-Мана можно было применять, считая ее составной частью расширенной модели с четырьмя фундаментальными частицами. В дальнейшем, для классификации понадобилось уже шесть фундаментальных частиц, или кварков. Данный пример показывает, что в процессе формирования научной картины мира учёные, сталкивающиеся с проблемой теоретического характера, будут считать целесообразным как можно в меньшей степени видоизменять существующий подход, (в особенности, если альтернативной математической концепции не существует).

Казалось бы, логично предположить, что каждую область физических проблем возможно описать только при помощи единственной математической концепции. Однако математический аппарат является продуктом субъективной деятельности человека, в большей степени связанной с самим человеком, нежели с окружающей его действительностью. Например, попытки объяснить поведение элементарных частиц в рамках квантовой механики привели к ситуации, когда описание могло одинаково хорошо вестись с помощью двух различных математических концепций: матричной механики В.К. Гейзенберга и волновой механики Э. Шредингера. Впоследствии фон Нейман ма-

тематически связал два этих подхода, сформировав квантовую механику, как единую концепцию. Но даже при уже сформированном математическом аппарате, Дирак смог разработать новую концепцию описания квантовой механики с помощью формализма «бра-кет».

Отсутствие единственной связи между математической концепцией и определенной областью физических проблем, а также процесс внесения в науку математического ухищрения как способа обойти безальтернативность в математическом инструментарии можно проиллюстрировать на примере решения проблемы теплоемкости твердых тел. Описание акустических волн в кристаллах твердого тела производится с помощью системы дифференциальных уравнений, описывающих движение совокупности атомов или молекул. Однако внутренняя проблема данной концепции состоит в том, что уравнения невозможно решить ввиду огромного их количества. Подход к этой проблеме с использованием концепции статистики и представлениями о совокупности атомов даёт результат, плохо согласующийся с экспериментом. Чтобы устранить несоответствие, А. Эйнштейном, а затем П. Дебаем был предложен подход невзаимодействующих осцилляторов, в рамках которого акустические волны рассматривались как корпускулы или квазичастицы [3, с. 298]. Несмотря на то, что концепция корпускулярно-волнового дуализма не может иметь места вне элементарных частиц, а акустическая волна в твердом теле не является частицей, данный подход количественно полностью описал теплоемкость твердых тел. Этот успех привел к введению в обиход термина «фонон». Несмотря на то, что он является квазичастицей – образом частицы, не существующей в реальном кристалле, на его основе формируются представления о том, какие процессы происходят в твердых телах. Это обстоятельство хорошо подтверждается высказыванием нобелевского лауреата по физике Юджина Вигнера: «Ибо их [теорий] точность не может служить доказательством ни их истинности, ни взаимной согласованности» [4, с. 546].

Успех переноса теоретического конструкта из области квантовой механики в область волн в твердых телах привел к внедрению концепций квантовой теории поля для описания процессов, происходящих в твердых телах. Помимо фононов, с использованием данного математического аппарата в обиход вошли такие квазичастицы как магныны – несуществующая корпускула, описывающая магнетизм, поляроны, экситоны и др. [5, с. 5] Это привело к тому, что ряд вопросов и явлений, таких как сверхпроводимость, сверхтекучесть, электропроводность, может быть описана только с помощью квантовой теории поля. Таким образом, ряд научных представлений о некоторых явлениях природы формируется на основе заведомо несуществующих

конструктов и ввиду того, что для данной области изучения в математической концепции имеются принципиальные затруднения, полного анализа происходящего не может быть.

Может показаться, что математические хитрости, примененные для описания каких-либо явлений, не влекут за собой каких-то значимых последствий, ведь количественная теория с их помощью может быть построена и может полностью описывать процессы в интересующей ученого области. Однако такая практика может приводить к возникновению других несуществующих теоретических конструктов. Примером такого сомнительного конструкта, возникшего в рамках математической ловкости, являются виртуальные частицы. Данный объект возникает в аппарате квантовой теории поля в рамках упрощения с помощью теории возмущений и по математической структуре напоминает взаимодействие реальных частиц, вследствие чего и был выделен чисто умозрительно для большей визуализации расчета [6, с. 153]. Тем не менее, в процессе описания таких явлений, как эффект Казимира или поляризации вакуума, стало возможно их объяснение с позиции виртуальных частиц. С течением времени ряд ученых стал отстаивать позицию реального существования таких частиц, несмотря на то, что даже масса таких частиц является мнимым числом [7, с. 178].

Заключение. Математический аппарат выступает языком – основой, формирующей научную картину мира. От него во многом зависит то мировосприятие, на основании которого общество будет судить о действительности. Тем самым математика уже становится не просто абстрактной наукой, а фактором, влияющим на направление развития всей науки в целом. Трудности, возникающие при применении математики к физическим проблемам, и, зачастую, безальтернативность в математическом инструментарии приводят к тому, что ученые вынуждены изящно огибать их. Ценой же таких решений становится введение заведомо не существующих понятий и отсутствие возможности взглянуть на проблему с какой-либо другой стороны.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Никифоров А. Л.* Философия науки: история и методология (учебное пособие). – М.: Дом интеллектуальной книги, 1998. – 280 с.
2. *Нгуен Ван Хьен* Лекции по теории унитарной симметрии элементарных частиц. М.: Атомиздат, Москва, 1967. – 345 с.

3. *Леонтович М. А.* Введение в термодинамику. Статистическая физика (учебное пособие). М.: Наука, 1983. – 416 с.
4. *Вигнер Е.* Непостижимая эффективность математики в естественных науках // УФН. – 1968. – Т.94 – №3. – С. 535 – 546
5. *Хакен Х.* Квантовополевая теория твердого тела. – М.: Наука, 1980. – 341 с.
6. *Ахиезер А. И., Берестецкий В. Б.* Квантовая электродинамика. – М.: Наука, 1981. – 428 с.
7. *Готт В. С.* Философские вопросы современной физики. – М.: Высшая школа, 1972. – 416 с.

УДК 327

ФИЛОСОФИЯ ЦИФРОВОЙ ДИПЛОМАТИИ В УСЛОВИЯХ «ГИБРИДИЗАЦИИ» ЕЁ ПРОЦЕССОВ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

PHILOSOPHY OF DIGITAL DIPLOMACY IN CONDITIONS OF «HYBRIDIZATION» OF ITS PROCESSES IN THE MODERN WORLD

Чепурной Владислав Анатольевич – аспирант кафедры политических наук и регионоведения, г. Симферополь, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского E-mail: chipik8@gmail.com

Chepurnoi Vladislav Anatolyevich – Postgraduate at the Department of Political Science, Simferopol, Crimean Federal V. I. Vernadskiy University, E-mail: chipik8@gmail.com

Аннотация. В работе рассматриваются специфический аспект «гибридизации» процессов «оффлайн» – традиционной дипломатии и «онлайн» – цифровой дипломатии; затрагиваются фундаментальные основы дипломатической деятельности в современном мире. Приводится краткая характеристика предпосылок формирования современного облика дипломатии, объясняется её связь с научно-техническим прогрессом и разъясняются подходы к восприятию Глобальной сети в современном обществе и дипломатической науки. Автор также определяет процесс изменения философии дипломатии с учётом формирования «киберпространства».

Abstract. The scientific work examines the specific aspect of «hybridization» of the processes of «offline» – traditional diplomacy and «online» – digital diplomacy, touching on the fundamental foundations of diplomatic activity in the modern world. The author gives a brief description of the prerequisites for the formation of the modern image of diplomacy, explains its connection with scientific and technological progress and explains approaches to the perception of the Global network in modern society, and diplomatic science. The author also defines the process of changing the philosophy of diplomacy, taking into account the formation of a new «cyberspace».

Ключевые слова: цифровая дипломатия, дипломатические процессы, философия дипломатии, Глобальная сеть, интернет-пространство, цифровизация, дипломатическая наука.

Key words: digital diplomacy, diplomatic processes, philosophy of diplomacy, global network, Internet space, digitalization, diplomatic science.

В истории человечества внедрение новых технологий играло важную роль в развитии социального прогресса и становлении новых общественных идей. Рассматривая даже примитивные с позиции современной научной мысли изобретения древности, можно отметить их особую непрерывную взаимосвязь с развитием общества. Они влияли на различные аспекты жизни человека, его философию, понимание мира, практически на все процессы, происходящие вокруг него. Предпосылки формирования идеи взаимосвязанности прогресса общества и научно-технического развития появляются ещё в эпоху Возрождения. Эта идея укрепляется на протяжении эпохи Просвещения, ввиду колоссального развития научной мысли, становления новых философских направлений и принципиально новых технологий. Именно начиная с эпохи Просвещения технологический прогресс стал восприниматься как неотъемлемая часть развития социума.

С наступлением информационного века идея непрерывного совместного развития технологий и общества значительно укрепила свои позиции. В значительной степени этому поспособствовало появление сети Интернет, из-за чего произошло колоссальное расширение возможностей как отдельного человека, так и государства, международных организаций, позволяя обмениваться информацией, реализовывать проекты различных уровней, включая глобальные. Значительным образом изменился и облик дипломатии.

Интернет, являясь основой развития информационно-коммуникационных технологий, значительно повлиял на традиционные дипломатические отношения в современном мире. Процессы, которые берут своё начало в Глобальной сети прямо формируют современную политику, оказывая значительное влияние на общественное мнение, реализуя интересы социальных групп, государства, включая изменение баланса сил на мировой арене.

Текущее развитие Интернета даёт возможность наблюдения особой тенденции «цифровизации» дипломатии – всё более расширяющегося взаимодействия государств и международных организаций в Глобальной сети. В связи с этим возникает проблема использования традиционной дипломатии в современных условиях развития цифровых технологий в рамках сформированной неправительственными организациями базы управления Интернетом, что прямым образом

затрагивает философию дипломатии, формируя её новый облик в виртуальном пространстве со своими преимуществами и недостатками.

Термин «цифровая дипломатия» рассматривается современными исследователями с разных позиций. Часть учёных воспринимают цифровую дипломатию в качестве особого направления публичной дипломатии, противопоставляя данное понимание явления идее «цифровизации» традиционной дипломатии и её последующий переход в новую форму дипломатических отношений. Масштабы и разнообразие структурных частей цифровой дипломатии затрудняют формирование точного и официального определения ввиду многогранности изучаемой области. Организации и отдельные политологи попытались сформировать конкретное определение этого термина, но он продолжает использоваться в довольно расплывчатой форме. Например, ООН определяет цифровую дипломатию, как «использование возможностей Интернета и информационно-коммуникационных технологий для решения дипломатических задач» [1], в то же время отечественные учёные из Московского государственного института международных отношений МИД России трактуют феномен, как «... влияние на общественное мнение и процессы принятия внешнеполитических решений посредством сети Интернет» [2, С. 50].

В виду отсутствия точности в определении термина «цифровая дипломатия» исследователи изучают явление во множестве аспектов сети Интернет, уделяя внимание всему: от кибербезопасности до социальных сетей, включая сферу управления Интернетом. Также одной из важных причин отсутствия конкретики в определении цифровой дипломатии является то, что в научных работах определение часто упоминается под разными названиями. Ученые, дипломаты, государственные деятели используют множество названий: «Интернет-дипломатия», «дипломатия Глобальной сети», «электронная дипломатия», «Твипломатия» и другие.

На сегодняшний день становление и развитие цифровой дипломатии имеет впечатляющий потенциал, однако следует отметить, что существуют и глобальные вызовы, связанные с объединением проблемных элементов традиционной дипломатии с новыми угрозами, как перенесёнными из «оффлайн-сферы», так и возникшими непосредственно в сети Интернет, (кибертерроризм, «информационные войны», безопасность информации, хакерские атаки и др.) проблемами фундаментального характера дипломатии, её философии, роли в международных отношениях.

Но перед изучением современных дипломатических проблем в киберпространстве важно обозначить предпосылки их формирования в контексте связи технологий и общества для наиболее корректного понимания сущности проблем, стоящих перед Глобальной сетью и дипломатической наукой.

Рассматривая идею общей взаимосвязанности технологического и общественного процесса развития, имеет смысл отметить разногласия фундаментального характера. Сущность противоречий лежит в основе множества аспектов функционирования общества. Например, для внедрения и применения потенциально новых технологий недостаточно только лишь их практическое использование, важна также адаптация общества к новым знаниям без нанесения ущерба его традициям, обычаям и культурной идентичности [3]. Изменение функционирования общественных институтов, образования, политической и экономической жизни людей – это одна из основных частей процесса развития социума, учитывая тот факт, что изменения в обществе подразумевают под собой более длительный процесс, чем создание новых технологий [4].

На данный момент в текущих условиях развития Глобальной сети как особой формы реальности политической и социальной, можно отметить два специфических направления изучения Интернета и его позиционирования в политических, социальных областях, в сфере международных отношений, а также его философского осмысления в текущей реальности – «киберподход», и «реальный подход». Сторонники представленных подходов рассматривают Всемирную сеть по-разному, давая собственную оценку её роли в жизни человека и общества «табл. 1».

«Таблица 1»

Основные подходы, связанные с позиционированием сети Интернет в современном обществе

Подходы к восприятию Глобальной сети	
«реальный» подход	«киберподход»
Главная идея	
Интернет воспринимается в качестве новой технологии, упрощающей жизнь человека, как телеграф, телефон	Интернет воспринимается в виде отдельной реальности, разделившей мир на два пространства: «оффлайн» и «онлайн», кардинально отличающихся между собой

Правовая сфера	
Законодательства стран можно применять к Глобальной сети с учётом небольших специфических изменений	Законы «оффлайн» сферы неприменимы к Интернету в виду его особой роли в мире. Необходимо создание собственной правовой базы и всеобщая унификация законов
Экономическая сфера	
«Электронная» коммерческая деятельность не имеет особых различий от классической коммерции	Сеть Интернет выводит на новый уровень коммерческую деятельность, открывая новые возможности взаимодействия с населением и государственными органами
Дипломатическая сфера	
Ограниченное использование Интернета в дипломатической деятельности с сохранением традиционной формы дипломатии	Создание новой формы международных отношений, построенной на цифровой дипломатии

Источник: сформировано автором по материалам [5, 6].

Несмотря на значительные отличия во взглядах на роль Интернета в современном мире, важно отметить, что среди приверженцев двух представленных выше подходов имеются противоречия относительно динамики и интенсивности проводимых изменений в сфере дипломатии, вызванных технологическими изменениями, не говоря уже о противопоставлении мнений, затрагивающих роль Интернета и его совместимость с дипломатической культурой [7].

Но несомненно важно отметить то, что в исследуемой проблематике исследователей со стороны «реального» подхода и «киберподхода» затрагивается аспект глубоких изменений в фундаментальных нормах и правилах, которые бросают вызов общепринятым представлениям о том, что такое дипломатия в современном мире. Это вопросы, касающиеся иерархии, уходящие корнями в историю дипломатии на протяжении многих веков, что вызвано тенденцией «очеловечивания» современных дипломатов, делающих их ближе к многочисленным группам населения благодаря использованию социальных сетей и других интернет-площадок. Немаловажен вопрос о современной специфике внешней политики как сферы односторонней, нисходящей коммуникации. Особо изменился фактор секретности и конфиденци-

альности в дипломатическом процессе ввиду появления новых технологий в области защиты данных сети Интернет.

На сегодняшний день цифровая дипломатия предоставляет повышенные требования к сотрудникам дипломатических ведомств при взаимодействии с непрерывно расширяющимся количеством участников и более прозрачной деятельностью, проводя информационный обмен в рамках ведения дипломатии. Данное «открытие» дипломатической деятельности затрагивает важную проблему балансирования между обеспечением конфиденциальности в процессе переговоров и нарастающими требованиями обеспечения прозрачности.

Вышеперечисленные особенности цифровой дипломатии не меняют фундаментальных функций и философии дипломатической науки, но оказывают значительное влияние на структуру дипломатии, которая подвергается значительным изменениям ввиду цифровизации и автоматизации своих процессов. Влияние на дипломатию в рамках развития информационно-коммуникационных технологий должно рассматриваться в контексте более широких эволюционных тенденций и как составная часть научно-технического прогресса, в котором традиционные методы ведения дипломатии и инструменты модернизируются в соответствии с требованиями непрерывно изменяющихся общественно-политических процессов [8].

Для дипломатических ведомств следует более точно определить, что они подразумевают под «цифровой дипломатией». Ведь данный термин требует большей точности из-за множества затрагиваемых аспектов дипломатии и сети Интернет. На данный момент определение, даваемое в дипломатических кругах, более напоминает расплывчатое определение «мягкой силы», с одной стороны, или просто деятельности дипломатов в социальных сетях с другой.

Цифровая дипломатия является более обширным явлением, чем просто использование интернет-площадок для реализации привычных дипломатических действий. Множество дипломатических ведомств все еще применяют «оффлайн» привычки и нормы к цифровому миру.

Понимание сущности цифровой дипломатии берёт своё начало с базового понимания «оффлайн-мира». Философия цифровой дипломатии на данный момент формируется из особой комбинации явлений и событий в традиционной международной политической среде и новой «цифровой» среды, которая добавляет особую среду киберпространства, значительно расширяя общеизвестные особенности дипломатической деятельности. Современные дипломаты, не понимающие специфику взаимодействия в Глобальной сети как основу «цифровой» дипломатической практики, не будут иметь возможности эффективно вести дипломатическую деятельность в цифровую эпоху.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зачем нужна «цифровая дипломатия» в Твиттере? [Электронный ресурс] // Служба новостей ООН – новостной портал Организации Объединённых наций, URL: <https://news.un.org/ru/audio/2015/02/1026561> (дата обращения 02.06.2020)
2. Публичная дипломатия: Теория и практика: Научное издание / Под ред. М. М. Лебедевой. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2017. – С. 50
3. An Introduction to Internet Governance – Jovan Kurbalija 7th edition [Электронный ресурс] // Diplo Foundation, URL: https://www.diplomacy.edu/sites/default/files/AnIntroductiontoIG_7th%20edition.pdf (дата обращения: 04.06.2020)
4. Доклад Группы Всемирного Банка: Цифровые дивиденды [Электронный ресурс]: // Всемирный Банк МБРР – МАР, URL: <http://documents.worldbank.org/curated/en/224721467988878739/pdf/102724-WDR-WDR2016Overview-RUSSIAN-WebRes-Box-394840B-OUO-9.pdf> (дата обращения 11.06.2020)
5. An Introduction to Internet Governance – Jovan Kurbalija 7th edition [Электронный ресурс] // Diplo Foundation, URL: https://www.diplomacy.edu/sites/default/files/AnIntroductiontoIG_7th%20edition.pdf (дата обращения 04.06.2020)
6. Hocking B. and Melissen J. Diplomacy in the Digital Age [Электронный ресурс] // Netherlands Institute of International Relations, 2015, URL: https://www.clingendael.org/sites/default/files/pdfs/Digital_Diplomacy_in_the_Digital%20Age_Clingendael_July2015.pdf (дата обращения 05.06.2020)
7. Hocking B. and Melissen J. Diplomacy in the Digital Age [Электронный ресурс] // Netherlands Institute of International Relations, 2015, URL: https://www.clingendael.org/sites/default/files/pdfs/Digital_Diplomacy_in_the_Digital%20Age_Clingendael_July2015.pdf (дата обращения 05.06.2020)
8. Verrechia, Bridget, “Digital Diplomacy and Its Effect on International Relations”. [Электронный ресурс] // Independent Study Project (ISP) Collection 2017, URL: https://digitalcollections.sit.edu/isp_collection/2596 (дата обращения 10.06.2020)

**РОССИЯ И ЕВРОПА В СВЕТЕ КОНЦЕПЦИИ
Н.Я. ДАНИЛЕВСКОГО**

**RUSSIA AND EUROPE IN THE LIGHT OF CONCEPT
OF N.Y. DANILEVSKY**

Евтюшкин Игорь Владимирович, г. Симферополь, старший преподаватель Медицинской академии Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского

*Yevtyushkin Iegor Vladimirovich, Simferopol, senior lecturer of Medical Academy of Crimean Federal V.I. Vernadsky University
E-mail: evtyush@mail.ru*

Аннотация: В статье рассматривается проблема взаимоотношений России и Европы в свете концепции культурно-исторических типов, изложенной в работе Н.Я. Данилевского «Россия и Европа». Анализируются взгляды мыслителя на сущность двух культурно-исторических типов – славянского и германо-романского (европейского), причины антагонизма между Россией и государствами Запада, перспективы развития славянского культурно-исторического типа.

Abstract: The article explores the problem of relations between Russia and Europe in the light of the concept of cultural-historical types proposed in the work of N. Y. Danilevsky «Russia and Europe». The views of the thinker on the essence of two cultural-historical types are analyzed – Slavic and German-Roman (European), as well as reasons for the antagonism between Russia and Western countries, the prospects for the development of the Slavic cultural-historical type.

Ключевые слова: Н.Я. Данилевский, Россия, Европа, культурно-исторические типы, цивилизационный подход.

Keywords: N.Y. Danilevsky, Russia, Europe, cultural-historical types, civilization approach.

Книгу Н.Я. Данилевского «Россия и Европа» Федор Михайлович Достоевский называл «настойной книгой для всех русских надолго». Она впервые была опубликована в Санкт-Петербурге, в столичном журнале «Заря», в 1869 году. Как это часто бывает, практически не замеченная читающей публикой при жизни автора книга «Россия и Европа» впоследствии обрела не только всероссийскую, но и миро-

вую славу. Тем не менее, и критиков у этой работы было предостаточно. В среде российской интеллигенции того времени не утихал спор западников и славянофилов, а в своей книге Н.Я. Данилевский нанес серьезный удар по западническим представлениям о роли России в мировой истории.

Сегодня интерес российских ученых к наследию Н.Я. Данилевского весьма высок. События «Крымской весны», антироссийские санкции и усиление русофобской истерии на Западе заставили не только исследователей, но и политиков вспомнить о самобытности российской цивилизации.

В статье рассматривается проблема взаимоотношений России и Европы в свете концепции культурно-исторических типов, изложенной в работе Н.Я. Данилевского «Россия и Европа».

Много путешествуя по России и занимаясь по роду своей профессиональной деятельности изучением рыбных запасов российского государства, Н.Я. Данилевский особенно полюбил Крым. В Крым он переехал в 1865 году во время Азовской экспедиции и приобрел здесь имение близ Фороса, которое называлось Мшатка. На территории имения остались развалины большого барского дома, сожженного французами в годы Крымской войны, и маленький домик управляющего. С сентября 1869 года семья Данилевского постоянно живет в Мшатке, очень редко покидая ее пределы. Так Н.Я. Данилевский окончательно стал «провинциалом». Как пишет исследователь творчества Данилевского С. Н. Киселев, Николай Яковлевич не любил городской жизни. Дослужившись до генеральского чина, он большую часть жизни провел в провинции. Данилевский постоянно отказывался от должности в Петербурге, предпочитал столичной суете неторопливое житье на лоне природы [1].

Крым стал для Данилевского второй родиной. Николай Яковлевич построил во Мшатке дом и вырастил на ее территории замечательные сады, привозя из научных экспедиций редкие виды растений. До сих пор там растут посаженные им маслины, которые все еще плодоносят и вызревают [9].

Н.Я. Данилевский много работал на благо полуострова. Около года исполнял обязанности директора Никитского ботанического сада, был председателем комиссии по борьбе с филлоксерой на виноградных плантациях. К Данилевскому часто приезжали знаменитые гости. Так, во время своего пребывания в Крыму у Данилевского гостил Л.Н. Толстой. Лев Николаевич специально ходил во Мшатку пешком из

Симеиза. Как вспоминал потом Л.Н. Толстой, «мшатский затворник» и его супруга очень ему полюбились.

В Крыму Н. Я. Данилевский нашел свой последний приют. Умер он в 1885 году, в Тифлисе, возвращаясь из экспедиции по изучению рыбных запасов озера Гохча (Севан). Из Тифлиса тело Данилевского было перевезено в Крым и, согласно его завещанию, захоронено в Кипарисовом зале – участке на территории Мшатки, где Николай Яковлевич высадил коллекцию разных видов кипарисов. Это место стало семейным кладбищем Данилевских. Над Кипарисовым залом возвышается скала Бахрья («Спящий рыцарь»). Эта скала своим гордым величием чем-то напоминает творчество Н.Я. Данилевского.

В Крыму была написана знаменитая книга Н. Я. Данилевского «Россия и Европа». Если говорить о новизне работы «Россия и Европа», следует отметить, что идеи, изложенные в этой книге, были связаны с качественно новым для того времени подходом к пониманию истории. А именно – с цивилизационным подходом. В этом плане Николай Данилевский был первопроходцем, который предвосхитил идеи западных ученых Освальда Шпенглера и Арнольда Тойнби (наряду с понятием «цивилизация» Данилевский использовал сходное по значению понятие «культурно-исторический тип»). Несмотря на то, что влияние Данилевского на творчество Шпенглера прямо не прослеживается, несколько очевидцев (М. Шрётер и философ-гуссерлианец Г.Г. Шпет) вспоминали, что видели книгу «Россия и Европа» в личной библиотеке Освальда Шпенглера [2].

Опираясь на теорию культурно-исторических типов, Н.Я. Данилевский стал «глашатаем российской самобытности» [4]. Как известно, идею о российской самобытности и ее особом историческом пути выдвинули представители славянофильского течения в российской философской и политической мысли. Как отмечал П.Н. Милоков, в книге «Россия и Европа» впервые «была сделана попытка подвести под воздушный замок славянофильства более или менее солидный научный фундамент». Н.Я. Данилевский «дал нам нечто вроде научной основы для избрания дальнейшего самобытного исторического пути», – писал К.Н. Леонтьев. «Антилиберальной и антизападной бомбой» называет книгу «Россия и Европа» современный «западник», критик идей Н.Я. Данилевского А.Л. Янов [6].

Итак, рассмотрим теорию культурно-исторических типов. Автор «России и Европы» в своей историософской доктрине отрицает представление об истории человечества как едином линейном процессе, который делится на периоды древней, средней и новой истории. Ход истории, по его мнению, выражается в смене вытесняющих друг друга культурно-исторических типов, проходящих путь от «этногра-

фического» состояния через государственность до цивилизованного уровня [7].

Эти культурные общности живут собственной жизнью. Их самобытность связана, прежде всего, с тем, что нематериальная культура может распространяться только в границах собственной территории и не в состоянии охватить другие культурно-исторические типы (за исключением их отдельных элементов). В то же время, технология, или материальная культура, имеют тенденцию распространяться повсеместно.

Подобно живым организмам в природе, культурно-исторические типы находятся в непрерывной борьбе друг с другом и с окружающей средой. Так же, как и биологические особи, они проходят стадии зарождения, расцвета и гибели.

Согласно Н.Я. Данилевскому, жизнь культурно-исторических общностей «обнаруживает» себя в четырех видах (или разрядах) культурной деятельности: 1) деятельность религиозная; 2) деятельность культурная в узком смысле слова (наука, искусство, промышленность); 3) деятельность политическая; 4) деятельность общественно-экономическая.

Итак, «Россию» и «Европу» Данилевский относит к двум мощным культурно-историческим типам – славянскому и германо-романскому, или европейскому. Отсюда – антагонизм между Российским государством и государствами Запада и нелюбовь европейцев к русским. «Прочтите отзывы путешественников, – и вы увидите в них симпатию к самоедам, корякам, якутам, татарам, к кому угодно, только не к русскому народу», – писал Н.Я. Данилевский [5, с. 79].

Наглядным примером конфликта между славянским и германо-романским культурно-историческими типами стала Крымская война 1853-1856 годов, в ходе которой Россия подверглась агрессии со стороны ведущих европейских государств. Следы этой агрессии Н.Я. Данилевский наблюдал, в частности, на территории своего имения (как уже отмечалось, в годы войны дом предыдущего владельца Мшатки был сожжен французами).

Как отмечает Н.Я. Данилевский, видя перед собой Россию, Европа «...инстинктивно чувствует, что под этой поверхностью лежит крепкое, твердое ядро, которое не растолочь, не размолотить, не растворить, – которое, следовательно, нельзя будет себе ассимилировать, претворить в свою кровь и плоть, – которое имеет и силу, и притязание жить своею независимою, самобытною жизнью» [5, с. 76].

Анализируя внешнюю политику России и характер войн, которые она вела, начиная с эпохи Петра I, Н.Я. Данилевский приходит к выводу, что, когда в центре русской политики стоят русские интересы, Россия добивается наибольших успехов на международной арене, когда же она начинает отстаивать «общеевропейские интересы», то все ее успехи обращаются против нее и «заставляют истекать кровью ее собственное тело».

Поэтому европейничанье – это болезнь русской жизни, губительная для России, которая в политическом смысле есть Анти-Европа, – отмечает Н.Я. Данилевский. Автор «России и Европы» считает славянский культурно-исторический тип более перспективным, чем тип германо-романский, который, по его мнению, переживает упадок. По прогнозам Н.Я. Данилевского, на смену Европе в дальнейшем должна прийти Россия с ее миссией объединения всех славянских народов и высоким религиозным потенциалом.

Сегодня панславизм Н. Я. Данилевского отчасти выглядит как политическая иллюзия. Но только отчасти.

Да, «братушки-болгары» тяготеют сегодня к германо-романским интеграционным объединениям, к военному блоку НАТО. Но на фоне экономического кризиса и внутренних противоречий в ЕС болгары стали чаще смотреть в сторону России. Не стерлась и историческая память о том, что от османского ига Болгарию освободила Россия, а не Европа. К дружбе с Россией сегодня все больше склоняются Сербия, Черногория и Македония, зажатые «в тиски» американского геополитического проекта «Великой Албании».

Цивилизационный раскол на Украине, доведенный «евромайданым» государственным переворотом до стадии гражданской войны, носит политический, а не цивилизационный характер. В культурном плане не только восток, но и центр Украины тяготеют к славянскому (точнее – к славянско-православному) культурно-историческому типу. Исключение из правила – западная Украина с особой ментальностью и униатской религиозной принадлежностью галичан. Но и запад Украины имеет древнерусские корни. Русофобия и нелюбовь к России, насаждаемые на Украине внешними и внутренними прозападными силами, не способны разрушить культурную общность Украины и России.

Спорными представляются геополитические построения Н.Я. Данилевского о необходимости включения Царьграда (Константинополя) в состав объединенного славянского государства (в качестве столицы Всеславянской империи). Но в целом геополитическое мышление автора «России и Европы» впечатляет своей точностью и глубиной. Как писал Олесь Бузина, «скромный статистик отлично разобрался в геополитических вопросах» [8].

«Входы и выходы из Балтийского моря не в наших руках и попасть в наши руки никоим образом не могут, – отмечал Данилевский. – Мы не можем, следовательно, по нашему произволу оказывать влияние на ход всемирных событий нашею балтийскою морскою силою»... Ведь Балтика чуть ли не полгода скована льдом. На ней можно только обороняться. Но выйти на широкий оперативный простор невозможно по природным причинам. Следовательно, «одно Черное море в состоянии дать России силу и влияние на морях» [5, с. 548].

Для Данилевского необходимость занятия Россией Константинополя объясняется, прежде всего, необходимостью установления контроля над Черноморскими проливами. Говоря о значимости Черноморского бассейна для России, Данилевский сравнивает его с укрепленным морским лагерем. Лагерем, который дает России природа в Черном море «с его рядом дефилей – Дарданеллами и Босфором и Керченским проливом, с передовым плацдармом – Мраморным морем; с обширным внутренним пространством, самим Черным морем – как бы рейдом, в котором флот может обучаться и приобретать всю необходимую морскую практику; с цитаделями в Керченской и Севастопольской бухтах; с запасными арсеналами в Николаеве». Отсюда российский флот сможет «защищать Адриатическое и Эгейское побережье; высылать крейсеров в Средиземное и Красное море; угрожать Суэцкому каналу, Мальте, Тулону; укрываться в случае неудачи или перед превосходными неприятельскими силами в свое недоступное убежище» [5, с. 551–552].

Как видим, в стратегическом отношении вопрос о контроле над Черным морем и сегодня жизненно важен для России. Но, после волюнтаристской передачи Крыма в состав УССР Н.С. Хрущевым в 1954 году и разрушения Советского Союза в 1991 году, речь стала идти уже не о контроле над проливами, а о возможности базирования Черноморского флота России в Крыму, в г. Севастополе. Таким образом, в работах Н.Я. Данилевского приведены не только цивилизационные, но и геополитические аргументы, которые объясняют закономерность защиты Россией Крыма и крымчан в ходе событий «Крымской весны».

Говоря о личности Н. Я. Данилевского и его выдающемся вкладе в отечественную общественно-политическую мысль, мы не можем не отметить тот факт, что, к сожалению, в советский период творчество Н.Я. Данилевского и память об этом ярком и самобытном мыслителе были преданы забвению. Его теория о культурно-исторических типах противоречило положениям марксизма об историческом процес-

се, как о смене классовых формаций. Поэтому его труды в советское время находились под запретом. Еще хуже обстояло дело с могилой мыслителя, которая была закатана под асфальт. На месте семейного кладбища Н.Я. Данилевского и 10-ти членов его семьи во Мшатке была устроена спортплощадка детского пионерлагеря имени космонавта В. Комарова.

Восстановление справедливости заняло многие десятилетия. Первый успешный шаг, направленный на восстановление памяти о Данилевском, был предпринят Инной Рау (родственницей ученого) в 1986 году, когда по её ходатайству, поданному в управление культуры Крымского облисполкома, во Мшатке установили мемориальную доску на одном из корпусов пионерского лагеря, и имя Н.Я. Данилевского было впервые увековечено. Но прошло ещё десять лет, прежде чем под напором общественности и благодаря деятельности ученого Сергея Николаевича Киселева в 1996 году с могилы Николая Яковлевича наконец-то сняли асфальт [9].

Подводя итоги, следует отметить, что имя Н.Я. Данилевского по праву занимает особое место в «зале славы» российской общественно-политической мысли. Данилевским восхищаются, Данилевского критикуют, но мало кто остается равнодушным к его идеям.

В философском плане представляют интерес идеи Н.Я. Данилевского о том, что история человечества – это не единый линейный процесс, а поле взаимодействия различных культурно-исторических типов, проходящих путь от «этнографического» состояния через государственность до цивилизованного уровня. Н.Я. Данилевский провёл анализ культурно-исторических типов, как особой формы, особой структурной единицы, особого феномена в развитии человеческих обществ. Об особой роли культурных феноменов в жизни общества стали говорить и сторонники линейной концепции истории. В частности, это обстоятельство отметил в интервью профессору О.А. Габриеляну знаменитый американский политический философ Фрэнсис Фукуяма (автор концепции «конца истории») [3].

Обращает на себя внимание идея Н.Я. Данилевского о том, что Россия в политическом смысле есть Анти-Европа. Данилевский связывает это обстоятельство, с одной стороны, с наличием особого культурного «ядра» в развитии России, её высоким религиозным потенциалом. Однако антагонизм между Россией и Европой лежит не только в сфере религии и культуры (в узком понимании). Политическая деятельность России как особая форма проявления её историко-культурного типа основана на определённой идее, определённой миссии. Н.Я. Данилевский отмечает наличие у России политической миссии объединения славянских народов. Современное противосто-

яние между Россией и Западом можно во многом объяснить с точки зрения концепции Н.Я. Данилевского. Заметно ослабленная в экономическом отношении после развала СССР Россия остаётся центром интеграции государств, связанных с ней единой культурой и историей. Это обстоятельство во многом противоречит интересам государств, представляющих германо-романский культурно-исторический тип. Однако это обстоятельство даёт России и славянскому культурно-историческому типу надежду на будущее.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Киселев С.Н.* Русский гений: Николай Данилевский / С.Н. Киселёв // Крымский архив. – 1999. – №4. – С.59-152.
2. *Пивоваров Ю.С.* Николай Данилевский: в русской культуре и мировой науке / Ю.С. Пивоваров [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ecsocman.hse.ru/text/18994164/>
3. *Габриелян О.А.* Интервью с ведущими политологами США // Политическая наука в Украине: становление и перспективы / Под ред. д.ф.н. О.А. Габриеляна, д.ф.н. А.Д. Шоркина. – Симферополь, 2002. – 344 с., с. 281
4. Глашатай российской самобытности и «соль земли Русской». Интервью с праправнучкой Н.Я. Данилевского Ольгой Струевой [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ruskline.ru/analitika/2008/12/11/glashataj_rossijskoj_samobytnosti_i_sol_zemli_ruskoj/
5. *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа / Н.Я. Данилевский. – М.: Де'Либри. – 2015. – 768 с.
6. *Янов А.* Николай Данилевский и исторические перспективы России / А. Янов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://polit.ru/article/2007/11/16/yanov/>
7. *Дугин А.* Философия политики: словарь персоналий / А. Дугин [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://politike.ru/dictionary/435/word/danilevskii-nikolai-jakovlevich>
8. *Бузина О.* Великая шахматная доска Данилевского / О. Бузина [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://from-ua.com/voice/710470d9b81ce.html>
9. *Данилевская О., Тэнни-Данилевская О.* Памятник в Кипарисовом зале / О. Данилевская, О. Тэнни-Данилевская [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://c-pravda.ru/news/2012-11-30/pamyatnik-v-kiparisovom-zale>

ПОЛИТИЧЕСКИЙ СУБЪЕКТ В КОНТЕКСТЕ ФИЛОСОФИИ ПОЛИТИКИ И ФИЛОСОФСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ

POLITICAL SUBJECT IN THE CONTEXT OF PHILOSOPHY OF POLITICS AND PHILOSOPHICAL ANTHROPOLOGY

Дудник Марьяна Николаевна – аспирант кафедры философии социально-гуманитарного профиля, г. Симферополь, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского

*Dudnik Mariana Nikolaevna – graduate student of department of philosophy of socially-humanitarian profile, Simferopol, Crimean Federal V. I. Vernadskiy University
E-mail: maryana.dudnik@mail.ru*

Аннотация: В статье осуществлена попытка обозначить место и роль политического субъекта в современном обществе, показаны основные различия между политическим субъектом и человеком политическим. Философская антропология представлена как дисциплина, которая поможет переосмыслить понятие политического субъекта с точки зрения современных реалий.

Abstract: The article attempts to identify the place and role of a political subject in modern society, shows the main differences between a political subject and a political person. Philosophical anthropology is presented as discipline that will help to rethink the concept of political subject from the point of view of modern realities.

Ключевые слова: политический субъект, человек политический, философская антропология, природа человека, общество, государство.

Keywords: political subject, political person, philosophical anthropology, nature of human, society, state.

Сущностные социальные трансформации, которые принято описывать в терминах «текущей современности», «общества риска», «постполитики» и «infomodernity», приводят нас к необходимости переосмысления понятий политический субъект и политический человек. Перед тем как приступить к детальному рассмотрению данной проблемы, следует обозначить, что собой представляет политический субъект, а также определить, в чем его отличие от прочих участников политических отношений. Если в контексте политической науки и философии политики ключевым является разделение на субъект и объект политических воздействий, то философская антропология ак-

центрирует внимание на понятии человека политического, который и представляет собой основную единицу анализа.

На смену субъекту политики как активному, действующему началу приходит человек политический, который может не иметь ничего общего с политическим лидерством или политическими элитами, поскольку понятие это применимо и к тем индивидам, которые напрямую не воздействуют на политическую реальность, но своим поведением обеспечивают легитимацию господствующей власти. В попытке дать определение человека политического современная исследовательница Г.В. Пушкарева отмечает: «*Homo politicus* – тот, кто участвует в создании мира политики как сложной системы отношений и взаимодействий, определяющей облик власти в каждом конкретном обществе» [4, с. 91].

Российский исследователь И.А. Щеглов утверждает, что для современной политической науки характерно рассмотрение человека политического в двух основных ракурсах. Первый из них, он обозначает как «человек – политика», что позволяет увидеть в человеке личность, включенную в систему отношений власти. Данная трактовка предполагает существование двух основных подходов, которые И.А. Щеглов определяет как деятельностный и ролевой. В рамках деятельностного подхода политика определяется как род занятий, а политический человек приравнивается к политическому деятелю. Ролевой подход предполагает наличие субъект – объектных отношений: «Основой измерения «субъектности» человека служит то, что он – думающий, реагирующий, принимающий политические решения на фоне гражданской и политической активности. Качественной характеристике «субъектности» приписывается осознанная и сознательная социальная и политическая активность индивида, а под «объектностью» полагается политическая пассивность и безвольность» [8, с. 14]. Иной ракурс предполагает рассмотрение человека политического в его неразрывной связи с государством. В данном случае человек политический определяется как гражданин, поскольку находится в системе институциональных отношений.

Само понятие субъекта политики порождено властью как основной политической категорией, поскольку именно она предопределяет наличие отношений господства и подчинения. Существование тесной взаимосвязи между понятием политического субъекта и власти отмечает М. Фуко: «Следовательно, общую тему моих исследований образует не власть, но субъект. Правда, я был вынужден пристально заинтересоваться и вопросом власти. Я быстро понял, что если че-

ловеческий субъект вступает в производственные отношения и в отношения осмысления, то в равной степени он входит в отношения с властью, отличающиеся большой сложностью» [6, с. 162]. Философ выделяет два основных значения термина субъект: 1) подчиненный другому; 2) имеющий собственную идентичность. Однако, по мнению М. Фуко, в обоих случаях «это слово имеет в виду форму власти, которая поработывает и угнетает» [6, с. 168], что приводит к необходимости нового определения субъективности.

Основной интерес для политической науки представляют такие политические субъекты, как государство, политические партии, общественные движения, а индивидуальное начало в большинстве случаев трактуется как продолжение коллективного. Тем не менее, по утверждению современных исследователей, именно сегодня «особенно острой становится потребность в осмыслении связей человека с институтами, претендующими на организацию управления многомерными общественными процессами» [5, с. 10]. Даная попытка вернуться от понятия политического субъекта к человеку политическому может притязать на статус очередного «антропологического поворота», демонстрирующего, что индивидуальное начало не просто продолжение коллективного, а обладает собственным статусом.

У данного подхода есть свои последователи и оппоненты. Так, О.Н. Гольшева и О.А. Останина склонны полагать, что «политический субъект в принципе не может быть «Я», он всегда «МЫ» [2, с. 24]. Сторонники иной позиции В.В. Лапкин и И.С. Семененко считают, что именно человек политический является «изначальным носителем политической субъектности, своей деятельностью он формирует политический мир как таковой, со всеми его вышеуказанными акторами» [3, с. 65].

Некоторые исследователи и вовсе убеждены, что современную реальность невозможно описать в терминах политического. Так, А.В. Шевченко утверждает, что понятия человек политический и человек информационный необходимо противопоставлять друг другу: «В условиях информационных мутаций *homo sapiens* порождается «человек информационный», существенно отличающийся от «человека политического» и претендующий на изменение не только ролей, но и сценариев развития мира политического» [7, с. 69].

К основным признакам политического субъекта, как правило, относят: активную политическую позицию, проявляющуюся в поступках; наличие политической воли и политических ценностей; возможность осуществлять политическую коммуникацию. Политическая реальность по своей сути является интересубъективной, поскольку

индивидуальный опыт должен согласовываться в ней с опытом других субъектов, что становится возможным в процессе коммуникации. Одним из первых, кто определил государство как «политическое общение граждан» [1, с. 123], был Аристотель. Сегодня также принято говорить о политике как о совокупности коммуникативных практик, а политический субъект в данном случае определяется как тот, кто осуществляет процесс коммуникации. Для примера приведем несколько высказываний современных авторов, которые касаются коммуникативного определения как субъекта политики, так и человека политического. Исследовательница Г.В. Пушкарева отмечает: «Коммуникация – это и процесс рождения homo politicus, и способ существования политической реальности» [4, с. 100]. Сходное определение мы можем встретить у И.А. Щеглова, который настаивает на тезисе, что «человек политический (он же – говорящий, дискурсивный) – это осуществляющий речевые политические практики» [8, с. 15]. Современный итальянский исследователь Д. Тариццо утверждает, что поскольку речевые акты носят различный характер и коренным образом отличаются друг от друга, то мы можем говорить и о существовании различных политических субъектов: «Существует столько видов политических субъектов, сколько существует видов политических речевых актов» [9].

Проведенное исследование позволяет нам выделить несколько основных подходов к проблеме истолкования политического субъекта.

Первый подход предполагает определение политического субъекта посредством дискурсивных практик, через коммуникативный акт, в котором властные отношения представлены как своеобразный диалог. Характерной особенностью данной концепции является то, что ее представители, как правило, не настаивают на разграничении понятий политический субъект и политический человек, так как и тот и другой являются участниками коммуникации, хоть и могут осуществлять ее различными способами.

Последователи второго подхода выводят дефиницию политического субъекта из его социального начала (Мы-концепция). Поскольку личность формируется обществом, то человек вне общества утрачивает свою идентичность. В таком ракурсе даже человек политический предстает перед нами не как индивидуальность, а как носитель определенных социальных качеств.

Еще один подход предполагает определение политического субъекта исходя из индивидуального начала (Я-концепция). В таком случае у нас появляется возможность перейти от рассмотрения обезличенно-

го, абстрактного политического субъекта к политическому человеку, включенному в реальные общественные отношения.

Последний подход и вовсе постулирует отрицание существования политического субъекта, поскольку считается, что в современных условиях нет возможности вести речь о традиционной оппозиции субъект – объект, так как она утратила свою актуальность. Образ политического субъекта трансформируется под влиянием различных факторов: потенциальная возможность преобразования человеческой природы посредством генной инженерии; виртуализация политической реальности. Данный тезис развивается и аргументируется современными исследователями глобализационных процессов: «Изменение коммуникации, информации, дискурсивной практики меняет субъекта, в том числе политического. В условиях глобализации ставятся под вопрос такие политические субъекты, как нация, национальное государство» [2, с. 23]. Кроме того, в современную эпоху политический субъект перестает быть определяющим, так как на смену ему приходит субъект экономический.

В качестве основных выводов исследования отметим, что политический субъект – это тот, кто принимает решения и способен к активным действиям, в то время, как человек политический может быть субъектом политического процесса, а может играть пассивную роль в политической жизни. Переход от понятия политического субъекта к понятию человека политического, обозначающего индивидуальное измерение политики, представляет собой попытку нового переосмысления не только политической реальности, но и самой природы человека.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аристотель. Политика // Пер. с древнегреч. С. А. Жебелева. – М.: АСТ, 2016. – 360 с.
2. Гольшиева О. Н., Останина О. А. Трансформация политического субъекта в условиях глобализации / О. Н. Гольшиева, О. А. Останина // Вестник Вятского государственного университета. – 2019. – № 3. – С. 23–29.
3. Лапкин В. В., Семенов И. С. «Человек политический» перед вызовами «infomodernity» / В. В. Лапкин, И. С. Семенов // Полис. – 2013. – № 6. – С. 64–81.
4. Пушкарева Г. В. Homo politicus: политическая реальность и политический дискурс / Г. В. Пушкарева // Общественные науки и современность. – 2013. – №5. – С. 90–100.
5. Семенов И. С. «Человек политический» перед альтернативами общественных трансформаций: опыт переосмысления индивидуального измерения политики / И. С. Семенов // Полис. – 2012. – № 6. – С. 9–26.

6. Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью / М. Фуко // Пер. с франц. Б. М. Скуратова под общей ред. В. П. Большакова. – М.: Праксис, 2006. – Ч. 3. – 320 с.
7. Шевченко А. В. Устойчивость политической системы: человек коммуникативный против человека политического / А. В. Шевченко // Полис. – 2009. – 5. – С. 68–83.
8. Щеглов И. А. Проблема определения понятия «человек политический» в современной российской политической науке / И. А. Щеглов // Общество: политика, экономика, право. – 2018. – № 3 – С. 14–17.
9. Tarizzo D. What is a Political Subject / D. Tarizzo // *Politica comun.* – 2012. – Vol. 1. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://quod.lib.umich.edu/p/pc/1232227.0001.001?view=text;rgn=main> (дата обращения 12.06.2020).

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ УКРАИНСКОЙ ЭЛИТЫ КАК ФИЛОСОФСКАЯ ПРОБЛЕМА

THE POLITICAL ACTIVITY OF UKRAINIAN ELITE AS A PHILOSOPHICAL PROBLEM

Иванков Кирилл Владимирович – обучающийся 1 курса аспирантуры, 41.06.01 Политические науки и регионоведение, г. Симферополь, ФГАОУ ВО Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, аспирант кафедры политических наук и международных отношений

*Ivankov Kirill Vladimirovich – a 1st year postgraduate student, 41.06.01 Political Sciences and Regional Studies, Simferopol, V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Chair of Political Sciences and International Affairs
E-mail: Admiralmyers@mail.ru*

Аннотация. В статье осуществлена попытка философского осмысления политической деятельности, осуществляемой элитой Украины, рассмотрены движущие силы, определяющие характер и особенности указанной деятельности. Проанализирована роль политической элиты Украины в становлении и углублении системного кризиса в этом государстве. Предложен перечень характеристик, необходимых политической элите для разработки эффективных ответов на вызовы времени.

Abstract. In the article the attempt to philosophical understanding of political activities exercised by the elite of Ukraine is made. The driving forces that determine the nature and features of the mentioned activity are considered. The role of Ukrainian political elite in the formation and deepening of the systematic crisis in the country under consideration is analyzed. A list of characteristics required by the political elite to develop effective responses to the challenges of the time is proposed.

Ключевые слова: политическая элита, политическая деятельность, Украина, кризис.

Keywords: political elite, political activity, Ukraine, crisis.

В настоящий момент украинское государство и общество переживают системный кризис, проявления которого возможно наблюдать в политической, экономической, социальной, культурной, духовной и ценностной сферах. Характер этого кризиса требует философского

осмысления для понимания причин его возникновения, движущих сил его эволюции, а также для поиска ответа на вопрос: как воспрепятствовать возникновению аналогичных кризисов в других государствах и обществах.

Указанный кризис имеет длительную историю своего возникновения и развития. Отправной точкой данного кризиса можно считать утрату релевантности коммунистической идеологии на рубеже 80-90-х годов XX века, а также дезинтеграцию СССР. Эти события обусловили переход обществ на постсоветском пространстве к состоянию «переходного периода» [4, с. 45]. Указанное состояние характеризуется тем, что прежняя система ценностных координат разрушается, а новая система ещё не складывается; социальные группы, составлявшие ранее средний класс, маргинализируются, не осуществляется передача позитивных общественных ценностей новому поколению; сужается возможность формирования зрелой личности и гуманитарного потенциала общества. Кроме того разрушается система образования как институт социализации индивида, утрачивается просвещение как один из важнейших её фрагментов. Вместе с тем формальное образование всё меньше отражает действительный уровень профессионализма человека, а также не гарантирует достойного трудоустройства и оплаты труда, что, в свою очередь, ведёт к его обесцениванию, утрате трудовой мотивации и, как следствие, открывает дорогу новым социальным и экономическим кризисам [9, с. 46]. Теряет свою значимость семья как социальная ячейка общества. Все эти факторы формируют общество, которое можно охарактеризовать как общество риска, которому присущ дисконфорт общественных отношений, недоверие и правовой нигилизм.

В контексте рассмотрения кризисных ситуаций, с которыми сталкиваются государства и общества, в первую очередь следует обратить внимание на человека, выступающего как альфа и омега, начало и конец истории. В этом смысле ключевым актором, сыгравшим свою роль в формировании и углублении указанной кризисной ситуации, выступает политическая элита Украины.

Понятие «политическая элита» имеет широкий перечень трактовок, рассматривается сквозь призму ряда подходов [2, 3, 13]. Однако в контексте анализа политической деятельности, осуществляемой политической элитой, наиболее эффективным будет именно статусно-функциональный подход, рассматривающий политическую элиту как круг лиц, имеющих определённый капитал и административные ресурсы, объединённых рядом общих интересов: стремлением к об-

ладанию рычагами реальной власти, а после их получения – стремлением сохранить за собой монополию на эту власть. Данная трактовка противоречит первоначальному смыслу слова «элита» – лучшее, отборное, избранное. Однако ценностная трактовка политической элиты часто подвергается критике, поскольку она носит нормативный характер и не коррелирует с социологическими данными. В действительности люди, обладающие политической властью, далеко не всегда соответствуют ценностному критерию, не всегда являются образцами профессионализма и высоких моральных ценностей [2].

Данный тезис справедлив и в отношении политической элиты Украины, которой присущи клановость, nepoтизм, политическая прокрастинация, заинтересованность в собственном обогащении. Указанные негативные черты усугубляли возникшую в стране кризисную ситуацию. Фактически, все годы независимости Украины тема кризиса и необходимости противодействовать ему не исчезала из социально-политического дискурса [6, с. 7].

В этом отношении необходимо отметить, что антикризисное регулирование, возрождение общества – это крайне сложный и комплексный процесс. В литературе, посвященной проблемам политической деятельности, отмечается, что именно в кризисные, переломные периоды общественного развития, на политическую сцену выходят яркие политические лидеры крупного масштаба. Именно они становятся во главе реализации стратегических проектов, которые могут вывести государство из кризисной ситуации. Основопологающими качествами таких лидеров являются ответственность, патриотизм и профессионализм [7, с. 122–125]. Однако, на политической сцене Украины такие лидеры ещё не появились. Более того, с 1991 года возможно наблюдать всё более углубляющийся разрыв между политической элитой и остальным населением страны.

В этом смысле в украинском государстве и обществе сложилась ситуация, которую А. Панарин характеризовал как «народ без элиты» [10, 11]. Это состояние, при котором политическая элита более не ассоциирует себя с населением своего государства, не выступает в качестве составляющего меньшинства общества, способного к принятию эффективных управленческих решений, направляющего государство и общество для эффективного противодействия вызовам времени. Напротив, представители элиты ориентируются в своей деятельности на международные центры власти, ассоциируют своё будущее (и будущее своих семей) именно с ними, а не с тем государством, лидерами которого они являются [10]. Это ведёт к снижению эффективности политической деятельности, потере национальных интересов, сосредоточенности политической элиты на удовлетворении собственных

интересов в ущерб интересам государства и общества. Более того, такая модель политической деятельности создаёт дополнительные возможности для оказания внешнего воздействия на политические процессы в стране (что неоднократно было продемонстрировано в периоды государственных переворотов, а также на примере модели взаимодействия Украины с международными финансовыми организациями) [16].

В качестве яркого примера неэффективной политической деятельности украинской элиты можно привести проблему преодоления бедности. Указанная проблема была отмечена в 1994 году в рамках Доклада Президента Украины «Путём радикальных экономических реформ. Об основных положениях экономической и социальной политики». Уже на этом этапе отмечались существенные изменения в социуме, вызванные бедностью, а также риски для экономической системы страны [12]. Системный кризис а также хаотизация социальной системы привели к формированию у населения особого состояния «привыкания» к ухудшениям условий жизни. В ходе кризиса население постепенно переходило в состояние депривации, то есть сокращения удовлетворения ставших привычными потребностей. Со временем человек в таких условиях переходит в режим «выживания», то есть элементарного воссоздания жизни, а все остальные потребности и вместе с ними и надежды, планы на будущее откладывает «на потом», организует свою жизнь как ожидание [6, с. 16–17]. Более того, в указанный период в обществе начала формироваться устойчивая «субкультура бедности», способная привести к существенным негативным трансформациям на уровне личности [5, с. 90–91].

В 2001 году была разработана «Стратегия преодоления бедности», подразумевавшая решение указанной проблемы в три этапа, реализуемые до 2009 года [14]. Тем не менее, меры по борьбе с бедностью носили спорадический, бессистемный характер, и, спустя 10 лет, проблема не только не была решена, но и значительно усугубилась [9, с. 45]. Невзирая на существенные риски для социальной системы, которые несёт с собой хроническая бедность, данная проблема не решена в украинском обществе до сих пор [1, с. 321–330].

Ещё одним фактором, обусловившим описанный характер политической деятельности элиты Украины, является взаимодействие и взаимопроникновение политической элиты и политико-экономических групп, представляющих собой специфический тип групп интересов, для которого характерен прочный симбиоз в первую очередь политических, экономических и административных сил [8, с. 2]. Политико-э-

кономические группы, представленные сегодня в политико-экономической системе Украины, выступают ключевым элементом в целом неэффективной системы организации политики, общества и экономики, являются фактором тотального сращивания политической и экономической деятельности, что превращает государство в механизм по поиску прибыли. В таких условиях государство неспособно выполнять свои базовые функции, а политико-экономические группы выступают препятствием на пути развития государства [там же, с. 10].

Отдельной особенностью, присущей политическим лидерам Украины, является постоянное изменение политических ориентаций, политическое предательство. В результате, утрачивается механизм достижения консенсуса между политическими силами, что ведёт к невозможности выработки единой стратегии не только в контексте модернизации общества и преодоления кризисных ситуаций, но даже в решении сиюминутных вопросов функционирования политической системы, что позволяет характеризовать украинскую политику как «политику абсурда» [15, с. 61].

Таким образом, можно заключить, что политическая деятельность политической элиты Украины отличается бессистемностью, спорадическим принятием отдельных шагов, непоследовательностью в реализации стратегий (или отсутствии таковых).

Отсутствие в политической элите Украины политиков «по призванию», отказ от идеи общего дела в пользу личных интересов, искаженность системы ценностных координат, низкая социальная ответственность в политической деятельности, глубокий раскол между элитами и остальным населением, как и раскол внутри политической элиты Украины, выступили факторами, обусловившими системный кризис. В этом смысле ключевыми элементами, которые позволяют социальной системе, оказавшейся в условиях переходного периода, найти достойный ответ на возникающие вызовы, является консолидирующая идея, которая может направлять трансформации политической системы для достижения общего блага, а также участие сознание, профессионализм и социальная ответственность политической элиты. В той же ситуации, когда политическая система не имеет цели своих трансформаций, некой идеологии, направляющей её, она обречена лишь отвечать на сиюминутные вызовы, и во многом определяет возникновение кризисов, вызванных противоречиями, не находящими своего разрешения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аналітична доповідь до Щорічного Послання Президента України до Верховної Ради України «Про внутрішнє та зовнішнє становище України в 2018 році» [Текст] / Національний інститут стратегічних досліджень. – К. : НІСД, 2018. – 688 с.
2. *Ашин, Г. К.* Элита: история термина и его применение [Электронный ресурс] / Г. К. Ашин. – Режим доступа: <http://www.elitarium.ru/jelita-ponjatie-termin-pareto-jelitarnyj-vlast-obshhestvo/> (Дата обращения: 29.04.2020)
3. *Васильева, Л. Н.* Теория элит (синергетический подход) [Текст] / Л. Н. Васильева // Общественные науки и современность. – 2005. – №4. – С. 75-85.
4. *Кальной, И. И.* Человек в обществе риска [Электронный ресурс] / И. И. Кальной // Вестник СПбГУ. Философия и конфликтология. 2015. №1. – Режим доступа: <https://philosophyjournal.spbu.ru/article/view/2902> (Дата обращения: 24.04.2020).
5. *Карадже, Т. В.* Формирование субкультуры бедности в России: миф или реальность [Электронный ресурс] / Т.В. Карадже // Вестник РУДН. Серия: Политология. 2018. №1. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-subkultury-bednosti-v-rossii-mif-ili-realnost> (Дата обращения: 12.04.2020).
6. Криза в Україні: зони ураження. Погляд соціологів [Текст] / М. О. Шульга [та ін.]. – К.: ТОВ «Друкарня “Бізнесполіграф”», 2010. – 116 с.
7. Кузьмин П. В. Взаимоотношение политиков и бюрократии как проблема политической науки и практики [Текст] / П. В. Кузьмин // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Философия. Культурология. Политология. Социология». Том 24 (63). 2011. №1. – С. 177-185.
8. *Лісинчук, О. В.* Чи є політико-економічні групи перешкодою для політичного розвитку України? [Текст] / О.В. Лісинчук, О.В. Сушко. – Київ: Фонд ім. Фрідріха Еберта, Регіональне представництво в Україні, Білорусі та Молдові, 2004. – 23 с.
9. Модернізація України – наш стратегічний вибір: Щорічне Послання Президента України до Верховної Ради України. [Текст] – К.: НІСД, 2011. – 432 с.
10. *Панарин, А. С.* Народ без элиты: между отчаянием и надеждой [Электронный ресурс] / А. С. Панарин // «Наш современник», №11, 2001. Режим доступа: <http://nash-sovremennik.ru/p.php?y=2001&n=11&id=5> (дата обращения: 04.06.2020)
11. *Панарин, А. С.* Цивилизации и варварство: будущее России в глобальной перспективе [Электронный ресурс] / А. С. Панарин // Электронное научное издание Альманах Пространство и Время. 2015. №1. Режим доступа:

- <https://cyberleninka.ru/article/n/tsivilizatsii-i-varvarstvo-budushee-rossii-v-globalnoy-perspektive> (дата обращения: 04.06.2020).
12. Постанова Верховної Ради України «Про доповідь Президента України “Про основні засади економічної та соціальної політики”» [Електронний ресурс] / Верховна Рада України. Законодавство України. – Режим доступу: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/216/94-%D0%B2%D1%80> (Дата обращения 17.04.2020).
 13. *Тощенко, Ж. Т.* Элита? Клань? Касты? Клики? Как назвать тех, кто правит нами? / Ж.Т. Тощенко // СОЦИС. 1999. №11. С.123-133.
 14. Указ Президента України «Про Стратегію подолання бідності» [Електронний ресурс] / Верховна Рада України. Законодавство України. – Режим доступу: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/637/2001> (Дата обращения 17.04.2020).
 15. *Чигрин, В. А.* Особенности формирования украинской политики и их влияние на интеграционные процессы на постсоветском пространстве: тезисы доклада / В. А. Чигрин, Э. А. Гугнин // Международная конференция журнала «Международная жизнь» «Особенности современных интеграционных процессов на постсоветском пространстве. Крым – новая реальность» 15-19 октября 2014 года. Ялта, 2014. – С. 61-63.
 16. *Mcfaul, M.* Ukraine Imports Democracy: External Influences on the Orange Revolution [Электронный ресурс] / M. Mcfaul // International Security. 32 (2): 45-83. October 2007. Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/249564159_Ukraine_Imports_Democracy_External_Influences_on_the_Orange_Revolution (дата обращения: 04.06.2020).

УДК 32:912(477.75)

**ФАКТОРЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ
ПРОРОССИЙСКИХ ОБЩЕСТВЕННО-
ПОЛИТИЧЕСКИХ ДВИЖЕНИЙ НА ПОЛУОСТРОВЕ
КРЫМ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ**

**THE FACTORS OF THE EMERGENCE
OF PRO-RUSSIAN SOCIO-POLITICAL
MOVEMENTS ON THE CRIMEAN PENINSULA
IN THE PRISM OF NATURAL SCIENCE**

Собокарь Никита Александрович – г. Симферополь, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, аспирант кафедры экономической и социальной географии и территориального управления.

*Sobokar' Nikita Alexandrovich – Simferopol, Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky, graduate student of the Department of Economic and Social Geography and Territorial Administration.
nickgreen721@yandex.ru*

Аннотация. Современные общественно-географические исследования, в том числе и изучение такой темы, как возникновение про-российских движений на полуострове Крым, активно используют не только социально-географический, но и естественнонаучный подход в рассмотрении всех факторов, влияющих на изучаемые территориальные процессы.

Abstract. Modern socio-geographical studies, including the study of such topics as the emergence of Pro-Russian movements on the Crimean Peninsula, actively use not only socio-geographical, but also natural science approach, in considering all factors that affect the studied territorial processes.

Ключевые слова: природно-географические условия, региональная идентичность, конвергенция наук.

Key words: natural and geographical conditions, regional identity, convergence of Sciences.

Изучение развития социально-экономических и политических процессов, происходящих на тех или иных территориях, для обще-

ственной географии особенно значимо в данный момент, поскольку во многом именно от этих процессов зависит устойчивое развитие как отдельных регионов, так и целых государств. Опираясь на анализ этих процессов, географы-обществоведы могут прогнозировать социальную и политическую стабильность на изучаемых территориях или же ее отсутствие в случае роста числа деструктивных общественных явлений.

Крымский полуостров, включая Республику Крым и город федерального значения Севастополь, с его богатым национальным составом – не исключение, и скорее наоборот, является ярким примером того, как важно уделять внимание общественным явлениям на территориях подобных ему.

Актуальность данной статьи, заключается в том, чтобы рассмотреть ключевые факторы, повлиявшие на выбор большей доли населения Крыма при переходе в Российскую Федерацию, при этом затрагивая не только общественные, но и природно-географические факторы. Основная же задача статьи – показать на примере данной темы, что в современных реалиях, в изучении общественно-политических явлений можно использовать не только методы социально-гуманитарных наук, но и естественных наук, в том числе и географии.

В современной общественной географии любой изучаемый в ее рамках процесс или явление представляется как система, состоящая из трех взаимосвязанных структурных компонентов: территориального, регулирующего компонента и функционального компонента. В случае изучения географических особенностей возникновения пророссийских движений в Крыму территориальным компонентом выступает непосредственно Крым как полуостров в составе Украины в виде Автономной Республики Крым со всеми, входящими в нее административными единицами, и город Севастополь. Регулирующим компонентом выступают общественно-политические объединения, которые возникают на полуострове в украинский период. И, наконец, функциональным компонентом, при помощи которого и начинает развиваться это социальное явление, выступают факторы возникновения данных движений: общественные и природно-географические. Именно рассмотрение функциональной структуры данного явления и является основной целью этой работы.

Так, среди общественных факторов можно выделить, в первую очередь, внутривнутриполитический фактор, проявившийся в борьбе местных политических элит за расширение прав данной территории как автономии в составе Украины и этно-языковой фактор, заключающийся в специфике национального состава полуострова, что в итоге сыграло важную роль в событиях 2014 года.

Однако, рассмотрев социальные факторы воздействия, нельзя не упомянуть другой географический фактор – окружающую среду. Влияние окружающей среды на человеческое мировоззрение и формирование менталитета является основой теории географического детерминизма, философского, географического и социологического направления, сутью которого стала попытка объяснения формирования как общества в целом, так и отдельных сообществ и этносов под влиянием окружающей среды и природных условий. Первым о влиянии климата и природной среды говорил во времена Древней Греции Гиппократ, но наиболее последовательно данная теория начала свое развитие в трудах таких философов как Шарль Луи Монтескьё и Иоганн Готфрид Гердер. Именно Монтескьё принадлежит фраза о том, что «власть климата является первейшей властью на земле».

Природная среда оказала одно из ключевых воздействий на формирование менталитета населения полуострова. В работах крымских географов-обществоведов, в первую очередь, Киселёва С.Н., неоднократно упоминается влияние местных природных условий на идентичность жителей Крыма. Одной из основных географических особенностей Крыма С.Н. Киселёв называет положение полуострова, а именно то, что он имеет почти островную форму, и лишь небольшим отрезком суши примыкает к матерiku, что формирует ощущение обособленности от соседствующих территорий [3]. С.Н. Киселёв приводит слова великого немецкого философа Иммануила Канта, который когда-то сказал, что причиной своеобразия основных черт менталитета англичан по отношению к другим западноевропейским народам заключается в островном положении Британии. Но принцип островного положения играет роль в формировании идентичности не только в случае независимости жителей этих «островов», а также в случаях, когда данные территории являются частью других государств. Среди населения островных и полуостровных регионов внутри государств достаточно часто формируется так называемая «региональная идентичность», которая для жителей этих территорий может иметь такое же значение, как и национальная идентичность. Примерами таких островных и полуостровных регионов внутри государств являются остров Корсика и полуостров Бретань во Франции, Сардиния и Сицилия в Италии, Фарерские острова в Дании, полуостров Корнуэлл в Великобритании [4].

Вторая природная особенность, выделяемая С.Н. Киселевым и многими другими крымскими географами, это многообразие ландшафтов полуострова. Именно то, что на такой сравнительно не-

большой территории как крымский полуостров, совмещается такое количество разнообразных природных сред, делает Крым высокоаттрактивным регионом, и это также накладывает отпечаток на мировосприятии жителей. Так, именно на разнообразии ландшафтов полуострова, как определяющего фактора отношения крымских жителей к окружающей действительности, обращает внимание известный крымский географ, геоморфолог и ландшафтовед – В.Г. Ена. В своих работах он указывает не только на разнообразие природной среды Крымских гор, предгорных территорий и южного побережья, что в целом сразу же заметно не только жителям полуострова, но и на то, что в пределах Крымского полуострова даже такая на первый взгляд однородная природная среда как степь, не так уж однородна. Он отмечает, что ландшафты степных балок Тарханкутского полуострова отличаются от степных ландшафтов Керченского полуострова Крыма, то есть в целом природа нашей территории разнообразна даже в тех местах, где этого от нее ждут меньше всего [3], [4].

Чтобы объединить значимость двух этих природно-географических особенностей в целое, можно вспомнить выражение, популярное в научной среде среди географов в Крыму, употребленное в работах академика Н.В. Багрова, о том, что «наш полуостров – это своеобразный «микрокосм». Данное выражение означает, что Крым, являясь сравнительно небольшим по географическим меркам полуостровом, лишь незначительным отрезком суши соединенным с материком, имеет очень разнообразную как природную, так и национальную составляющую. Таким образом, подчеркивается значимость разнообразия во всех его проявлениях для населения полуострова как одной из главных его ценностей. Возможно, именно влияние природно-географического аспекта в совокупности с историко-географическим фактором (а именно тем, что Крым в воспоминаниях старших поколений крымчан, хотя и не был в составе РСФСР почти всю вторую половину XX века, но, будучи частью одного большого государства СССР, в памяти местных жителей сохранялось чувство близости с Российской территорией), во время политического кризиса в Украине 2014 года и усиления в Киеве националистических сил, сыграло основную роль в определении судьбы полуострова для большинства жителей Республики и города Севастополя [1].

Изучение данной, с первого взгляда социально-политической темы с помощью географических методов является примером современного сближения или конвергенции наук [2]. В начале XXI века NBIC-конвергенция технологий, наук, производства и социально-культурной составляющих общества, была предложена Национальным научным фондом США как вариант новой парадигмы мировой цивилизации и

развития науки в целом. Одной из главных особенностей новых конвергентных технологий должно стать их ориентирование на близость к процессам окружающей природной среды как целостной и взаимосвязанной системе. На примере данной темы можно видеть, что изучая социальные и даже социально-политические процессы и явления, важно рассматривать и влияние на них окружающих природно-географических условий.

Вывод: В итоге, можно сделать вывод о том, что, рассматривая факторы, повлиявшие на развитие пророссийских общественных и политических движений, оказавших влияние на изменения статуса полуострова, нельзя обойти стороной вопрос воздействия географических и природных факторов на данные процессы. Активное использование естественнонаучного подхода для изучения социально-политических процессов может стать одним из направлений современной конвергенции наук, благодаря которому человек сможет комплексно определять основные факторы, влияющие на устойчивое развитие как небольших территорий, так и целых государств.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Багрова, Л. А.* География Крыма: учеб. пособие / Л. А. Багрова, В. А. Бокков, Н. В. Багров ; ред. А. С. Мнышенко. – Киев : Либідь, 2001. – 304 с.
2. *Габриелян О.А., Карабыков А.В., Лазарев Ф.В., Сафонова Н.В.* История и философия науки: учебное пособие / О.А. Габриелян, А.В. Карабыков, Ф.В. Лазарев, Н.В. Сафонова; КФУ им. В.И. Вернадского. – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2020. – 364 с.
3. *Ена В.Г., Ена Ал.В., Ена Ан.В.* Заповедные ландшафты Тавриды / В.Г. Ена, Ал.В. Ена, Ан.В. Ена. – Симферополь: Бизнес-Информ, 2004. – 424 с.
4. *Киселёв С.Н.* Крымская идея : сборник статей / авт.-сост. С. Н. Киселёв. – Симферополь : Изд-во «ООО «Антиква», 2019. – 208 с.

IV. ГОРИЗОНТЫ РЕЛИГИИ

УДК 291.11

РЕЛИГИЯ В ГОСУДАРСТВЕ И ОБЩЕСТВЕ (ВЗГЛЯД Ю. ХАБЕРМАСА)

RELIGION IN THE STATE AND SOCIETY (VIEW OF J. HABERMAS)

Дик Георгий Валериевич, аспирант 1 курса исторического факультета Таврической академии Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского

*Dik Georgy Valerievich, a 1st year postgraduate student Historical Faculty, Taurida Academy, Crimean Federal V.I. Vernadsky University, Simferopol
e-mail: georg.dick@yandex.ru*

Аннотация. В данной статье рассматриваются взгляды Ю. Хабермаса на политическую роль религии в государстве и обществе. Философ рассматривает особенности религиозного фундаментализма, сохранение мировоззренческого нейтралитета среди верующих и неверующих, а также понятие «постсекулярное общество» с его постметафизическим мышлением и толерантностью.

Abstract. This article discusses the views of J. Habermas on the political role of religion in the state and society. The philosopher considers the characteristics of religious fundamentalism, maintaining worldview neutrality among believers and unbelievers, and also the concept of «post-secular society» with his post-metaphysical thinking and tolerance.

Ключевые слова: постсекулярное общество, постметафизическое мышление, толерантность, религиозный фундаментализм, религиозное возрождение.

Key words: post-secular society, post-metaphysical thinking, tolerance, religious fundamentalism, religious revival.

Сегодня, среди многих тем, волнующих общественное сознание, одно из ведущих мест занимает тема религии в жизни государства и общества. Свое видение этого представил современный немецкий философ и социолог, профессор Франкфуртского университета Юрген Хабермас в своей книге «Между натурализмом и религией. Фи-

лософские статьи» [5]. В сокращенном варианте материал этой книги был дан в еще одной значимой совместной работе Ю. Хабермаса и римского папы Бенедикта XVI «Диалектика секуляризации. О разуме и религии» [7]. Определенное внимание этой теме уделено в статье философа «Религия, право и политика. Политическая справедливость в мультикультурном мир-обществе» [8].

Начиная анализировать предложенную тему, Ю. Хабермас отмечает, что в наше время духовная ситуация характеризуется двумя противоположными тенденциями: распространением натуралистических картин мира и растущим политическим влиянием религиозных ортодоксий [5, с. 7]. Причину этого он видит в противоположных традициях, которые с одной стороны явились последствием веры человека в науку, а с другой стороны сопротивлением этому. Этот конфликт противоположностей преобразуется в политические силы не только в рамках гражданского общества Запада, но и на международном уровне, в столкновениях мировых религий и господствующих в мире культур [5, с. 8]. При этом сами мировые религии стали таковыми постольку, поскольку могли распространять свое влияние на всей территории какой-либо могущественной империи древности, которая воспринималась ее населением изнутри в качестве всеохватывающего, не имеющего определенных границ пространства [6, с. 16]. Так, например, Римская или ее наследница Византийская империи.

Свои рассуждения о роли религии в государственной жизни Хабермас начинает с исторического экскурса. Он отмечает, что религиозные традиции и религиозные общины верующих стали приобретать политическое значение с рубежа 1989-1990 годов. В первую очередь это стало сопровождаться религиозным фундаментализмом со своими разновидностями. Время от времени они смешивались с национальными и этническими конфликтами и уже сегодня стали образовывать также плодотворную почву для терроризма, действующего в глобальном масштабе и направленного против западной цивилизации. Кроме того во многих мусульманских странах религиозное семейное право уже теперь заменяет государственное гражданское право или представляет собой альтернативный выбор по отношению к нему [5, с. 109]. Конечно, утверждает Хабермас, неправильно смешивать подлинную религиозную веру с фундаментализмом, так как любое религиозное учение опирается на догматические истины веры. К тому же существуют определенные религиозные авторитеты, устанавливающие те воззрения, которые отклоняются от этой догмы. Правильное религиозное учение (ортодоксия), в случае если его по-

следователи игнорируют мировоззренческий плюрализм общества и настаивают иногда даже путем политической силы на ее неукоснительное соблюдение всеми гражданами, начинает превращаться в фундаменталистскую ортодоксию [6, с. 15]. Возможно именно поэтому Хабермас считает, что мировые религии не должны в мегаполисах полностью формировать жизненный уклад людей, как это возможно в общинах [4, с. 148].

Особого внимания, по мнению Хабермаса, заслуживает политическое возрождение религии в США при том, что это общество, где динамика модернизации развивается успешнее всего. В период, начавшийся с конца Второй мировой войны, все европейские страны, за исключением Ирландии и Польши, были охвачены волной секуляризации, сочетавшейся с общественной модернизацией. Для Соединенных Штатов все было наоборот. Сравнительно высокая доля верующих и религиозно активных граждан осталась без изменений [5, с. 110].

После краткого исторического обзора Ю. Хабермас обращает внимание на один из главных принципов во взаимоотношениях государства и религиозных организаций – принцип отделения их от государства. Но это требует беспристрастности и мировоззренческого нейтралитета [5, с. 118]. Государство, по мнению Хабермаса, не может превращать предоставляемое институциональное разделение религии и политики в непосильное ментальное и психологическое бремя для своих религиозных граждан [5, с. 125].

Ю. Хабермас рассуждает о религии как о дополитических основах демократического правового государства. Он рассматривает вопрос, сформулированный Эрнстом Вольфгангом Бёккенфёрдом: пользуется ли свободное секуляризованное государство теми нормативными предпосылками, которые оно само не может гарантировать? [7, с. 41]. Положительно отвечая на данный вопрос, философ объясняет это нерелигиозным и постметафизическим оправданием нормативных основ демократического конституционного государства. В его основе – разумное право, исключаящее в том числе религиозные предпосылки [7, с. 44–45].

Хабермас – последовательный критик постмодернизма. Он стремится сохранить классический философский проект, в котором основополагающую роль в достижении единения людей принадлежит разуму [1, с. 69].

Философ считает, что религия необходима для любого конституционного строя, так как выполняет роль своего рода сдерживающей силы, укрепляющей значимость и авторитет светской власти, строящихся в дополитических нравственных убеждениях религиозных об-

щин или национальных сообществ [5, с. 100]. При этом конституция может укрепить свою легитимность независимо от религиозных и метафизических традиций [7, с. 50].

От современной философии Хабермас ждет по отношению к религии проявления должного почтения и проявления готовности учиться у религиозных традиций. Это стало возможным в результате взаимопроникновения христианства и греческой метафизики. Оно, с одной стороны, наделило теологическую догматику духовным обликом и произвело эллинизацию христианства, а с другой, способствовало также усвоению философией подлинно христианского содержания. Произошло раскрытие содержания библейских понятий за пределами религиозного сообщества для широкой публики инаковерующих и неверующих [5, с. 105–106].

В своих философских рассуждениях о роли религии в обществе Хабермас одним из первых вводит новый термин – «постсекулярное общество». Далее философ дает краткое описание этого общества. В нем происходит изменение как религиозных, так и светских менталитетов, приводящее к политическому взаимодействию неверующих граждан с верующими [7, с. 69–70]. Согласно Хабермасу, в постсекулярном обществе религиозным общинам предоставляется возможность выражать свое мнение по значимым общественным и политическим вопросам [3, с. 38–39].

Продолжая рассмотрение постсекулярного общества, Хабермас отмечает, что секулярное осознание жизни в постсекулярном обществе философски отражается в особом мышлении, которое он называет постметафизическим мышлением. Оно отграничивает себя с двух сторон: воздерживается от суждения о религиозных истинах и настаивает на проведении строгой границы между верой и знанием; обращается против сциентистски ограниченной концепции разума и против исключения религиозных учений из генеалогии разума [5, с. 135]. Хабермас считает, что для светского ума вера сохраняет неясное качество, которое он не может ни отвергнуть, ни просто принять. Светский разум должен настаивать на различии между убежденностями веры и притязаниями на справедливость тех или иных утверждений, доступных для публичной критики, но он должен воздерживаться от оценки рациональности или иррациональности религии как таковой [8, с. 20].

Особая тема Хабермаса при рассмотрении роли религии в публичной сфере – толерантность. Он исходит из того, что принципы толерантности уже сформулированы. Их причина – существование

межрелигиозных конфликтов, которые всегда грозили принять более глубокий характер и выливались в социальные конфликты. Хабермас видит задачу в уточнении и реформировании этих принципов [4, с. 146]. Он показывает, что именно с государственных актов о религиозной терпимости начинается толерантность в социокультурной жизни. Все, кого это касается, должны сделать толерантность внутренним принципом построения совместной жизни [2].

Подводя итоги вышесказанному, следует отметить, что Ю. Хабермас в своих работах четко разделяет государство и религию. Также он не поддерживает крайностей натурализма и религиозного фанатизма. Философ предостерегает от распространения религиозного фундаментализма, который в своей совокупности с национализмом превращается в основу для зарождения терроризма. Религиозные организации должны быть отделены от государства и политики. Конституционное государство в своей основе должно иметь разумное право. Религии Хабермас отводит роль сдерживающей силы, укрепляющей значимость и авторитет светской власти. Современная философия, по мнению Хабермаса, должна с почтением относиться к религии. К тому же философ говорит о зарождении нового «постсекулярного общества» с постметафизическим мышлением, где обществу впредь придется считаться с продолжающимся существованием религиозных общин. Такие взгляды Ю. Хабермаса существенно расширяют представления о роли религии в современном государстве и обществе.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алейник Р. М.* Хабермасовский дискурс о религиозной толерантности как пионере прав культурной жизни // Вестник КРСУ. – 2016. – Т. 16. – № 8. – С. 68–72.
2. *Беляев В. А.* Критика религиозного разума Ю.Хабермаса как часть критики культурного разума // Философская мысль. [Электронный ресурс]. – URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=10709 (10.05.2020).
3. *Логинов А. В.* Дialeктика секулярного и постсекулярного в социальной философии Ю. Хабермаса // Вестник РГГУ. – 2010. – № 13. – С. 34–45.
4. *Семенова А. А.* Толерантность как политическая добродетель в контексте теории коммуникативного действия Юргена Хабермаса // Вестник РХГА. – 2014. – Т. 15. – Вып. 3. – С. 144–150.
5. *Хабермас Ю.* Между натурализмом и религией. Философские статьи / Ю. Хабермас. – М.: Издательство «Весь Мир», 2011. – 336 с.
6. *Хабермас Ю.* Расколотый Запад / Ю. Хабермас. – М.: Издательство «Весь Мир», 2008. – 192 с.

7. *Хабермас Ю., Ратцингер Й.* (Бенедикт XVI) Диалектика секуляризации. О разуме и религии / Ю. Хабермас, Й. Ратцингер (Бенедикт XVI). – М.: Библийско-богословский институт св. апостола Андрея, 2006. – 112 с.
8. *Хабермас Ю.* Религия, право и политика. Политическая справедливость в мультикультурном мир-обществе // ПОЛИС. Политические исследования. – 2010. – № 2. – С. 7–21.

**ВЗАИМОСВЯЗЬ ДАОССКОЙ ФИЛОСОФИИ
ДАО ЦЗЯ И ДАОССКОЙ РЕЛИГИИ ДАО ЦЗЯО**

**THE RELATIONSHIP BETWEEN THE TAOISM IN
PHILOSOPHY DAO JIA AND
THE TAOISM IN RELIGION DAO JIAO**

Ван Мяо – аспирант 1 курса кафедры межъязыковых коммуникаций и журналистики Таврической академии Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского

*Wang Miao – 1 year postgraduate student of the Department of Inter-Language Communications and Journalism, Taurida Academy, V. I. Vernadsky Crimean Federal University
E-mail: wangmiao91@yandex.ru*

Аннотация. Данная статья представляет собой краткий анализ взаимосвязи даосской философии дао цзя и даосской религии дао цзяо. В исследовании выделяются основные этапы развития даосизма и основные течения.

Abstract. This article presents a brief analysis of the relationship between the Taoism in philosophy Dao Jia and the Taoism in religion Dao Jiao. The main stages of Taoism's development and the main trends are also referred to in this research.

Ключевые слова: даосизм, дао, Лао-цзы, даосская философия, даосская религия, Китай, философия

Key words: Taoism, Tao, Laozi, Taoism in philosophy, Taoism in religion, China, philosophy

В современном Китае научную школу, представителями которой являются Лао-Цзы и Чжуан-цзы, называют дао цзя (道家) – даосской школой, а религию, почитающую Лао-цзы как Верховного достопочтенного Владыку Лао, называют дао цзяо (道教) – даосской религией. В русскоязычной литературе оба эти понятия зачастую называются просто даосизмом. Но в Китае эти два понятия строго разделяются: дао цзя относят к философской школе, а дао цзяо считается религиозным верованием. Известный китайский философ, профессор философского факультета Пекинского университета Тан Ицзе отметил: «Несмотря на то, что между дао цзя (Taoism in philosophy) и дао цзяо (Taoism in religion) есть связь, но также есть и различия. Дао цзя

– это философская школа, в основе которой лежат мысли Лао-цзы и Чжуан-цзы. А дао цзяо – это религия, в которой Лао-цзы и Чжуан-цзы являются объектами поклонения. Но по факту данное разделение было произведено современной наукой. В древности не существовало такого явного разделения между дао цзя и дао цзяо» [2].

До правления династии Западная Хань (206 г. до н. э. – 24 г. н. э.) в исторической литературе не встречается название «дао цзя». Понятие дао использовалось не только представителями даосской школы. Считалось, что все философские течения использовали дао. Философские школы разделялись только по именам представителей этих школ, но в литературе не встречалось упоминаний о названиях философских школ, таких как «дао цзя» (道家 даосская школа), «фа цзя» (名家 школа законников), «мин цзя» (法家 школа имён) и т.д. Название философской школы дао цзя впервые упоминается в трактате «Основные указания о шести школах» (论六家要旨), который написал Сыма Тань в период правления императора У-ди (156-87 до н. э.) династии Западная Хань. В данном трактате Сыма Тань систематизировал учения о философских школах древнего Китая и дал им названия, которые известны современной науке [1].

Резюмируя вышесказанное, можно сделать вывод, что изначально даосскую философскую школу называли именами основателей школы – Лао-цзы и Чжуан-цзы, и только во времена династии Западная Хань эту школу начали называть дао цзя. Но возникает вопрос, если все философские школы Китая использовали понятие дао, почему именно школа Лао-цзы получила название дао цзя?

Дао – одно из важнейших понятий китайской культуры. Буквальное значение иероглифа 道 (дао) – это «путь», но в переносном смысле может иметь значение «истина», «учение». Все философские школы древнего Китая имеют своё собственное дао.

В главе «Тянься» книги «Чжуан-цзы» говорится о том, что все дао Поднебесной – это одно дао, но когда в Поднебесной царил беспорядок и хаос, мыслители развивали свои дао, учитывая интересы своих сообществ, поэтому все эти дао несовершенны. По этой причине Чжуан-цзы считал, что необходимо объединить дао всех школ в одном, и таким образом будет образовано первоначальное дао.

В трактате «Основные указания о шести школах» (论六家要旨) Сыма Тань отметил, что дао каждой школы имеет свою собственную главную идею, достоинства и недостатки, и их учения являются только частями дао. И только дао даосской школы является основным, совершенным и первоначальным дао. Учение даосской школы дао цзя

основано на учениях школы инь ян цзя, впитало в себя положительные стороны конфуцианства и моизма и квинтэссенцию школы законников и школы имён, и развивалось в соответствии с историческими тенденциями. В связи с этим, по мнению Сыма Тянь, дао даосской школы дао цзя отличается от дао других школ и более близко к первоначальному дао. Именно поэтому Сыма Тянь назвал учение Лао-цзы и Чжуан-цзы дао цзя. И начиная с этого времени словом «дао» стали называть только учение Лао-цзы и Чжуан-цзы [1].

Дао цзя – это сложная развивающаяся система философского мышления. В доциньскую эпоху (период до 221 г. до н.э.) учение Лао-цзы развивалось в двух направлениях. В первом направлении, представленном Чжуан-цзы, в основном уделялось внимание жизненной философии Лао-цзы. А во втором направлении, представленном философской школой Хуан-Лао, проявлялся интерес к политической философии Лао-цзы и наблюдалось стремление претворить теорию на практике. В ранний период династии Западная Хань император Лю Бан (256 или 247 до н. э. – 195 до н. э.) использовал учение дао цзя философской школы Хуан-Лао для управления государством. В этот период учение дао цзя было высоко оценено. Но в период правления императора У-ди (156-87 до н. э.) конфуцианство получило официальный статус, а учения других школ стали отвергаться. В связи с этим в учениях школы Хуан-Лао стало развиваться искусство питания и продления жизни. В период династий Вэй и Цзинь (220-420 гг. н. э.) появился сюань сюэ (玄学) – учение о сокровенном, также называемое неодаосизмом. Вышеперечисленные изменения можно рассматривать как процесс развития дао цзя, но в каждый период развития учения наблюдались разные акценты.

Современная даосская религия дао цзяо имеет сложное происхождение. Она берет начало в учении школы Хуан-Лао, которое является этапами развития дао цзя. Можно сказать, что дао цзяо – это результат религиозизации учения школы Хуан-Лао. В начале своего существования дао цзяо не представляло собой единой религиозной системы [4]. Как уже было сказано выше, во время правления императора У-ди (156-87 до н. э.) политическая философия школы Хуан-Лао потеряла официальную поддержку и перестала быть популярной. А искусство питания и продления жизни продолжило активно развиваться. В этот период искусство питания и продления жизни соединилось с шэньсянь фаншу (神仙方术 высокое искусство бессмертия) – древним народным верованием о том, что определенным путем человек может достичь бессмертия и даже стать небожителем. Таким образом учения школы Хуан-Лао из философии управления государством постепенно превратилось в учение о поддержании жизни и бессмертии, а затем

сформировалось как народная религия – Хуан-Лао дао. В древних текстах нет четкого различия между понятиями дао цзя и Хуан-Лао дао. После эпохи Вэй, Цзинь, Южных и Северных династий (220-589 гг.) дао цзяо называли дао цзя, сянь дао или просто дао. Люди, исповедующие дао цзяо, не желали разделять понятия дао цзя и дао цзяо, потому что они хотели с помощью дао цзя поднять свою репутацию. Даже историки, упоминающие в своих работах дао цзя и дао цзяо, не всегда различали эти понятия. Приверженцы конфуцианской школы, считавшие буддизм и даосизм лжеучениями, тоже не различали понятия дао цзя и дао цзяо [3].

С точки зрения современной науки между дао цзя и дао цзяо существуют различия. Ученые древности выделяли различия между даосской философской школой и даосской религией, но эти различия были несущественными. Так как многие считали, что отношения между дао цзя и дао цзяо подобны отношениям между философской школой Лао-цзы и Чжуан-цзы и философской школой Хуан-Лао – они обе являются ветвями одного учения. Поэтому ученые древности считали дао цзяо одним из результатов развития дао цзя. Лю Се (литературный критик эпохи Южных и Северных династий (420-589 гг.)) и Ма Дуаньлинь (историк эпохи династии Юань (1280—1367 гг.)) отмечали, что учение дао цзя очень запутано и имеет множество направлений, и среди этих направлений даосская религия дао цзяо, основоположником которой являлся Чжан Даолин (34 – 156 гг.), находится на самом низком уровне.

Таким образом можно сделать вывод, что дао цзя включает в себя философскую школу Лао-цзы и Чжуан-цзы, философскую школу Хуан-Лао, дао цзяо (даосскую религию) и сянь сюэ (учение о сокровенном, неодаосизм). Поэтому для проведения полного исследования учения Лао-цзы и даосской философской школы дао цзя необходимо учитывать религию дао цзяо. В противном случае мы не сможем понять полное значение влияния даосизма на китайскую традиционную культуру и его роль в истории Китая.

В последние годы количество исследований о даосской религии дао цзяо увеличилось. Но что касается вопроса о взаимосвязи даосской философии дао цзя и даосской религии дао цзяо, то научное сообщество придерживается тенденций о разделении этих двух понятий, полагая, что дао цзяо является религией с китайской спецификой, сформированной на основе измененного толкования и переосмысления идей дао цзя. С точки зрения современной науки разделение этих двух понятий необходимо. Но с позиции развития научной мысли,

взаимосвязь между дао цзя и дао цзяо очень сложная и запутанная. Как разделение этих понятий на философскую школу и вероисповедание, так и рассмотрение их как единого целого имеет логическое обоснование.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Лян Цичао*. Послесловие к «Основным указаниям о шести школах» Сыма Тяня // Полное собрание сочинений Лян Цичао, том 8. – Пекин: Издательство Пекин, 1999.
2. *Тан Ицзе*. Дао цзя и сюань-сюэ периода Вэй-Цзинь / Тан Ицзе. – Ханьчэн: Культурное издательство Яся, 1995.
3. *Фу Циньцзя*. История китайского дао цзяо / Фу Циньцзя. – Пекин: Commercial Press, 2011.
4. *Хао Цзюй*. О религиозном и философском даосизме // Вестник Бурятского государственного университета № 6а: сб. науч. ст. – Улан-Удэ: БГУ, 2012. – С. 77-80.

УДК 171

О ДОБРЕ, ЗЛЕ И ТОЛЕРАНТНОСТИ

ABOUT GOOD, EVIL AND TOLERANCE

Сафонова Наталия Вячеславовна

Кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии естественнонаучного профиля КФУ им. В.И. Вернадского

Safonova Nataliya Vyacheslavovna

Candidate of Philosophical Sciences, Docent, Associate Professor of the Department Philosophies of a Natural-science Profile

V. I. Vernadskiy Crimean Federal University

Аннотация. Толерантность рассматривается в русле конвергенции наук и в результате этого делается акцент на понимании толерантности как привыкании. Автор высказывает тревогу, что указанного привыкания можно достигнуть путем деградации личности – постепенного отказа от самоанализа, от попыток оценивания жизнедеятельности человека по шкале «хорошо-плохо».

Abstract. Tolerance is viewed in line with the convergence of sciences and, as a result, an emphasis is placed on understanding tolerance as addiction. Author expresses concern that this habituation can be achieved through the degradation of the individual-a gradual rejection of introspection, from attempts to evaluate human life on a scale of “good-bad”.

Ключевые слова: толерантность, привыкание, добро и зло.

Key words: tolerance, addiction, good and evil.

Одной из важнейших качеств человека в Западной Европе и Америке становится толерантность. Во многом ясна необходимость такого поведения людей в условиях глобализирующегося мира. Только ли благо несет толерантное отношение? Рассмотрим проблему с позиции конвергенции наук. Толерантность в социологии – терпимость к иному мировоззрению, образу жизни, поведению и обычаям. Толерантность в фармакологии, иммунологии и наркологии – привыкание организма.

В результате, можно выделить два ключевых понятия, раскрывающих природу толерантности – это терпимость и привыкание (любопытно: толерантность в биохимии – привыкание к ядам). Не менее интересно определение толерантности в математике – рефлексивное, симметричное, но не обязательно транзитивное (в отличие от отношения эквивалентности) бинарное отношение. (Следовательно, толерантность в математике – это отношение, лишенное каких-то свойств, с недостатком, с изъяном) [1].

Очевидно, что человеку, воспитанному в определенной культуре, знакомому с традициями, трудно толерантно относиться к другой культуре и ее обычаям. Достигнуть искомого состояния можно несколькими способами, например, безразличием, беспринципностью. Не случайно, очень часто трактовку слова толерантность начинают с «не путать с безразличием». На наш взгляд, самым комфортным способом достижения желаемого является способность не выносить оценки жизнедеятельности другого. Желательно, (чтобы не быть лицемерным и не испытывать дискомфорта от противоречивых чувств), вообще отучится от оценочных суждений в русле «хорошо-плохо». Если толерантность – это терпимость к иному мировоззрению, то при условии отказа от оценочных суждений (человек не хороший и не плохой, он – другой) не нужно будет терпеть и привыкать, так как нет негатива – нет эмоции, требующих подавления. Нам представляется, что последней стадией, (в которой человек достигнет абсолютной толерантности), будет состояние, в котором он не сможет понимать «что такое хорошо и что такое плохо».

Вопрос намного более серьезный, чем может показаться на первый взгляд.

Согласно Библейским представлениям, способность понимать добро и зло – делает нас Богами. «Будете как боги, знающие добро и зло» (Библия. Бытие. Гл. 3, стих 5). При рассмотрении этого вопроса мы не делаем различия между верующими людьми и атеистами. Есть древний сакральный текст. В нем отражаются представления людей, живших несколько тысячелетий назад. История грехопадения ключевая для многих мировых религий. Следовательно, способность понимать добро и зло было для людей столь значимой и вожаделенной, что не остановил ни страх смерти, ни страх перед наказанием Бога. В современном мире понимание добра и зла стало чем-то само собой разумеющимся, в древние времена это качество воспринималось божественным. Действительно, никакое другое живое существо не в состоянии понимать добро и зло. Животные могут любить и ненавидеть, понимать отдельные команды (то есть кодировать и раскодировать информацию), но понимать добро и зло не могут.

Этические принципы человечество вырабатывало тысячелетиями. Если человек попытается абстрагироваться от правил, усвоенных с детства, от жизненного опыта и т. д., как он сможет определить «что такое хорошо и что такое плохо»? В истории философии таким критерием выступает категорический императив И. Канта («поступай так, чтобы максима твоей воли могла бы быть всеобщим законом»). В религии это могут быть предписания и очень сильный критерий: представить, что поступок совершает Иисус Христос. Все остальные способы определить добро или зло либо являются некими модификациями указанных (например, учение Конфуция или принципы, заложенные в детстве родителями), либо вообще не выполняют функции критерия. Из этого следует, что возможность определения «хорошего и плохого» основывается на представлениях о некотором идеале. Попытки отыскать и обосновать эти универсальные ценности являются не простой задачей. В русле сказанного заслуживает интерес тенденция, которая наметилась в Западном обществе, – большое количество работ в области профессиональной этики, но практически нет работ по поиску оснований универсальных этических норм. Тенденция тревожная, так как она демонстрирует актуальность, стоящих перед обществом задач – думающий, рефлексизирующий человек не интересен социуму, ему необходим специалист, корректно выполняющий свои обязанности.

В век обрушивающейся на человека противоречивой информации становится очень важно самостоятельно определять добро и зло и релятивизировать это в поступках.

По нашему мнению, клиповое мышление, с каждым днем занимающее все более твердые позиции, все больше способствует укреплению толерантного отношения (привыкания не выносить оценки жизнедеятельности другого). Одна из его главных характеристик – снижает чувство сопереживания, возникает в результате роста объема потребляемой информации [2]. Новости уже давно не освещают как голые факты, они обязательно идут в месте с оценочными комментариями. Человек в лавине информации не успевает ее осознать, он нуждается уже в готовых смыслах и даже эмоциях.

В последнее время все больше становится популярным этический релятивизм [3] – культурный человек должен всеми способами избегать выносить решения в отношении хорошего и плохого. На наш взгляд, это еще одно средство приучить человека к толерантности.

Автор видит в толерантности не только положительные стороны, но и опасность этического релятивизма, который, по его мнению,

приведет к деградации человека, так как способность понимать добро и зло, выносить этическую оценку является только прерогативой человека.

ЛИТЕРАТУРА

1. Толерантность [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/> (дата обращения: 12.06.2020).
2. Павлова И. В. Пасхина И. В. Клиповое мышление – феномен современности. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://informio.ru/publications/id4258/> (дата обращения: 12.06.2020).
3. Щипунов О. К. Этический релятивизм как социорегулятивная парадигма // Наука и современность. – № 34. – 2014. – С. 143–147.

СОЦИАЛЬНЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК ПРОБЛЕМА ПРИКЛАДНОЙ ФИЛОСОФИИ

SOCIAL INTELLIGENCE AS A PROBLEM OF APPLIED PHILOSOPHY

*Езин Владислав Сергеевич – г. Симферополь,
Крымский федеральный университет имени
В. И. Вернадского, аспирант кафедры глубинной
психологии и психотерапии.*

*Ezin Vladislav Sergeevich – Simferopol, Crimean Federal
University named after V.I. Vernadsky, graduate student
of the Department of Deep Psychology and Psychotherapy.*

Аннотация. В настоящее время в научных исследованиях наличествует «специализированное» толкование феномена социального интеллекта как особенности сферы межличностного взаимодействия в той или иной степени его успешности, а термин «социальный интеллект» является специализированной социологической и психологической категорией и в прикладном социальном и философском аспекте практически не исследуется.

Abstract. Currently, in scientific studies there is a “specialized” interpretation of the phenomenon of social intelligence as a feature of the sphere of interpersonal interaction to one degree or another of its success, and the term “social intelligence” is a specialized sociological and psychological category and is practically not studied in the applied social and philosophical aspect.

Ключевые слова: социальный интеллект, прикладная философия, методология научного исследования.

Key words: social intelligence, applied philosophy, methodology of scientific research.

В современных исследованиях социального интеллекта становится заметным ряд методологических противоречий, связанных с попыткой решения вопроса социальных проблем социализации и адаптации личности к резко меняющимся условиям существования, с одной стороны, и обилием так называемых иррациональных компонентов в об-

щественном сознании, исследуемых глубинной психологией и рядом прикладных психотерапевтических направлений, на ней основанных.

Также становится ярко заметной необходимость в проведении системного прикладного философского исследования социального интеллекта как способности «разумно действовать, разрешать усложняющиеся проблемы, эффективно адаптироваться к развивающимся социальным ситуациям в мире в условиях его глобализации и информатизации» [5].

Разрешить сформировавшиеся противоречия между содержанием и функционированием интеллекта личности и социальным интеллектом общества можно посредством рационализации средств и способов разрешения усложняющихся культурный и морально-этических проблем, что позволяет диффузия в психологическую отрасль знаний, относящихся к прикладной и социальной философии. Именно в этой области знания открываются перспективы переосмысления проблем исследования социального интеллекта как интеллекта общества, одновременно с его пониманием как коммуникативной и адаптационной способности человека [1].

Исследование социального интеллекта реализуется в различных областях гуманитарных дисциплин, но зачастую сущностное понимание этого феномена детерминировано целями, которые преследует представитель конкретного научного направления или автор той или иной теории [2].

Анализ существующих научных разработок по исследуемой проблематике показывает, что если рассматривать социальный интеллект в самом широком смысле как особую форму мыслительной активности, присущую тому или иному сообществу, отражающую специфику его культурного наследия, то именно философами этот феномен рассматривается посредством категорий сознания, мышления, здравого смысла, разума и, наконец – интеллекта [3].

Античные философы Платон, а затем, Аристотель, анализируют сознание в контексте диалектики «материальное – идеальное», при вскрытии основ мыслительной деятельности как противопоставления чувственного познания понятийному мышлению.

Философы Нового времени Ф. Бэкон и Д. Локк наследуют данную традицию утверждая, что единственным коррелятом истинности знания выступает опыт, задавая тенденцию принимать в качестве критерия классификации наук рациональность как их основание.

Р. Декарт и Б. Спиноза как представители Нового времени дают начало новой рациональности и новой роли интеллекта в познании. Но именно в философии Просвещения в наследии таких философов как К.А. Гельвеций, Ж-Ж Руссо, Вольтер, Э.Б. Кондильяк, Д. Дидро,

И.Г. Гердер интеллект рассматривается в качестве системообразующего фактора общественного развития. Так, согласно К.-А. Гельвецию, невежество народа – это детерминанта всех бедствий, а Ж.-Ж. Руссо развивает идею о формировании нравственного сознания как панацеи от этих бедствий. «Законы природы суть законы разума» – это формула выводов и Вольтера, и Э.Б. Кондильяка, с ними солидарны в таком видении Д. Дидро и И. Г. Гердер.

«Разум есть способность, дающая нам принципы априорного знания» – считает выдающийся философ немецкой классической философии И. Кант.

Г.В.Ф. Гегель в «Феноменологии духа» идет чуть дальше, представляя окружающую действительность как духовно-логическую реальность движения человеческой мысли, а духовную культуру человека в ее закономерном развитии как постепенное выявление творческой силы «мирового разума».

О. Конт решает проблему «коллективного» и «социального» в качестве самостоятельного феномена, в котором общественный прогресс – это «прогресс духа» как форм человеческого познания мира.

Э. Дюркгейм видит коллективное сознание как совокупность всех верований и чувств, свойственных всем членам сообщества, которая формирует некую систему, «имеющую свою собственную жизнь». Таким образом, работами основоположников социальной философии предлагается общественная теория коллективного субъекта, обладающего собственной психической активностью и совокупным коллективным интеллектом.

М. Вебер видит общество в качестве совокупности целе- рациональных действий, где качество «социального» характеризуется имманентным обладанием субъективным смыслом, а конструирование социальной реальности детерминировано идеями как некоторым духовным фактором.

В работах Э. Гуссерля и Г. Гадамера, представляющих феноменологию и герменевтику вопросы роли и значения интеллекта рассматривались в связи с особенностями познавательного процесса, экзистенциальные аспекты которого раскрываются в трудах М. Хайдеггера, Ж.-П. Сартра и А. Камю.

В работах Р. Барта, Ж. Батая, Ж. Делеза, Ж. Дерриды, Ф. Гваттари, Ю. Кристевой активно используется метафора «мир как текст» как основной методологический принцип исследования сущности и функционирования социального интеллекта в философии постмодернизма.

Целый ряд отечественных исследователей, например, Г.П. Отюцкий, выявляет изменения интеллектуальных процессов, особенности информационно-обменных отношений в условиях информатизации общества и решения проблемы устойчивого развития [4].

С идеями, в них отраженными, созвучны исследования, посвященные изучению ноосферы, заложенные трудами В.И. Вернадского, где в контексте учения о ноосфере краеугольная категория «разума» фактически используется в смысле совокупного социального интеллекта человечества.

Психологические аспекты роли интеллекта отражены в исследованиях З. Фрейда и К. Юнга, а также, классиков отечественной психологии деятельности Б.Г. Ананьева, Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьева, Р. Лурии и С.Л. Рубинштейна.

Трудности выбора оптимальных способов организации научно-исследовательской работы, моделирования формирования интеллекта специалистов, функционирования искусственных интеллектуальных систем, а также различные аспекты развития индивидуального и социального интеллектов изучает И.С. Ладенко и продолжатели его научной школы.

Крымские исследования проблемы социального интеллекта отражены исследованиями Н.Ф. Калиной и ее последователями.

К настоящему времени исследованы многие аспекты содержания феномена социального интеллекта в его взаимосвязи с индивидуальным интеллектом личности, но до настоящего времени в науке разрабатывается в основном узкоспециализированное исследование социального интеллекта, ограничивающее его сферой межличностных коммуникаций и процессов социальной адаптации. К сожалению, в практическом и социально-философском аспекте этот феномен исследуется недостаточно, что подтверждается отсутствием большого количества исследований в рамках этой научной тематики.

Выводы: Стремительно меняющаяся социальная среда под действием цифровых технологий требует новых представлений о закономерностях построения картины социального мира, т.е. раскрытия механизмов перцепции, декодирования и конструирования представлений о широком круге социальных реальностей, не сводимых исключительно к межличностным коммуникациям [5]. В этом контексте социально-философские аспекты сущности социального интеллекта как отдельного феномена и методологии его исследования представлены недостаточно, что сообщает острую актуальность дальнейшим исследованиям в этой сфере на стыке прикладной философии и психологии.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Анурин В.Ф.* Интеллект и социум: Введение в социологию интеллекта. – Н. Новгород: Изд-во Нижегород. ун-та, 1997. 436 с.
2. *Каныгин Ю.М.* Основы когнитивного обществознания (Информационная теория социальных систем). – Киев: Украинская акад. информатики, 1993. 236 с.
3. Новая философская энциклопедия: в 4 т. / Институт философии РАН; Национальный общественно-научный фонд; 2-е изд., испр. и допол. – М.: Мысль, 2010. [Электронный ресурс]. URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/page/about> (дата обращения: 30.04.2020).
4. *Отюцкий Г.П.* Является ли социальный интеллект интеллектом? // Гуманитарные научные исследования. 2016. № 5 [Электронный ресурс]. URL: <http://human.snauka.ru/2016/05/14964> (дата обращения: 30.04.2020).
5. *Ростовых Д.А.* Социальный интеллект как фактор развития информационного общества // Социальная политика и социология. 2007. № 3. С. 258–262.

ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗМЕНЕНИЯ ПРИРОДЫ ТРУДА

*Гарнага Александра Юрьевна, г. Симферополь,
Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского, заведующий лабораторией*
**Garnaga Alexandra Yurievna, Simferopol, Crimean Federal
V. I. Vernadskiy University, head of laboratory**
E-mail: bfau83@mail.ru

Аннотация. В эссе рассмотрены перспективы изменения природы труда. Дан анализ общих тенденций процесса изменений в исторической ретроспективе. Обоснованы основные проблемы современного рынка труда, системы профессиональной подготовки в контексте описанных тенденций.

Abstract. The essay discusses the prospects for changing the nature of labor. The analysis of general trends in the process of changes in historical retrospective is given. The main problems of the modern labor market, vocational training systems in the context of the described trends are substantiated.

Ключевые слова: труд, образование, индустрия 4.0, передовые технологии, глобализация.

Key words: labor, education, industry 4.0, progressive technologies, globalization.

Понятие «труд» имеет глубокое смысловое наполнение. В бытовом понимании слово «труд» рассматривается как «занятия, работа»; в словарном толковании – как «целесообразная и общественно полезная деятельность человека, требующая умственного и физического напряжения» [4]. В гуманитарных науках **понятие** «труд» понимается как один из основных видов человеческой деятельности, осознанной, детерминированной сложившимися общественными отношениями и уровнем технического развития общества, в процессе которой происходит развитие самого человека, требующей приложения усилий, и предполагающей при помощи орудий труда в процессе взаимодействия с другими объектами создание материальных или духовных ценностей, направленных на удовлетворение потребностей людей [6].

В философии «труд» – это всегда целенаправленная деятельность, где есть действующий субъект, стремящийся к достижению цели. В определении К. Маркса «труд есть прежде всего процесс, совер-

шающийся между человеком и природой, процесс, в котором человек своей собственной деятельностью опосредствует, регулирует и контролирует обмен веществ между собой и природой» [2]. «Воздействуя посредством этого движения на внешнюю природу и изменяя ее, он [человек] в то же время изменяет свою собственную природу» [3, с. 189].

Исследованиям понятия посвящено значительное количество работ, в которых при наличии разнообразных формулировок, термин «труд» характеризуют как: а) целесообразную деятельность, б) воздействие на природу, в) деятельность, направленную на удовлетворение потребностей, г) деятельность, требующую напряжения, д) человеческий опыт, е) опредмечивание человеческих сил в процессе труда [6]. **Мы рассматриваем труд, исходя из направленности нашего эссе, как целесообразную деятельность человека, направленную на создание предметов, необходимых для удовлетворения потребностей. Понятие «природа» мы понимаем, как сущность той или иной вещи, в данном материале как сущность труда** [4].

Таким образом, природа труда понимается нами как сущность процесса целесообразной деятельности человека, направленной на создание предметов, необходимых для удовлетворения своих потребностей. Изменение природы труда рассматриваем как изменение целей и содержания деятельности вследствие изменения структуры потребностей, технологий производства.

Анализ изменения природы труда во многом опирается на экстраполяцию результатов осмысления природы труда мыслителями прошлого. В контексте формационного подхода можно проследить, как менялись представления человека о труде в зависимости от изменения общественной формы производства. Философы античного мира дифференцировали труд по отношению к свободным работникам и рабам. Платон вводит различия труда и деятельности в диалоге «Хармид», подчеркивает, что труд свободных прекрасен и полезен в отличие от рабского труда. Социальную стратификацию в контексте труда подчеркивает Аристотель, который считал, что свободному человеку нужно заниматься досугом, а не трудом. Физический труд презираем, труд ради заработка не приемлем для уважаемого гражданина [6].

Философская мысль в феодальную эпоху определяет труд как источник добродетели и богоугодное деяние. Принуждение к труду неизбежно (Августин Блаженный Аврелий), труд – богоугодная деятельность (Фома Аквинский).

Философы капиталистической эпохи отделяют анализ труда от религиозных догматов, обосновывают представление о труде как стоимости вещей. Так, Дж. Локк рассматривает труд с позиции правового мировоззрения, приводит аргументы в доказательство того, что трудящийся является владельцем самого труда. Классические воззрения эпохи промышленной революции – работы А. Смита – легли в основу экономических теорий, обосновали неизбежность увеличения производительности в результате разделения труда, применения машин. Представители немецкого идеализма и утопического социализма в анализе сущности труда нашли место человеку. Г. Гегель раскрыл сущность труда как процесса самопорождения человека, актуализировал проблему свободного труда, рассмотрел противоречия труда. К.А. Сен-Симон высказал идею об общественных классах, обосновал тезис прогрессистской роли промышленников, сформулировал представления о праве на труд. Позднее именно эти работы станут основой трудов К. Маркса, заложивших основу современного понимания трудовой деятельности [2]. Философские и экономические обобщения К. Маркса позволили адекватно отвечать на вызовы индустриального общества, однако проблемы постиндустриального этапа развития не могли быть решены в рамках классических подходов [4].

На рубеже 50-60-х годов XX века оформилась теория человеческого капитала (Т. Шульц, Г. Беккер), изучающая процессы качественного совершенствования людских ресурсов в контексте модернизации труда. Главным концептом данной теории в контексте нашей работы является положение о том, что человеческий капитал (потенциал) – это сформированный в результате инвестиций и накопленный человеком определенный запас здоровья, знаний, навыков, способностей, мотиваций, которые целесообразно используются в той или иной сфере общественного воспроизводства, содействуют росту производительности труда и эффективности производства и тем самым влияют на рост заработков данного человека [7]. Машина как ценность индустриального общества уступает пальму первенства человеку как носителю знаний, навыков, способностей, мотиваций. Данная трансформация обусловлена не только тем, что Четвертая промышленная революция предполагает массовое внедрение киберфизических систем в производство и обслуживание человеческих потребностей. Не является определяющим и то, что в систему труда постиндустриального общества может быть включен только работник с высоким уровнем профессиональной подготовки. Определяющими качествами работника являются творческие способности, готовность работать с большими объемами данных, возможность «догонять» и «перегонять» постоянно обновляющиеся технологии.

А как же потребности, для удовлетворения которых всегда существовал труд? Именно потребности человека управляют деятельностью как динамической системой действий и операций (А. Н. Леонтьев) [5]. Все потребности человека образуют иерархическую структуру, где низший уровень составляют физиологические потребности и потребности в безопасности, а высший – социальные, престижные и духовные потребности [6]. В анализе проблемы изменения природы труда необходимо отметить и то, какие потребности работника труд мог удовлетворять на разных этапах цивилизационного развития. Рабский труд в эпоху античности давал пищу (рабовладельцу была невыгодна смерть квалифицированного раба от истощения), крепостного крестьянина труд кормил и создавал иллюзию безопасности; труд рабочего мануфактуры не только удовлетворял физические потребности, но и создавал возможности для социального лифта и т.п. Для развитых стран все больше характерным становится труд, существенным мотивом которого является потребность работника в самоактуализации, в самосовершенствовании и саморазвитии.

Коммуникации – транспортные, информационные – создают основу для удаленной работы, легкой смены региона трудовой деятельности, получения новых квалификаций и трудовых навыков. Удаленная работа позволяет работнику самому выбрать место, график работы и страну проживания. Трудовая деятельность выходит за границы государства на глобальный уровень. В процессе внедрения инноваций возникают новые отрасли и новые специальности, что открывает возможности для создания новых рабочих мест и повышения производительности труда [8].

На первый взгляд крайне позитивные тенденции развития труда без должного осмысления влекут за собой разноплановые риски и потенциально опасные следствия [1]. Доминирование интеллектуального труда над физическим отражается на функциональных показателях здоровья работника, снижает возможности адаптации. Упреждающая профессиональная подготовка востребованных на рынке труда специалистов требует значительных финансовых затрат. Потенциальный рост безработицы предполагает развитие системы альтернативной занятости и социальной поддержки.

В коротком эссе сложно проанализировать все вопросы, возникающие в связи с изменениями природы труда, характерными для постиндустриального общества. Поскольку человеческий капитал является основой развития постиндустриального общества, его фор-

мировое и сохранение определяет развитие мировой экономики и отдельных государств. В таком контексте инвестиции в обеспечение производственной безопасности и охраны труда, сохранение профессионального здоровья, потенциальное продление профессионального долголетия стоит рассматривать как наиболее эффективные вложения со стороны работодателей, работников и государства. Традиционная система охраны труда и обучения в сфере производственной безопасности, сформированная под потребности индустриального общества, должна уступить место формированию компетенций в сфере охраны труда, включающих навыки охранения профессионального здоровья, технологии профилактики профессионального выгорания, методы обеспечения комфортной рабочей среды и осознанные ценности здоровья и безопасности.

Таким образом, трансформация природы труда обусловлена стремлением человечества к наиболее полному удовлетворению широкого спектра потребностей, происходит под влиянием научно-технического прогресса, отражает уровень цивилизационного развития общества. К основным перспективам изменения природы труда относят уменьшение объема (вплоть до полной ликвидации) неквалифицированного, физического, монотонного труда; переориентацию производства товаров на производство услуг; появление новых видов деятельности, требующих особых квалификаций; развитие удаленных форматов трудовой деятельности; потребность в постоянном получении образования, новых квалификаций; осознанное отношение общества к формированию человеческого капитала, самосохранительного поведения, компетенций в сфере охраны труда и производственной безопасности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Изменение характера труда: Доклад о мировом развитии. Всемирный банк. 2019 год. Режим доступа: <https://www.vsemirnyjbank.org/ru/publication/wdr2019>
2. *Маркс, К.* Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс. Собр. Соч. т.23. С.188 – Режим доступа: <https://www.marxists.org/russkij/marx/cw/t23.pdf>
3. Новая философская энциклопедия: В 4 т. / Институт философии РАН. – М.: Мысль, 2010. Т.IV. Т-Я. – 736 с.
4. *Ожегов С. И.* Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – 4-е изд., доп. – М.: Азбуковник, 2000. – 940 с.
5. Психология труда / под ред. Е.А. Климова, О.Е. Носковой. – М.: Юрайт, 2016. – 249. с. – С.19-21
6. Хорошкевич Н.Г. К вопросу изучения понятия «труд» // Психология, со-

циология и педагогика. – 2014. – № 10 [Электронный ресурс]. URL: <http://psychology.snauka.ru/2014/10/3734> (дата обращения: 12.06.2020).

7. *Шестакова Н.Н.* Перспективные свойства и качества человеческого капитала в процессе изменений в сфере труда / Н.Н. Шестакова // Социально-трудовые исследования. – 2020. – 1. – С. 114-125.
8. The Centenary Declaration: a Compass for a Better Future of Work (Будущее сферы труда) / М. Pouchkin, К. Tada, J. Surina // Социально-трудовые исследования. – 2019. – 4. – С.130 -137.

ФРИЛАНС КАК ОБРАЗ ЖИЗНИ И СТИЛЬ

FREELANC AS A LIFESTYLE AND STYLE

Сёмченко Раиса Анатольевна – соискатель, г. Симферополь, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского

Semchenko R.A. – *PhD applicant, Simferopol, Crimean Federal V. I. Vernadskiy University*

E-mail: raisasemchenko@yandex.ru

Аннотация. В данной статье рассматривается феномен фриланса. Выделяются преимущества и недостатки в образе жизни социальной общности фрилансеров. Обозначаются основные стилистические ценности работников данной категории.

Abstract. This article discusses the phenomenon of freelance. The advantages and disadvantages in the lifestyle of the social community of freelancers are highlighted. The basic stylistic values of workers in this category are indicated.

Ключевые слова: фриланс, виртуальный рынок труда, стиль жизни, индивидуализм.

Key words: freelance, virtual labor market, lifestyle, individualism.

Процессы глобализации и информатизации оказали воздействие на все сферы деятельности человека. На современном этапе развития цивилизации информационно-коммуникативные технологии (ИКТ) позволяют осуществлять обмен данными между корпорациями, сотрудниками различных организаций, находящихся на любом удалении друг от друга. Данные преобразования в социальном взаимодействии людей привели к появлению новых форм трудовых отношений. В современной литературе появились работы, описывающие нестандартные формы занятости, такие как телеработа, удаленная работа, Интернет-занятость, «аутсорсинг» и др.

Альтернативным вариантом стандартной занятости становится и фриланс, который соответствует современным потребностям и образу жизни индивидов. Фриланс – это «модель занятости, в которой работник и работодатель независимы друг от друга и не связаны постоянными трудовыми отношениями» [8, с. 8]. Данный механизм организации трудовой деятельности носит неформальный характер договоренности и функционирует на виртуальном рынке труда. Фри-

ланс, как и любая другая сфера деятельности, требует от исполнителя наличия определённых качеств и выполнение конкретных функциональных обязанностей. Фрилансер – это частнопрактикующий, узкопрофильный специалист, который оказывает услуги заказчикам и при этом не состоит в штате какой-либо организации. Трудовые отношения между фрилансером и работодателем основываются на доверии и индивидуализированном подходе. Фрилансерами чаще всего являются представители творческих профессий, дизайнеры, переводчики, копирайтеры, программисты, разработчики сайтов, журналисты. Спрос на перечисленные профессии связан с результатами работы этих людей (статьи, переводы и прочее) и возможностью осуществлять взаимодействие в онлайн формате без значительных потерь информации.

Специфика трудовых отношений фриланса определяет особенности образа жизни и стиля фрилансеров. Под образом жизни мы понимаем форму жизнедеятельности работников, внутри которой выделяется социально-психологическая категория – стиль (согласно трактовке Ю. П. Лисицына). Основополагающими стилевыми ценностями в жизни фрилансеров, по мнению М. И. Гуровой [4], Д. Пинка [6] и В. С. Харченко [8], являются свобода, возможность оставаться самим собой, ответственность и собственные критерии успеха. Фрилансер – это самостоятельный, независимый человек, обладающим правом выбора и возможностью творческой реализации. Фрилансер, как правило, сам предлагает собственные услуги в Интернете или занимается поиском работы на специализированных сайтах, например, www.free-lance.ru, www.weblancer.net. Успешность фрилансера зависит от внутренней самоорганизации, обязательности личности и качества выполненных работ.

Наиболее значимыми преимуществами в образе жизни фрилансеров можно считать:

1. Индивидуальный тайм-менеджмент. Отказ от предписанного трудового распорядка в офисе позволяет работнику составлять график работы в зависимости от собственных биоритмов или социальных функций. Минимизация временных затрат на организацию рабочего процесса, рационализация использования свободного времени не отражается на материальном благосостоянии фрилансера.
2. Отсутствие пространственных ограничений. Человек может осуществлять свою деятельность меняя не только города, но и страны посредством программного обеспечения.

3. Возможность реализации в желаемой сфере деятельности. Получение работы по специальности (актуально для специалистов узкого профиля), продвижение по социальной лестнице и достижение высокого социального статуса в электронном бизнесе осуществляется гораздо быстрее, нежели при типичной форме занятости. Во фрилансе отсутствуют социальные или гендерные предубеждения при трудоустройстве. Фриланс позволяет людям с ограниченными возможностями здоровья заниматься любимым делом и не оставаться вне социума.
4. Минимизация межличностных конфликтных ситуаций. Фрилансер не является частью коммуникативной среды работодателя, он чаще всего работает один с множеством заказчиков, что является одним из эффективных способов бесконфликтного общения.
5. Автономия по отношению к работодателю в плане выбора заказчиков, проектов, заработной платы. Фрилансер всегда может отказаться от выполнения задания.

Динамичное развитие фриланса со всеми его преимуществами не исключает и наличие недостатков, которые также неизбежны. Среди отрицательных сторон можно отметить:

1. Атипичный баланс жизни и труда – границы работы и личной жизни у фрилансера не являются четко выраженными.
2. Отсутствие перспективы стабильной занятости, трудовых гарантий. Фрилансер не может планировать свое будущее, вне возможности контроля находится и количество получаемых заказов. Однако по портфолио фрилансера, реализованным проектам и отзывам определяется его репутация, квалификация, демонстрируются конкретные примеры умений, что позволяет рассчитывать на потенциальных заказчиков.
3. Отсутствие социального пакета. Фрилансеры не относятся к социально защищенной группе работников.

Помимо вышеперечисленных недостатков, П. Бурдьё, Г. Стэндинг, социологи Р. Джилл и Э. Прайт выделяют следующие типичные психические и социальные отклонения людей с временной или частичной занятостью: отсутствие самоидентификации и социальная отчужденность от трудового сообщества; неудовлетворенность не соответствующим уровнем образования статусом, доходом; страх перед будущим.

Несмотря на риски и неопределенность фриланса, численность людей, выбирающих данный механизм трудовой деятельности, растет в геометрической прогрессии. Рынок фриланс-услуг стреми-

тельно распространяется во всём мире, привлекая новых участников как со стороны исполнителей, так и со стороны частных лиц и организаций [1]. Так, например, внутри большой группы фрилансеров В. С. Харченко выделено пять типов работников – это мамалансеры, студенты-фрилансеры, хобби-фрилансеры, опытные фрилансеры, фрилансеры-востребованные работники [7]. Если в США, Европе фрилансерами в большинстве случаев являются признанные профессионалы, то в России – это преимущественно неопытные студенты или молодые специалисты. К тому же развитие фриланса в нашей стране в настоящее время недостаточно выражено, что связано с нестабильностью российской экономики, рынка труда и занятости, последствиями финансово-экономического кризиса, недостатками в трудовом законодательстве [9, с. 31]. Одной из причин, обусловивших тенденцию развития фриланса в мире, является уменьшение объема массового производства и увеличение количества персональных услуг, индивидуализированных товаров. Уже сейчас крупные компании сокращают штат, организуя работу по проектному типу, взаимодействуя с удаленными сотрудниками и фрилансерами для выполнения конкретных задач. Однако требования нелиберальной экономики, флексибилизации на рынке труда противоречат психологическим потребностям человека и приводят к потере ценности человеческих ресурсов. Рост конкуренции, чувство нестабильности и неуверенности работника относительно постоянной работы заставляет его отдавать предпочтение более гибким условиям труда, что на самом деле выгодно лишь для работодателя.

Подводя итог отметим, что политическая и экономическая экономия в модели взаимодействия профессиональных объединений и в дальнейшем будет оказывать влияние на рынок труда. Те рабочие места, которые еще сохранились, не являются защищенными от вызовов будущего, и постепенно практика нестандартной занятости рабочих вне офиса заменит людей организаций. Фриланс, следуя требованиям новой экономики, развивается на основе свободного и открытого доступа в виртуальной сети. Формирование социокультурного пространства фрилансеров: объединение в сообщества на виртуальных биржах труда, в Интернете в целом (в социальных сетях, сайтах, блогах и пр.), появление литературы (справочников, школ, тренингов) по обучению фрилансу подтверждают становление культуры данной категории работников. На данный момент не все компоненты образа и стиля жизни фрилансеров достаточно изучены. Рассмотрение всех элементов феномена фриланса позволит выявить контингент специ-

алистов способных осуществлять свою деятельность в виртуальном формате (помимо уже обозначенных) и определить дальнейшие перспективы развития данного вида трудовой занятости как для работодателя, так и для работника.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бурдые П.* Негарантированность повсюду [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://vk.com/@redpsychology-per-burdene-garantirovannost-rovvodu> (дата обращения 09.06.2020)
2. *Витушкин Д. Н.* Свободные копыеносцы атакуют [Электронный ресурс] / Н. Д. Витушкин // Санкт-Петербургские ведомости. – 2011. – № 099. – – Режим доступа: https://spbvedomosti.ru/news/?id=10277046@SV_Articles (дата обращения 09.06.2020)
3. *Гебриаль В. Н.* Социальные аспекты феномена дистанционной работы как нового вида трудовых отношений / В. Н. Гебриаль // Государственное управление. Электронный вестник. – 2008. – № 17. – С. 3.
4. *Гурова М. И.* Факторы, влияющие на выбор фриланса как формы самозанятости / М. И. Гурова // Теория и практика общественного развития. – 2012. – № 7. – с. 57–60
5. *Давыдова М. А.* Приверженность молодежи ценности индивидуализма: характеристики терминальных и инструментальных ценностей / М. А. Давыдова // Вестник адыгейского государственного университета. – 2012. – № 4. – С. 125–131
6. *Пинк Д.* Нация свободных агентов: как новые независимые работники меняют жизнь Америки / Д. Пинк; [пер. с англ. – А. Кириченко, Н. Киричуков]. – Москва: Секрет фирмы, 2005. – 327 с.
7. *Харченко В. С.* Особенности образа жизни фрилансеров: перспективы социологического анализа [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.hse.ru/data/2013/04/03/1233206853/4-Харченко.pdf> (дата обращения 09. 06. 2020)
8. *Харченко В. С.* Фриланс как стиль жизни в современном российском обществе: автореферат дис. ... кандидата социологических наук: 22.00.06 / Харченко Вера Сергеевна; [Место защиты: Ур. федер. ун-т имени первого Президента России Б.Н. Ельцина]. – Екатеринбург, 2013. – 22 с.
9. *Чуланова О. Л.* Применение фриланса на современном рынке труда: подходы, преимущества и недостатки / О. Л. Чуланова, Д. В. Чуланов // Материалы афанасьевских чтений. – 2017. – № 3 (20). – С. 40–48

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ ПАРАДИГМЫ В ПЕДАГОГИКЕ И ФИЛОСОФИИ

TO THE QUESTION OF THE NOTION OF A PARADIGM IN THE PEDAGOGY AND PHILOSOPHY

*Стус Е. А. аспирант кафедры педагогики,
г. Симферополь Крымский федеральный универси-
тет им. В. И. Вернадского*

*Stus E. A. Postgraduate student, Department of
Pedagogy, Simferopol V.I. Vernadsky Crimean Federal
University*

Аннотация. В статье рассматривается проблема сопоставимости понятия парадигма, принятого в педагогике на примере труда

Я. А. Коменского «Великая дидактика», с классическим понятием парадигмы Т. Куна. Для сравнения понятий выделяются четыре основных этапа развития науки, описанных Куном. Автор приходит к выводу о совпадении рассматриваемых парадигм.

Annotation. The article regards the problem of comparability of the pedagogical paradigm concept (classical paradigm) with the concept of the T. Kuhn paradigm. Classical paradigm considers on the example of the work of Y. A. Komensky “The Great Didactics”. There are four main stages in the development of science (according to T. Kuhn) which is used to compare the concepts. The author comes to a conclusion about the coincidence of visible paradigms.

Ключевые слова: классическая парадигма, парадигма педагогическая, классно-урочная система, этапы развития науки, образование.

Key words: classic paradigm, pedagogical paradigm, classroom system, stages of the science development, education.

Как известно, Т. Кун вводит понятие парадигма и на примере грандиозных открытий в области естествознания показывает динамику процесса развития научного знания. Мы также знаем, что понятие парадигма применяют и к гуманитарным наукам. И также известно, что гуманитарные науки обладают своей спецификой. Возникает вопрос: не появляется ли своя специфика при применении концепта парадигма в гуманитарных науках?

По мнению Томаса Куна [3, с. 11], парадигмы – это признанные всеми научные достижения, которые в течение определённого времени дают научному сообществу модель постановки проблем и их решений. Примерами научных парадигм могут служить научные революции, связанные с именами Коперника, Ньютона, Эйнштейна и Аристотеля. Каждое из этих открытий предопределяло отказ научного общества от той или иной поддерживаемой веками научной теории в пользу другой, несовместимой с прежней.

Становление парадигмы оказывает значительное влияние на всю деятельность научного общества и задаёт направление дальнейших исследований. Появление парадигмы [5, с. 7] является в некотором роде рубежом, преодоление которого является первым признаком зрелости научной дисциплины. В педагогике таким рубежом считается появление труда «Великая дидактика» Я. А. Коменского [2] в середине XVII в. В это время происходит формирование системы образования, которая соответствует культуре новой эпохи. Главной задачей такой «классической» модели образования становится подготовка специалиста, профессионала.

Педагогическая парадигма – это совокупность теоретических, методологических и иных установок, принятых научным педагогическим сообществом на каждом этапе развития педагогики, которыми руководствуются в качестве образца (модели, стандарта) при решении педагогических проблем [1, с. 104].

Зададимся вопросом: имеет ли место все ключевые характеристики для концепта «парадигма» в системе педагогики Я. А. Коменского то же, что и для естествознания в концепции Т. Куна? Для решения этой задачи выделим ключевые характеристики парадигмы, согласно воззрениям Т. Куна.

Рассмотрим парадигму с точки зрения динамики развития науки. Можно выделить следующие этапы: допарадигмальный, этап формирования парадигмы, нормальный этап, этап экстраординарной науки.

Рассмотрим эту динамику на примере системы Я. Коменского. Допарадигмальный этап характеризуется тем, что существующая парадигма христианского воспитания образования перестаёт отвечать потребностям развития капиталистического промышленного производства, которое требует от подрастающего поколения более широкого распространения грамотности. Возникает неспособность существующей парадигмы, в рамках которой образовательный процесс регулировался и контролировался церковью, основной задачей которого являлась подготовка духовенства, решить возникшие в науке проблемы. На первый план выходит подготовка трудоспособного населения, которое будет обслуживать расширяющееся производство. Основная цель образования формируется как передача обучающимся

системы знаний, умений и практических навыков, подготовка к труду, приобретение ими полезной для общества профессии.

Согласно Куну произошел переломный момент, в результате которого обнаружилось, что решение возникших проблем в образовании не может быть осуществлено с помощью действующей парадигмы. Это говорит о том, что наука перестала быть «нормальной» и вступила в период кризиса. Культура Нового времени и эпохи Просвещения ставит вопрос о том, что границы человеческого существования устанавливаются человеком благодаря его разуму, а не природой, и не Богом, как утверждают догматы христианства.

Следовательно, начинается второй этап развития науки по Куну – этап формирования парадигмы. Возникает теория «материального образования», у истоков которой стоял Я. А. Коменский. Данная теория говорит о том, что образование должно организовываться предметно с разделением наук по отраслям знаний, распределением труда в сельском хозяйстве и промышленности. Практика образования должна стремиться к тому, чтобы каждой отрасли науки соответствовали специальные занятия в школе. Главным открытием классической парадигмы в области организации образования стала классно-урочная система обучения. Впервые теоретически её обосновал и распространил в Европе в середине XVII века Я. А. Коменский. Классно-урочная система оказалась незаменимой в эпоху постепенного перехода к массовому обучению [4, с. 19]. В основе педагогической системы Коменского лежала критика существующего в то время порядка воспитания и обучения детей.

Среди основных нововведений были следующие: детей обязательно делили на классы и количество учебных кабинетов должно соответствовать их количеству, длительность занятия должна составлять 4 часа. Также учеников принимали в школу только в один период времени с целью поэтапного образования всего класса, детей не принимали в школу после начала занятий, чтобы не задерживать обучение всего класса, после каждого часа предполагался перерыв и др. Новая форма работы в школах, которую предложил Ян Амос Коменский, предполагала наличие стабильного состава учащихся со сходным уровнем развития, чередование учебных предметов, наличие постоянного расписания занятий, одновременную работу преподавателя со всеми детьми в классе и др. Итак мы видим, что основными понятиями в парадигме новой революционной системе образования стали: класс, урок, расписание.

Рассмотрим образовательную систему Я. А. Коменского с точки зрения методологии. Впервые в истории педагогики Коменский раз-

работал обоснованную с научной точки зрения целостную систему школ в соответствии с созданной им самой возрастной периодизацией и описал содержание обучения на каждой ступени образования. Основными концептуальными понятиями, которыми оперировал Ян Амос, являются наглядность, последовательность, природосообразность, системность, самостоятельность и активность учащихся. Целью Коменского было изжить из процесса обучения монотонность и зубрежку, безучастность учеников и предложить взамен свободу мысли, творческие диалоги, вникание в суть явлений и процессов. Его идея двигаться от частного к общему и от простого к сложному стала альтернативным вариантом главенствующего в то время схоластического подхода к обучению. Все это создало условия для развития у детей интереса к обучению. Работы Коменского изменили отношение к среднему учебному заведению. Если раньше в школах давали необходимый минимум знаний, то теперь они стали местом формирования личности.

Можно сказать, что наука проживает нормальный этап по Куну. Ученые работают в рамках парадигмы, не ставя перед собой цель создания новых теорий. На данном этапе происходит уточнение теории, проведение экспериментов и совершенствование парадигмы. Разработка теоретических и дидактических основ обучения ведётся выдающимися европейскими педагогами XVII-XIX веков И. Г. Песталлоцци, Г. Кершенштейнером и др.

Далее наука подходит к завершающему этапу по Т. Куну – этапу экстраординарной науки. Происходит кризис старой парадигмы, поиск и представление новой. Это связано с тем, что в структуру массового обучения заложены противоречия между коллективной организацией деятельности и индивидуальным обучением и развитием каждого ученика, между задачами разностороннего развития и преимущественно вербальным характером обучения, между временем, которое необходимо для изучения определённой темы, и временным стандартом урока [4, с. 19]. Все усовершенствования классно-урочной системы образования связаны со стремлением разрешить данные противоречия. Например, идут поиски замены или дополнения урока другими формами обучения (использование новых информационных технологий).

Основным критерием эффективности в контексте классической парадигмы образования России являются знания, умения и навыки. При этом не учитывается характеристика личностного развития, так основное внимание уделяется развитию памяти, а не умению мыслить. Уже в рамках классической парадигмы появляются новые подходы к обучению, например, активизация самостоятельной деятельности обучающихся, развивающее обучение, решение творческих задач,

проблемное обучение и др., которые являются предпосылкой возникновения личностно-ориентированной парадигмы. Во время кризиса испытываются новые идеи, в результате чего происходит формирование новой парадигмы, которая приобретает своих сторонников.

Парадигмы играют в истории науки неоднозначную, сложную и решающую роль. Они определяют проблемное поле и устанавливают допустимые методы решения заданной проблемы. Установление парадигмы оказывает значительное влияние на всю деятельность общества.

С одной стороны, Томас Кун предложил очень удачный концепт, который показывает динамику науки, но сложная современная система образования не всегда может уложиться в однозначную схему. Мы полагаем, выделить некую доминантную теорию в области педагогики на данном этапе невозможно. В современной педагогике парадигмы существуют параллельно. В образовании четкое разделение парадигм происходит только в теоретическом плане.

Можно ли назвать педагогическую парадигму парадигмой с точки зрения Куна? С учётом рассмотренных этапов развития парадигмы в педагогике, можно сказать, что классическая парадигма проживает четыре основных этапа, выделенных Куном. Можно сделать вывод, что понятие парадигмы, данное Куном для области естествознания, сопоставимо с понятием педагогической парадигмы на примере труда «Великая дидактика» Я. А. Коменского, несмотря на то, что гуманитарная сфера имеет свою специфику.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Коджаспирова Г. М.* Педагогический словарь / Г. М. Коджаспирова, А. Ю. Коджаспиров. – М.: Academia, 2003. – 173 с.
2. *Коменский Я. И.* Великая дидактика. – Смоленск: НКМП РСФСР, тип. ОУМП им. Смирнова, 1939. – 320 с.
3. *Кун Т.* Структура научных революций. – М.: Прогресс, 1977. – 300 с.
4. Педагогический словарь: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / [В. И. Загвязинский, А. Ф. Закирова, Т. А. Строкова и др.]; под ред. В. И. Загвязинского, А. Ф. Закировой. – М.: ИЦ «Академия», 2008. – 352 с.
5. *Тестов В. А.* О понятии педагогической парадигмы / В. А. Тестов // Образование и наука. – Екатеринбург: ФГАОУ ВО «Российский государственный профессионально-педагогический университет», 2012. – С.5–14.

УДК 172

ЭВОЛЮЦИЯ ЭТИЧЕСКИХ НОРМ В СВЯЗИ С ТРАНСФОРМАЦИЕЙ ОТНОШЕНИЙ СОБСТВЕННОСТИ

THE EVOLUTION OF ETHICAL NORMS DUE TO TRANSFORMATION OF PROPERTY RELATIONS

*Нагорный Стас Викторович – аспирант
по направлению подготовки «Экономика»; программа
«Экономическая теория»; г. Симферополь, Крымский
Федеральный университет имени В.И. Вернадского*
**Nagorny Stas Viktorovich – graduate student in Economics,
“Economic Theory” program; Simferopol, Crimea;
V. I. Vernadsky Crimean Federal University**
E-mail: ssmohawka@gmail.com

Аннотация: В статье рассматривается влияние изменений в отношениях собственности на философскую трансформацию этических воззрений. В древние времена отношения собственности настолько фундаментально и детально артикулированы в законе, что служат главной этической нормой как таковой. Если в античности граница между этикой и отношениями собственности размыта, то в Новое время при сохранении былой силы *jus talionis* заметно разделение этих сфер. Однако представление о собственности и сегодня играет большую роль в конституировании представлений об этической норме. Применяя историко-философский и социально-антропологический подход, автор показывает, как отношения собственности и представление о ней в наши дни может повлиять на эволюцию этических норм.

Abstract: The article proposes to consider how the change in property relations influenced the philosophical transformation of ethics from antiquity to modern times. It is indicated that in ancient times property relations were so fundamentally and circumstantially articulated in law that they served as the main ethical norms. Thus, if in antiquity the border between ethics and property relations is blurred, in the Modern Age the former strength of *jus talionis* was maintained, still it is worth saying that motives for these spheres to begin the separation from each other are noticeable. The idea of property in modernity plays a huge role in the

constitution of ethical norms. The author applies the history of philosophy and cultural anthropology to suggest how property relations can affect the evolution of ethical norms nowadays.

Ключевые слова: этика, этические нормы, отношения собственности, собственность, закон талиона, история философии, социальная антропология

Key words: ethics, ethical norms, social ethics, property relations, property, talion law, history of philosophy, social anthropology

Представление о природе собственности и отношения принадлежности играют большую роль в конституировании взаимосвязи с объектами внешнего мира и социальными субъектами, а также в формировании самоидентификации граждан. Отношения собственности занимают значительную часть нашей повседневной жизни и выполняют важные функции. Представление о собственности имеет мощный экзистенциальный потенциал.

С ранних времён существования человеческих общин мы встречаем феномен построения социальных отношений с *Другим* через призму представления о природе собственности. Так выстраиваются этические нормы, сохраняющие свою действенность в любых социальных институтах и претерпевающие развитие вместе с изменением жизни обществ.

В данной статье нашей целью является проследить, в какой взаимосвязи находится эволюция этических норм с выстраиваемой системой собственности в тот или иной период человеческой общественной жизни. В наши дни мы наблюдаем колоссальные изменения в представлении о природе собственности и правилах, созданных в сфере человеческого взаимодействия на предмет собственности и принадлежности. Так, например, мы видим, как постепенно в структуре общественных взаимоотношений закрепляется как успешная и широко применяемая сфера совместного пользования. В мировоззрении субъекта это ставит вопрос принадлежность делимого. Тем не менее понятно, что новый формат отношений собственности влечёт за собой очередной шаг в эволюции этических норм.

Мы сфокусируемся на решении вопроса о том, какую роль играют отношения собственности в формировании этической нормы в разные периоды общественной жизни человека. Попытаемся обосновать гипотезу о влиянии нового формата собственности на этические нормы. Это позволит нам заключить, какую динамику мы наблюдаем в связи с современными трансформациями отношения принадлежно-

сти, и ответить, актуально ли философское этическое знание в этом вопросе сегодня.

Обращаясь к различным правовым сводам древней эпохи, например, к Законам Ману (в отношении древнеиндийского общества), к Кодексу Хаммурапи (в отношении старовавилонских общин) или Ветхому Завету (в отношении иудейского народа), можно отметить, насколько представление о природе собственности прорастает в сформированные нравственно-правовые предписания, регулирующие поведение и взаимодействие людей в этих обществах. Первые известные исследователям своды этических норм содержат в себе несколько ключевых принципов: право сильного, закон талиона и табу. Все они во взаимодействии с отношениями собственности составляли жёсткий свод правил, которые имели для людей мистическую/божественную природу. В связи с этим *подчинение* правилу играло роль главной, если не единственной, этической нормы.

Перечисленные нами ключевые принципы воспроизводят тот способ этической регуляции, который распространён в невысококриминальных первобытных обществах – по выражению Р.Г. Апресяна, “архаичный этос силы” [1, с. 70], который перестаёт действовать в цивилизованном (образованном) мире.

В древних источниках наблюдается детальная проработка представления о собственности и, следовательно, операциях с ней. Например, упомянутые нами Законы Ману делят собственность на “царскую, храмовую, общественную и частную” [2, с. 72]. Кроме того, детально прорабатывались правила, согласно которым можно получить право собственности. Ценность любого из описанных имуществ была очень высока, из чего следовало формирование свода законов, имевшего не только правовую направленность, но также и нравственно-религиозную, поскольку эти законы вменялись человечеству от лица мистического прародителя Ману. Так, отношения собственности были строго детерминированы по правилу, что оказало большое влияние на формирование таких этических норм, как соблюдение договора (по обязательству договора) и равноценного наказания (по обязательству непричинения вреда) [2, с. 73–74]. То есть формируется этическая норма воздаяния обидчиком нанесённого ущерба имуществу или имущества в целом, а также обязательства потерпеть наказание за причинённый ущерб. Особенного внимания стоит то, что уже в древних обществах прорабатывается представление о равноценном (или адекватном) наказании, которое будет равно причинённому обидчиком ущербу.

Эта же интуиция в отношении собственности предписана в древнееврейском законе талиона (*jus talionis*¹), который мы встречаем в

¹ На латинском языке – закон талиона.

“Пятикнижии”, а именно в Книге Исхода (21: 24–26), где говорится о таком законе взаимодействия в отношении всего, что может принадлежать члену общины или служить наказанием в отношениях собственности: “... душу за душу, око за око, зуб за зуб, руку за руку, ногу за ногу, обожжение за обожжение, рану за рану”. В этой формулировке отчётливо проявляется этическая норма, общая для древних времён, а именно, эквивалентность, или равноценность ущерба и наказания в прямом смысле слова.

Также, как мы видим, уже в древности тщательно на правовом и этическом уровне проработан институт частной собственности, который предполагает возникновение таких этических представлений, как неприкасаемость частной собственности и защита её на законодательном уровне. Уже в Законах Хаммурапи “частная собственность ... получила полное развитие и находится под защитой закона” [3, с. 212–214]. Напомним, что при этом представлениям о нравственном поведении и правилах сопутствовали мистические верования. Например, в Кодексе Хаммурапи особенно указывалось, что за намеренное изменение границ чьей-то собственности обидчик будет наказан самим богом Нинибом [3, с. 214], который должен был отвечать за сохранность межевых камней. Таким образом, в древних обществах и возникает представление о третьем ключевом принципе этического поведения: табу. Оно имеет вид не утверждающего правила, но *запрещающей* этической нормы, нарушение которой любым из членов общины, по древним верованиям, мистическим образом навредит всей общине [4, с. 55]. Какие-то предметы или земли связывались с богами или тотемами, в связи с чем вред, перемещение или другие операции с ними могли быть строго запрещены под страхом смерти. Табу, наряду с принципом силы и законом талиона, служило наиболее строгой этической нормой древних обществ.

Таким образом, можно сказать, что в древних обществах в какой-то мере этический закон совпадает с правовым сводом. Однако мы наблюдаем, что этическая норма вторична по отношению к собственности. Можно сказать, она настолько укоренена в законах в отношениях собственности, что границы между ними *размываются*.

В Новое время происходит секуляризация, в связи с чем отношения собственности переходят в область регулирования права. Обратимся к наиболее влиятельному философско-правовому трактату раннего Нового времени, который даёт представление о разных областях права в XVI–XVII вв. и отражает этические нормы, распространённые в обществах того времени, – трактату нидерландского философа

и правоведа Гуго Гроция (1583–1645) “О праве войны и мира”. Так, мыслитель делит народы на нравственно образованные, или живущие согласно правовому уставу, и нецивилизованные, которые не прибегают к суду и решают всё по “старому обычаю”, имея в виду закон талиона, или закон частной мести.

Гуго де Грот выражает в трактате ключевую этическую интуицию раннего Нового времени: закон и право позволяют гражданам внутри государства и державам на международной арене взаимодействовать согласно этическому принципу справедливости. Справедливость же определяется благодаря мудрым судьям, в связи с чем необходимо не руководствоваться частными правилами, как мы это наблюдаем в древности, но подчиняться общему правилу справедливости. Этической нормой в отношении собственности в Новое время становится более общее правило, то есть частные руководства становятся второстепенными по отношению к этическому принципу справедливости. Гроций отвергает старый порядок решения конфликтов и спорных вопросов пишет что “...наиболее многочисленные примеры указанного обычая [закона талиона] встречаются среди тех, кто не имеет общих судей” [5, с. 460].

Голландский мыслитель, таким образом, апеллирует к цивилизованности как нормe. В Новое время мы наблюдаем, как “надсубъективный и универсальный”, хотя и “ситуативный” [6, с. 142], закон талиона в этическом представлении об отношениях собственности сменяется на парадигму *справедливости и права*, для соблюдения которых необходимо подчинение *общим судьям*. В свою очередь, как пишет Р.Г. Апресян, “справедливость и право обеспечивают сохранность жизни и собственности человека” [6, с. 144]. Область взаимодействия в отношении собственности Гроций относит к действию естественного права. Опираясь на предшествующую философскую традицию, мыслитель и правовец рисует образ человека как склонного к общению и разумного, в связи с чем он выполняет законы естественного права, которое есть право “в собственном смысле”. Гроций выражает взаимосвязь этической нормы и отношений собственности в раннее Новое время в формуле: общий закон справедливости предполагает “как воздержание от чужого имущества, так и возвращение полученной чужой вещи, и возмещение ущерба, причинённого по нашей вине, а также воздаяние людям заслуженного наказания” [5, с. 46]. Во всех описанных аспектах предложенного принципа прослеживается интуиция первичности принципа *справедливости* и сообразности по отношению ко всем иным.

Так, в Новое время отношения собственности менее ассоциируются с областью философского или социального знания, переходя под регулирование позитивного права и юриспруденции. Несмотря

на это, сохраняется косвенная зависимость между этическими нормами и трансформацией отношений собственности. В XVIII–XIX вв. отношения собственности и принадлежности регулируются сводами законов каждого из государств, при этом разделении мы наблюдаем грандиозный рост этического знания, выражающийся в развитых моральных парадигмах, как деонтология и консеквенциализм. То есть, этическая норма регулируется в зависимости от главенствующей моральной парадигмы, в которой находится субъект, и отношения собственности переходят на второй план, подчинённые действию той или иной парадигмы. Взаимосвязь между отношениями собственности и этикой сохраняется благодаря универсальной распространённости тех этических принципов, которые предлагают теоретики Нового времени. Мы видим, что с точки зрения главенствующих этических парадигм, которые сохраняют свои ключевые позиции и сегодня, собственность (будь то частная или общественная) служит предметом этики не сама по себе, но как объект, по отношению к которому/в связи с которым/ может быть совершено морально оправданное или безобразное морально действие.

Резким интересом к собственности и отношениям собственности отличается капитализм. Стоит отметить, что учение великого немецкого мыслителя Карла Маркса (1818–1883) о природе капитализма наделено скорее экономическими размышлениями о природе собственности и политическими призывами к изменению её формата. Несмотря на мощный след марксизма в философском восприятии отношений собственности, частная собственность в практической жизни индивида и общества сохраняет свои позиции.

В новейшее время в философском знании осуществляется рефлексия над частной собственностью и её влиянием на человека. Как мы уже говорили, начиная с раннего Нового времени наблюдается разрыв в прямой взаимосвязи отношений собственности на трансформацию этических норм, однако косвенное влияние на их формирование всё же сохраняется. Обратимся к автору социально-антропологической теории *эволюционизма* – американскому антропологу и этнологу Л. Уайту (1900–1975).

Течение эволюционизма в культурной антропологии связывает сам род человека с феноменом культуры как нравственного и социального института: человек *не может отказаться* от зова культуры, даже если этот зов не способствует выживанию. Так как частная собственность становится активной частью социальной жизни индивида, в которой формируются все этические отношения, представление о ней

диктуется, как считает социальная антропология, окружающей человека культурой. Таким образом, можно сказать, что происходит не только расслоение, но и поворот зависимости переменных: представление о норме (воплощённое в культуре) диктует формулу построения отношений принадлежности, и важно при этом отметить, что это распространяется не на отношения собственности между людьми, но на *индивидуальный* выбор человеком поведенческого стереотипа в отношении своего имущества.

Так, Уайт пишет: "... не считаю, что культура создана для того, чтобы быть на службе у человеческих нужд; она идёт своим путем в соответствии со своими собственными законами. Человек же живет внутри культурных систем и испытывает либо радость, либо страдание от того, что эти системы дают ему" [7, p. 159] (*перевод мой* – С.Н.). Культурное развитие направлено не на биологическое выживание, но на индивидуальное сообразование с этическим и эстетическим стереотипом. Например, особенно быстрое развитие автомобилестроения не связано с тем, что автомобили более способствуют выживанию. Количество индивидуального транспорта увеличивается и потому, что формируется положительный потребительский стереотип.

Социальная антропология XX века обращает внимание на то, как с особым вниманием к институту частной собственности меняется этическая парадигма. Происходит перефокусировка на индивидуальное соответствие социальной норме, которое выражается в так называемом "зове культуры", и мы наблюдаем, как норма влияет на трансформацию отношений собственности, а не наоборот.

Таким образом, в данной статье мы проследили формирование этических норм в плотной зависимости от отношений собственности. Эти отношения и правила их регламентации настолько фундаментально и детально артикулированы в законе, что служат главной этической нормой как таковой. Можно заключить, что в первобытном обществе граница между этикой и отношениями собственности размыта, также сильна апелляция к силе и закону мести "око за око", или *jus talionis*. В Новое же время мы прослеживаем, как отношения собственности отходят от моральной области, и на первое место выходят более общие принципы справедливости и права. Имущество определяется как область работы не философа, но правоведа. Тем не менее, представление о собственности и в современности играет большую роль: в XX веке мы сталкиваемся с тем, что индивидуальное соответствие представлению о необходимой человеку собственности занимает роль социальной нормы. Сегодня человечество столкнулось с новой волной в трансформации отношений собственности: экономика и новый ритм жизни переопределяют представление о природе соб-

ственности как таковой. Занимает уверенные позиции так называемая экономика совместного потребления, которая должна переопределить собственность, а вместе с тем и этические нормы современности. Мы предполагаем, что следующий шаг в эволюции этических норм в связи с трансформацией отношений собственности будет движением в сторону ключевых этических принципов, направленных на *Другого* индивида как члена нашего сообщества. Совместное потребление, как мы предполагаем после нашего историко-философского и социально-антропологического анализа, должно привести к распространению принципов взаимоуважения, толерантности и ответственности в качестве нравственной нормы.

В заключение мы хотели бы ещё раз обратить внимание на уже высеченные мыслителями современности [8] проблемы, которые могут сохраниться и повлечь за собой большие этические проблемы, если человечество не будет восприимчиво к формирующемуся новому формату отношений собственности. Так, этические нормы и по их форме, и в их содержательном наполнении прошли в своей эволюции несколько этапов, и на данный момент мы сталкиваемся с тем, что человеческое поведение по отношению к другим членам сообщества значительно подвержено ответственности и уважению к *Другому* в связи с форматом совместного пользования собственностью. Однако переходящие, зыбкие границы притязаний, распространяющиеся на подобную собственность, могут причинять экзистенциальный дискомфорт индивиду, живущему в парадигме “воли к власти”, не способному выстраивать рамки для своих притязаний. Мы предлагаем рассматривать современную трансформацию отношений собственности в виде совместного потребления не только как удачный экономический шаг, но также и как повод к пересмотру той этической парадигмы, которая может складываться при сохранении устаревшего формата строго частной собственности. Как пишут исследователи этических норм, – “... концентрация частной собственности влечёт за собой *проблему власти*, безудержное стремление к выгоде превращается в алчность, деформирует, обедняет человеческие отношения, а только лишь экономическая координация целей через собственность, рынок и максимизацию дохода *не охватывает* существенных жизненных *целей общества и человека*” [9, с. 423]. Примат этической составляющей над отношениями собственности в современности свидетельствует о том, что взаимосвязь между представлением об имуществе и этическим поведением в обществе сохраняется, однако первое со временем начнет подчиняться второму.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Апресян Р.Г.* Метанормативное содержание принципов справедливой войны.// Полис, 2002, № 3.
2. История государства и права зарубежных стран: учебник.// под ред. Михайловой Н.В. – М.: КНОРУС, 2017. – 480 с.
3. Законы Хаммурапи.// Ред. и вступит. статья Б.А. Тураева. – Литрес, 2018.
4. Этика: учебное пособие.// Т.В. Мишаткина, Я.С. Яскевич. – Минск: Вышэйшая школа, 2017. – 334 с.
5. *Гуго Гроций.* О праве войны и мира [II, XX, VIII, 6]. – М., 1956.
6. *Апресян Р.Г.* Jus talionis в трактате Гуго Гроция “О праве войны и мира”.// Этическая мысль. Выпуск 3. – М., 2002. Сс. 139–165.
7. *White L. A.; Dillingham B.* The concept of cultural systems: A key to understanding tribes and nations. – New York: Columbia University Press, 1975.
8. *Козловски П.* Культура постмодерна. – М.: Республика, 1997.
9. Этика. Учебник для академического бакалавриата.// А. Иванюшкин, А. Разин, Т. Пороховская, А. Прокофьев, А. Гусейнов, А. Гаджикурбанов. – Литрес, 2020. – С. 108.

УДК: 174.8

**СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ
СОВРЕМЕННОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА****SOCIO-PHILOSOPHICAL ASPECTS
OF MODERN ENTREPRENEURSHIP**

Урутин Денис Сергеевич аспирант 1-го обучения кафедры Экономики и управления, г. Симферополь, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского
Urutin Denis Sergeevich postgraduate student of the 1st course of Chair of Economy and Management, Simferopol, Crimean Federal V. I. Vernadskiy University

Аннотация: современное предпринимательство – один из наиболее противоречивых и интересных феноменов общественного бытия, в данной статье будут рассмотрены социально-философские аспекты данного явления и дана их оценка.

Annotation. The article outlines the fundamental concepts and discoveries that have led to the current state of research on the creation of artificial intelligence. The current research trends for the future and the corresponding problem field are indicated.

Ключевые слова: современное предпринимательство, предпринимательство, бизнес

Key words: modern entrepreneurship, entrepreneurship, business

Современное предпринимательство является одним из наиболее противоречивых феноменов общественного бытия. Двигая социальный прогресс с одной стороны, оно, с другой, является причиной множества противоречий, главным из которых, по мнению многих авторов, является неравенство в распределении ресурсов.

Социально-философский анализ современного предпринимательства как существенного фактора экономики, ставшего одним из ключевых факторов производства в XX веке наряду с трудом, землей и капиталом, опирается в основном на исследования австрийской школы экономистов, таких как Л. фон Мизес, Ф.А. фон Хайек и др., выступивших с критикой социалистической формы экономики. В частности, по мнению Хайека главным аргументом против социалистической формы хозяйствования было противоречие принци-

пов социализма и коллективизма принципам правового государства и частного права. А причины “варварства и насилия” тоталитарных режимов первой половины XX века заключалась, по его мнению, в том, что плановая экономика неизбежно вела к угнетению и подавлению людей, даже если это не было её изначальной целью, поскольку плановая экономика приводила к подавлению частных инициатив и инноваций.

Также следует выделить американского экономиста Й. Шумпетера, который рассматривал предпринимательство как особое инновационное поведение, различая предпринимателей и обычных людей не столько по сфере деятельности, сколько по типу личности и мышления, которые у предпринимателей были гораздо более “инновационными”, чем во многом превосходил будущие взгляды на этот вопрос.

Если рассматривать отечественных авторов, то здесь мы можем наблюдать продолжение идей Й. Шумпетера, в лице В. Радеева определяя предпринимателя как инициативного субъекта экономической деятельности, создающего новые комбинации факторов производства с целью удовлетворения новых потребностей общества с выгодой для себя. Кроме того, заслуживают внимания и исследования И. Яковлева и Э. Фетисова, акцентирующих внимание на “революционной” сущности предпринимателя, имеющего слабую связь с текущими общественными традициями, тормозящими прогресс общества, а также энергичности и лидерским качествам, вкупе с инициативностью и интуицией, за счёт которых он быстро принимает решения, получая от них максимальную выгоду.

Таким образом, ключевым аспектом с точки зрения исследователей философского аспекта современного предпринимательства является создание нового социального института людей, способных осуществлять инновационную деятельность за счет ослабленной связи со старыми нормами и традициями и развивать общество в целом за счёт своей инициативности, целеустремленности и способности идти на риск для достижения своих целей, совпадающих с потребностями социума.

В своей совокупности предприниматели создают особый слой людей, инициатирующих новый тип социальности и новую роль в социуме, формируя институт предпринимательства или бизнеса, который является одним из важнейших социально-хозяйственных институтов в современных государствах, зачастую определяющий многие из процессов, происходящих в них.

Как и любой крупный общественный институт, предпринимательство основывает свою деятельность на основании разделяемых большинством населения социальных, моральных, правовых и поли-

тических нормах, в том числе и культурных традициях и стандартах поведения, поскольку деятельность этого института определена возникающими интересами и потребностями людей в процессе развития социума; ими же было определено его возникновение. Здесь важным будет упоминание позиции современного польского философа М. Суханека, анализировавшего предпринимательство в контексте философии хозяйства: он убежден, что процесс институционализации предпринимательства – это становление и упрочение конкретных социальных норм, действующих в обществе и обеспечивающих его сохранение, а радикальные изменения в социуме в условиях современности ведут к радикальным институциональным изменениям, в частности, к созданию новых, главным из которых на территории бывшего СССР стал институт предпринимательства. И даже за то небольшое время, что прошло за время с распада СССР и прихода рыночного типа хозяйствования, новый институт предпринимательства уже стал неразрывно связан с обществом, закрепив свою деятельность как в законодательной, так и в морально-правовой сферах (совершив там существенные преобразования) в соответствии с новыми условиями. В частности, если при СССР предпринимательство рассматривалось как зло и с позиции морали и с позиции закона, новые экономические условия привели к пересмотру взглядов на него и подстройке общественных институтов к возникновению нового, необходимого для удовлетворения общественных потребностей

Таким образом, можно сказать, что институт предпринимательства берёт на себя ответственность за выполнение общественно-полезной деятельности, что можно расценить как его моральную зрелость и сформированность, а экономические отношения, которые он обслуживает, всегда содержат в себе и этическое и нравственное начало, поскольку эти аспекты включены в любую сферу человеческой деятельности, и последние тенденции в сфере предпринимательства являются тому подтверждением, в частности принципы социальной ответственности и гуманизма, которые всё шире распространяются на Западе и постепенно приходят и к нам. Важным аспектом здесь является и то, что экономика, которая ориентируется на человеческие ценности, а не на спущенный сверху план, создает новые этические представления, способствующие повышению роли предпринимательства в качестве морально-нравственного ориентира в современном обществе – что хорошо согласуется с его основополагающей ролью в современном обществе и экономике в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арасланова Альфия Тагировна, Федулов Игорь Николаевич Эволюция теории предпринимательства: философский аспект // Сервис +. 2018. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-teorii-predprinimatelstva-filosofskiy-aspekt> (дата обращения: 14.06.2020).
2. Барковский Геннадий Францевич Социально-философские аспекты бизнеса и этика предпринимательства // Философия права. 2011. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-filosofskie-aspekty-biznesa-i-etika-predprinimatelstva> (дата обращения: 15.06.2020).

УДК 004.8

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ И СОЗНАНИЕ: СОСТОЯНИЕ ИССЛЕДОВАНИЙ И ПЕРСПЕКТИВЫ

ARTIFICIAL INTELLIGENCE AND CONSCIOUSNESS: STATE OF RESEARCH AND PROSPECTS

*Сурков Андрей Владиславович аспирант 1-го обучения
Агротехнологической академии, г. Симферополь, Крым-
ский федеральный университет имени В. И. Вернадского*
*Surkov Andrey Vladislavovich postgraduate student of the 1st
course of the Agrotechnological Academy Chair, Simferopol,
Crimean Federal V. I. Vernadskiy University*

Аннотация. В статье обозначены принципиальные понятия и открытия, которые привели к нынешнему состоянию исследований по созданию искусственного интеллекта. Обозначены актуальные исследовательские тренды на перспективу и соответствующее проблемное поле.

Annotation. The article outlines the fundamental concepts and discoveries that have led to the current state of research on the creation of artificial intelligence. The current research trends for the future and the corresponding problem field are indicated.

Ключевые слова: искусственный интеллект, сознание, тест Тьюринга, нейросеть

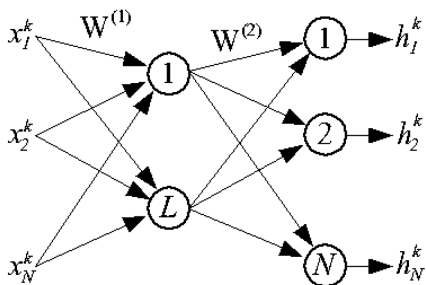
Keywords: artificial intelligence, consciousness, Turing test, neural network

За миллиарды лет эволюции развился крайне эффективный и чрезвычайно сложный инструмент выживания, дающий своему владельцу значительное преимущество – мозг. Мозг любого живого существа на Земле состоит из нервных клеток, или нейронов. Клетка имеет множество древовидных отростков, называемых дендритами, по которым поступают электрические сигналы, и аксоны – отростки по которым сигнал из клетки выходит.

В середине XX века учёные математики обратили внимание на то, что нейрон по своей сути является своеобразным полиномом первой

степени с некой функцией активации. Однако подсчёт небольшой сети, состоящей, скажем, из пары тысяч нейронов требовал достаточно больших вычислительных ресурсов, не доступных на то время. До поры энтузиазм померк, пока не произошёл значительный скачок в производительности вычислительных систем.

Каково же состояние области искусственных нейронных сетей сегодня? За последнее десятилетие успешное применение искусственных нейронных сетей практически во всех сферах деятельности человека возросло экспоненциально.

На сколько же похожи искусственные нейронные сети на их биологические аналоги? На самом деле схожесть не велика. На сегодняшний день существует различное множество типов сетей, предназначенных для выполнения разных задач. По своей сути неросеть в программном коде является набором коэффици-

циентов, представляющих связи между функциями активации. Простейшие сети состоят из одного слоя. Каждый нейрон в этом слое связан через свой весовой коэффициент со входом. В зависимости от этих самых коэффициентов формируются выходы. Однако для сложных задач одного слоя недостаточно. Требуется так называемая глубокая нейросеть, состоящая из нескольких слоёв, где входы более глубоких уровней являются выходами нейронов предыдущего слоя. Каждый узел в одном уровне соединён с каждым узлом в другом. Это одна из простейших структур получившая название многослойный персептрон. Таким образом, сигнал попадает на вход сети, проходит по всем уровням и формируется на выходе самого последнего слоя.

Что же такое всё-таки искусственный интеллект? Само понятие интеллекта крайне противоречиво. Многие животные на Земле весьма успешно применяют свой мозг для выживания. Можно сказать, что не только человек обладает интеллектом. Однако мы эгоцентричны по своей природе, поэтому будем считать, что в данном случае интеллектом обладает лишь человек без серьезных душевных заболеваний и достигший, условно, как минимум полутора годовалого возраста. Скорее всего именно такого уровня искусственный интеллект представляют себе большинство. В 1950-ом году английский математик Алан Тьюринг в статье «Вычислительные машины и разум» предложил тест, теоретически позволяющий выявить наличие интеллекта у машины. Его суть крайне проста. Одни и те же вопросы задаются

человеку и компьютеру. Если задающий вопросы не сможет отличить одного от другого, или спутает их – считалось, что машина обладает интеллектом. На сегодняшний день пока не существует систем, способных пройти тест Тьюринга. Ирония заключается в самом присутствии человека, как элемента теста.

Считается, что эмоции и чувства в сочетании с абстрактным мышлением являются основным показателем человеческого сознания. Но всё это появилось в результате эволюции как механизм подкрепления при обучении, целью которой было выживание, накопление и сохранение энергии. На самом нижнем уровне, внутри клеток, мы такие же машины, состоящие из атомов и молекул. Работа каждой части клетки направлена на то, чтобы та продолжала функционировать как можно дольше. Этот принцип сохраняется на всех уровнях организма. Однако искусственный интеллект не пройдёт миллионы лет эволюции. Он создаётся человеком. Он не обязан обладать таким же набором качеств. Строго говоря, у него нет необходимости к существованию. Что же мы можем в итоге получить?

Такое понятие как чуждый разум появилось не так давно. Наше собственное сознание строится на логических заключениях и принципах, закрепившихся в нейронной сети мозга. Однако это не означает, что именно такие парадигмы мыслительного процесса являются единственными возможными. Другими словами, мы можем создать искусин но не осознать этого, как, к примеру муравей не осознаёт, что человек наблюдает за ним, потому что человек находится вне его восприятия окружающей среды. На данный момент все работы, связанные с искусственным интеллектом, используют принцип выполнения полезных задач. При разработке таких систем мы сами вкладываем первоначальный смысл их существования. Человек пытается создать интеллект, при этом не понимая до конца как работает собственный разум на фундаментальном уровне. Каково же всё такое будущее этой области? Сможем ли мы воплотить в жизнь идеи писателей фантастов?

Можно сколь угодно долго рассуждать о том, как искусственный интеллект может превзойти своего создателя, уничтожить его или работать с ним сообща, о том появиться ли совершенно новый образ мышления и какие будут последствия для всего человечества в целом. На данный момент всё это является лишь догадками, строящимися на сугубо человеческой логике. Ясно лишь то, что мы постепенно движемся в этом направлении, и делаем успехи.

**ФИЗИКА И ФИЛОСОФИЯ
В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОСТИ**

**PHYSICS AND PHILOSOPHY
IN THE CONTEXT OF MODERNITY**

Смирнова А.Ю., аспирант 1-го года обучения, г. Симферополь, Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского
Smirnova A.Yu., graduate student of the 1st year of study, Simferopol, Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky. Email: a.smirnovasbox@gmail.com

Сапига А.В., кандидат физических наук, г. Симферополь, Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского, доцент кафедры теоретической физики и физики твердого тела
Sapiga A.V., Candidate of Physical Sciences, Simferopol, Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky, Associate Professor, Department of Theoretical and Solid State Physics. Email: sapiga_av@mail.ru

Аннотация. В статье приведены особенности современного понимания физических процессов и потенциальные возможности изучения физики с философских позиций. Подробно описаны аспекты философии физики, смысловые определения философии физики, а также приведена характеристика термина «физическая реальность».

Annotation. The article presents the features of the modern understanding of the physical and potential possibilities of studying physics from a philosophical standpoint. The aspects of the philosophy of physics, the semantic definitions of the philosophy of physics are detailed, as well as the characteristics of the term «physical reality» are given.

Ключевые слова: философия, физика, наука, теория, деятельность, принципы, законы, фундаментальные понятия, физическая реальность.

Key words: philosophy, physics, science, theory, activity, principles, laws, fundamental concepts, physical reality.

«В наше время физик вынужден заниматься философскими проблемами в гораздо большей степени, чем это приходилось делать физикам предыдущих поколений».

Альберт Эйнштейн.

Вынесенные в эпиграф слова Эйнштейна сейчас даже еще более актуальны, чем век назад. В современном IT мире информации становится все больше и больше, а вот систематизация знаний зачастую не успевает за потоками знаний. Здесь физика играет ключевую роль, поскольку именно она дает систему знаний, которая пронизывает другие естественные науки, объединяя их на единой основе. Однако ориентированная на прямое познание законов природы даже физика ограничена в своих возможностях. Находясь на переднем крае познания тайн природы и основываясь на багаже прошлых знаний, не всегда удается дать верное объяснение наблюдаемым явлениям. Зачастую требуется взглянуть на проблему шире. Именно философия, формулируя наиболее общие законы природы и общества может существенно помочь объяснить процессы, протекающие в природе. В связи с этим молодые ученые (физики, философы) ищут новые способы познания объектов, явлений и процессов природы.

Призма философского знания отражает онтологический, эпистемологический, методологический и социокультурный характер теоретических моделей природы. Сегодня физика и философия как науки взаимодополняют друг друга и тем самым образуют новую отрасль знания с глубокими междисциплинарными связями. Философия физики изучает мировоззренческие и методологические аспекты, которые возникают в процессе высококвалифицированной деятельности ученых, систематизирующих и верифицирующих истинное знание для дальнейшего его применения в теории и практике. Известные ученые XX века, такие как Макс Планк, Нильс Бор, Эрвин Шредингер, Макс Борн серьезно обращались к вопросам философии, уже достигнув успеха в своей научной деятельности, и поняв, что очередной шаг можно сделать только после осмысления всей широты имеющихся знаний. Аспекты философии физики представлены на рисунке 1.

Для полноты представления описанных аспектов считаем необходимым раскрыть основания физики. Дефиниция «основания» трактуется как значимый исток реального развития системы физического знания. От термина основание зависит научное обоснование теоретических моделей природы. В настоящее время традиционно выявляют

Рисунок 1 – Аспекты философии физики (составлено авторами)

несколько оснований физики: онтологический, логико-гносеологический, методологический и социокультурный вектор развития физики как науки.

В онтологических основаниях важным проявлением физики выступают фундаментальные понятия – «физическая реальность», «закон природы», «взаимодействие атомов». Физика с точки зрения методологических оснований содержит ряд средств познания: «физическая картина мира», «фундаментальные парадигмы физики», «методология физических исследовательских программ». Социокультурные основания развития физики представлены идеей экстернализма. Идеалы, нормы и ценности познания проявляются в историко-культурных и социально-психологических основах деятельности ученых. Историческая и социокультурная компоненты физического познания выражаются в этапах научного развития: классический, неклассический, постнеклассический.

Обратимся к ретроспективному анализу, который позволит нам выявить первые истоки возникновения познания в мировом сообществе. Физика как наука берет свое начало в XVII веке, поскольку знания в

античности, средневековья и в эпохе Возрождения имели натурфилософское основание и считаются преднауками. Проанализировав научную литературу по философии физики, мы пришли к заключению о том, что недостаточно изучена внутренняя логика и алгоритм преемственности знания в процессе развития концептуальных оснований физики как науки. Современное логико-гносеологическое основание физики – это фундаментальные принципы и идеи, являющиеся базисом теоретических положений, направляющих научный поиск и способствующих становлению и обобщению всех физических знаний. Эти основания при обобщении физического знания структурируют теорию и формируют целостную концептуальную систему.

Развитие представлений о физической реальности является фундаментальным представлением онтологических оснований. В древние времена натурфилософы занимались проблемой реальности и дискутировали на такие темы как: реальность хаоса, логоса, первостихий, эйдоса, гомеометрии, реальности атомов и т.д. Реализм как направление философии интерпретирует реальность как саму природу, внешний мир, представленный в теоретических моделях и отражающий различные свойства. Проблемность возникающих вопросов при изучении природы возникла в теоретических описаниях Ньютона. Ньютон оперировал движениями материальных точек в пространстве и времени, Джеймс Максвелл исследовал изменения характеристик электромагнитного поля в пространстве и времени и т.д. В обоих случаях ученые занимались теоретическим моделированием природных процессов. Исключения составляют релятивистская и квантовая физики [1].

Проблему противостояния изменчивости и устойчивости в мире обсуждали еще в античности (гераклиито-элейская коллизия). В современности эта проблема конкретизируется в представлении о двух, дополняющих друг друга уровнях реальности: предметно-событийной (феноменальная) и эйдетической (номическая). Развитие науки диктует правила осознать «сущность», сформулировать «закон», что является основанием философского разделения реальности на предметно-событийную и эйдетическую. Именно философия формирует представление о сущности «закона», не изучая предметно-событийную реальность. Предметность философии заключается в явлениях и процессах непосредственной реальности, которая выражена в системе философских категорий. Номическая реальность признает существование законов природы, в свою очередь, эти законы изучаются учеными естественнонаучного направления.

Физика сегодня (и в древние времена) изучает фундаментальные свойства и законы природы. Законы природы сложны в адекватном описании и объяснении. В современном мире такая сложность возникает за счет того, что объекты природы могут принадлежать разным областям действительности (макро-, микро-, мегамир). В физике постоянно происходит развитие содержания «старых» и «новых» идей, принципов и понятий. Новые теории экстраполируют «старые» понятия в мало исследованную сферу действительности. Кроме физических понятий экстраполяции подвергаются существующие математические методы, принципы инвариантности и т.д.

Понятие «физическая реальность» является фундаментальным в физике XX века и характеризует точку зрения объективного мира, который изучает физика. Альберт Эйнштейн использовал это понятие для описания природы физического знания. Ученый писал, что в доквантовой физике не было сомнения, как необходимо трактовать этот термин [2]. Реальность физика как ученого – это реальность, которая интерпретируется с помощью определенной теории физики. Любая реальность носит теоретико-модельный характер, состоит из системы теоретических компонентов объективного мира природы. Проанализировав смысловую тонкость вышеописанной проблемы реальности как существования, мы считаем необходимым продемонстрировать основные концепты на рисунке 2.

Рисунок 2 – Реальность как существование (составлено авторами)

Интегративность термина «физическая реальность» сохраняет момент внутренней неопределенности. До сих пор в физике суще-

ствуует множество мнений по проблеме действительной (актуальной) и виртуальной (возможной) реальностями, которые обусловлены интерпретацией аспектов физической реальности. В этом плане физическая реальность включает в себя и актуальную, и виртуальную реальности.

Например, концепция супервзаимодействия с новой стороны открывает вопрос о фундаментальности типов взаимодействия. Электромагнитные, слабые, сильные и гравитационные взаимодействия считаются «абсолютно» фундаментальными, так как каждое из этих взаимодействий невозможно объяснить за счет существования других видов взаимодействий. Известный факт, что фундаментальные взаимодействия можно различить по величине константы связи, которая не имеет абсолютной неизменности. Эффективные константы связи изменяются в зависимости от энергетических параметров. В масштабе планковских параметров (10^{19} ГэВ) сверхвысокие энергии имеют тенденцию слияния констант связи, что приводит к мнению об унификации всех фундаментальных сил природы. Концепция супервзаимодействия отражает супервзаимодействие как реальный, а не номинальный динамический процесс самоорганизации материи после Большого взрыва. С помощью теоретической экстраполяции возможно смоделировать алгоритм расщепления супервзаимодействия на порожденные взаимодействия, а также размышлять о последующей дивергенции фундаментальных взаимодействий и предлагать различные сценарии эволюции нашей Вселенной.

ЛИТЕРАТУРА

1. История и философия науки: учебное пособие / О.А. Габриелян, А.В. Карабыков, Ф.В. Лазарев, Н.В. Сафонова; КФУ им. В.И. Вернадского. – Симферополь: ИТ «Ариал», 2020. – 364 с.
2. *Эйнштейн, А.* Творческая автобиография / А. Эйнштейн // Физика и реальность. – М., 1965. С. 161–162.

**ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ГЕНЕЗИСА
ИННОВАЦИЙ**

**PHILOSOPHICAL PROBLEMS OF THE GENESIS
OF INNOVATION**

*Приходько Игорь Игоревич – аспирант 1-го года
обучения, кафедра мировой экономики, г. Симферополь,
Крымский федеральный университет имени
В. И. Вернадского, Институт экономики и управления*
**Prikhodko Igor Igorevich – 1st year post-graduate
student,
Department of International Economics, Simferopol,
Crimean Federal V. I. Vernadskiy University,
Institute of Economics and Management
E-mail: latunevich@mail.ru**

Аннотация. В работе критически рассмотрены основные концепции генезиса инноваций, описан механизм появления открытий, рассуждения проиллюстрированы историческими примерами. Выявлены теоретические и практические недостатки существующих концепций, вскрыта внутренняя противоречивость некоторых положений. По результатам исследования выработана обобщающая концепция генезиса инноваций, намечены перспективные пути дальнейших исследований.

Abstract. In the article, the author critically examines the main concepts of the genesis of innovation, describes the mechanism of discovery, and the reasoning is illustrated by historical examples. The theoretical and practical shortcomings of existing concepts are revealed, and the internal inconsistency of some provisions is revealed. Based on the results of the research, a generalizing concept of the genesis of innovation was developed, and promising ways of further research were outlined.

Ключевые слова: инновации, технологические уклады, новаторство, рационализация на производстве, технократизм, К-циклы

Key words: innovation, technological patterns, invention, rationalization in manufacturing, technocracy, K-cycles

Чтобы описать механизм появления открытий, нам необходимо исследовать сущность научно-технического процесса, его фундаментальные особенности и тенденции. То есть мы должны понять, что

является ключевым фактором, влияющим на появление тех или иных открытий в науке и технике.

На данный вопрос в науке существует три основных ответа. Первый, имеющий своим истоком классическую политэкономию в лице А. Смита и Д. Рикардо, никогда не отводил процессу технологического роста преимущественную позицию в развитии экономики. Как раз наоборот, технологии обеспечивали ускоренное развитие тем общественно-экономическим тенденциям, которые уже сложились в обществе. Именно поэтому Промышленная революция XVIII–XIX веков началась в Англии как в самой развитой стране нарождающегося капиталистического мира. С точки зрения классиков по-другому и быть не могло: сами по себе новшества являются нейтральными по отношению к общественному развитию.

Вторым ответом на вопрос определения факторов технологического развития является шумпетерианский подход. Учёный-экономист Й.А. Шумпетер рассматривал инновации как следствие сознательного воздействия на окружающий мир особой силы – предпринимательской инициативы. По мнению австрийского учёного, без предпринимательства невозможно общественное развитие, а, стало быть, поддержка и поощрение «предпринимательского духа» является залогом и инновационного развития страны. В своём *magnum opus* «Социализм, капитализм, демократия» Шумпетер описал крах капитализма именно как следствие подавления государством свободы предпринимательства, притом, как писал учёный, основным источником нововведений является не малый и средний бизнес, а крупные концерны, действующие в условиях несовершенной конкуренции. Свою теорию инноваций Шумпетер соединил с теорией длинных волн Н.Д. Кондратьева (или К-циклами в трактовке великого австрийца). Отсюда появляется возможность не только понять природу научно-технологического развития с точки зрения истоков, но и предугадать тенденции, а также определить, какие технологии будут передовыми в будущем.

Последний пункт, а именно прогнозирование ключевых групп технологий завтрашнего дня, наиболее ёмко изложено в трудах отечественных учёных-шумпетерианцев Д. Львова и С.Ю. Глазьева. Они уточняют теорию К-циклов, внося в неё концепцию технологических укладов. Выделяется шесть таких укладов, в каждом из которых отмечается пять ключевых характеристик: основной ресурс, главная отрасль, драйвер, достижение уклада, гуманитарное преимущество (см. табл. 1). По Глазьеву каждый технологический уклад состоит из эмбриональной фазы (10–15 лет), фазы роста (30–40 лет) и фазы зрелости (15–20 лет).

Технологические уклады по классификации С. Глазьева и Д. Львова

Технологический уклад	Временной период	Лючевые характеристики
Первый	1770–1830 гг.	Основной ресурс – энергия воды Главная отрасль – текстильная промышленность Драйвер – текстильные машины Достижение уклада – механизация фабричного производства Гуманитарное преимущество – урбанизация
Второй	1830–1880 гг.	Основной ресурс – энергия пара, уголь Главная отрасль – транспорт, чёрная металлургия Драйвер – паровой двигатель, паровые приводы станков Достижение уклада – рост масштабов производства, развитие транспорта Гуманитарное преимущество – постепенное освобождение человека от тяжёлого ручного труда
Третий	1880–1930 гг.	Основной ресурс – электрическая энергия Главная отрасль – тяжёлое машиностроение, электротехническая промышленность Драйвер – электродвигатель Достижение уклада – концентрация банковского и финансового капитала; появление радиосвязи, телеграфа, стандартизация производства Гуманитарное преимущество – повышение качества жизни
Четвёртый	1930–1970 гг.	Основной ресурс – энергия углеводородов Главная отрасль – автомобилестроение, цветная металлургия, нефтепереработка, синтетические полимерные материалы Драйвер – двигатель внутреннего сгорания, нефтехимия Достижение уклада – массовое и серийное производство Гуманитарное преимущество – развитие связи, транснациональных отношений, рост производства товаров народного потребления

Пятый	1970–2010 гг.	Основной ресурс – атомная энергия Главная отрасль – электроника и микроэлектроника, информационные технологии, генная инженерия и пр. Драйвер – микроэлектронные компоненты Достижение уклада – индивидуализация производства и потребления Гуманитарное преимущество – глобализация, скорость связи и перемещения
Шестой (прогноз)	2010–2040 гг.	Основной ресурс – термоядерная энергия Главная отрасль – наноразмерные производства, новая медицина, инженерия живых тканей Драйвер – 3D-принтеры Достижение уклада – атомизация производства и потребления Гуманитарное преимущество – существенное увеличение качества и продолжительности жизни

Источник: составлено автором по [2,3,4].

На наш взгляд, данная классификация является преимущественно умозрительной. Например, эпоха массового производства начинается с 1930-х годов, что в общем справедливо для нашей страны и Старого света. Но если вспомнить о достижениях производства на заводах Г. Форда в 1910-е гг., то станет очевидно, что четвёртый технологический уклад был предвосхищён ещё за двадцать лет до его «эмбриональной» фазы развития. Вызывает ряд вопросов и прогностический потенциал данной концепции.

Так, все характерные черты нового шестого технологического уклада являются компиляцией практически готовых к коммерческой реализации инновационных продуктов, произведённых преимущественно на Западе. Отсюда концепция технологических укладов Глазьева-Львова является лишь отражением стратегии догоняющего развития.

И, наконец, третьим ответом на вопрос определения факторов технологического развития является теория технократического институционализма. Технократы, наиболее уважаемым и известным из которых является Д. Белл, в отличие от классиков, определяют инновации как драйвер общественно-экономического развития. Так, Белл выде-

ляет три эпохи в жизни человечества: аграрную, индустриальную и постиндустриальную (или технотронную в трактовке З. Бжезинского). Переход от одной эпохе к другой происходит посредством технологической революции. Все социальные изменения произойдут, только если на то сформируется достаточная технологическая база. Как рождаются инновации, Белл не поясняет, опять-таки, спираль технологических изменений, по мнению американского учёного, закручивается вне зависимости от участия сознательного действия человека. Определённая схематичность данного деления истории человечества заставила последователей Белла расширить число эпох и революций соответственно. В качестве примера приведём классификацию председателя Давосского форума К. Шваба (табл. 2)

Таблица 2

Технологические революции по классификации Клауса Шваба

№ п/п	Технологическая революция	Временной период	Двигатель революции
0	Аграрная	первая пол. XVIII в.	соединение силы животных и людей в целях обеспечения производства, транспортировки и коммуникации
1	Первая промышленная	1760-1840-е гг.	строительство железных дорог и изобретение парового двигателя, что способствовало развитию механического производства
2	Вторая промышленная	к. XIX – нач. XX вв.	возникновение массового производства благодаря распространению электричества и внедрению конвейера
3	Цифровая (компьютерная)	1960-е гг.	развитие полупроводников, использование больших ЭВМ
		1970-80-е гг.	персональные компьютеры
		1990-е гг.	сеть Интернет
4	Четвёртая	нач. XXI в.	«вездесущий» и мобильный Интернет, миниатюрные производственные устройства, искусственный интеллект и обучающиеся машины

Источник: составлено автором по [6].

Очевидно, что, не давая ответ на вопрос о том, как рождаются инновации, институционалисты ставят развитие человечества в зависимость от экзогенных факторов. Сама же теория представляет из себя попытку уйти от формационного деления истории и имеет преимущественно идеологическую природу. Как справедливо пишет советский учёный-обществовед Г.Х. Шахназаров, «с таким же успехом можно было разделить историю мира на долошадную, лошадную и постлошадную или доядерную, ядерную и термоядерную»[5, С. 47].

Разобрав три основных подхода к роли научно-технологического развития в формировании инновационной политики, мы подошли к единственно возможной на данный момент концепции. Ни одна из школ не приблизилась к ответу на вопрос о природе инноваций, а, следовательно, практически отсутствует и возможность для точного прогнозирования перспективных научных направлений будущего. Мы придерживаемся подхода классической школы, согласно которому именно общественно-экономические отношения определяют успешность тех или иных нововведений. Так, сегодня, в эпоху господства идеологии потребления инновации, улучшающие жизнь общества, намного отстают в своём развитии от индивидуальных. Проекты освоения ближнего внеземелья отложены на неопределённый срок.

Вывод. Происхождение инноваций достаточно неопределённо. Так, в истории были целые эпохи, когда отношение к любым переменам, в т.ч. и технологическим, было скорее негативным. Тем не менее, жажда изобретать и совершенствовать окружающий мир, сделать свой собственный быт лучше у человека неизбывна. Претворение этих открытий в жизнь, превращение новшеств в инновации целиком зависит от уровня развития общественных отношений, распространения промышленности, наличия динамично развивающихся рынков сбыта. Общественные приоритеты, которые задаются господствующим классом, в свою очередь определяют направление развития науки и техники.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Коровкин, П.* Как и почему люди изобретают / П. Коровкин // Знание – сила. – 1929. – №4 (40). – С. 99-100.
2. Мониторинг глобальных технологических трендов [Электронный ресурс]. / Сайт Института статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ – Режим доступа: <https://issek.hse.ru/trendletter/> (дата обращения: 01.05.2020).

3. *Рифкин Дж.* Третья промышленная революция. Как горизонтальные взаимодействия меняют энергетику, экономику и мир в целом. / Пер. с англ. – М.: Альпина, 2014. – 410 с.
4. *Тебекин, А.В.* Технологический уклад как основа социально- экономического развития общества: инновационные аспекты исследования / А.В. Тебекин // *Transport business in Russia*. – М., 2013. – №6. – С. 22-25.
5. *Шахназаров, Г.Х.* Фиаско футурологии: (Критический очерк немарксистских теорий общественного развития) / Г.Х. Шахназаров – М.: Политиздат, 1979. – 352 с.
6. *Шваб, К.* Четвёртая промышленная революция. / К. Шваб – М.: Эксмо, 2016. – 208 с.
7. *Шикман, А.П.* Обелиск в Александровском саду. Жизнь великих социалистов / А.П. Шикман – М.: Просвещение, 1990. – 224 с.

МАТЕРИЯ, ПРОСТРАНСТВО И ВРЕМЯ**MATTER, SPACE AND TIME**

*Викулин Дмитрий Вячеславович – аспирант,
г. Симферополь, Крымский федеральный университет
им. В.И. Вернадского, аспирант кафедры теоретической физики*

*Vikulin Dmity Vyacheslavovich – postgraduate student,
Simferopol, Crimean Federal V.I.Vernadsky University,
graduate student of the department of theoretical physics
E-mail: vikulindmity@mail.ru*

Аннотация. Рассмотрены и критически осмыслены современные представления о пространстве и времени. Показана субъективность понятия «время».

Abstract. The modern ideas about space and time are considered and critically comprehended. The subjectivity of the concept of “time” is shown.

Ключевые слова: пространство, материя, время.

Key words: space, matter, time.

Физический мир многогранен. С древних времен человечество пыталось объяснить наблюдаемые явления, дать исчерпывающую интерпретацию происходящему. С течением времени, с развитием общества развивались и представления об окружающем мире. Устаревшие мировоззрения уступали и сменялись более прогрессивным, отвечающим запросам исторических эпох.

Такие понятия, как пространство, время и материя являются основополагающими для науки. Во время расцвета классической физики пространство считали абсолютным, а время однородным [1, с. 11]. В своей работе Ньютон писал: «...время и пространство составляют как бы вместилища самих себя и всего существующего. Во времени все располагается в смысле порядка последовательности, в пространстве – в смысле порядка положения» [2, с. 32].

Пространство содержит в себе *материю* – все материальные тела. Вся материя исходно находится в *движении* – претерпевает бес-

конечные изменения своих форм и свойств. Понятие *время* является истинно субъективным, поскольку не существует объективно и не наблюдается как пространство. Действительно, в качестве единиц *времени* были выбраны такие движения, которые повторяются, являются циклическими. Следовательно, *материя* существует *в пространстве и в движении*, но не *в пространстве и времени*. Материя существует вне времени, её трансформация не есть следствие существования времени, но есть результат неумолимого и непрекращающегося движения, существующего вне зависимости от нашего восприятия.

В силу ограниченности человеческого мышления и опыта пространству и времени присвоены определенные ограничения и умоглядные свойства. Наше мышление не способно представлять и оперировать бесконечными величинами, т.к. все окружающие нас объекты и процессы обладают конечностью как в пространственной протяженности, так и во временной продолжительности. Именно это обстоятельство является предтечей существующих космологических теорий, предполагающих существование исходной точки давшей начало существующему миру.

Тем не менее, *ненаблюдаемость границ* нашего мира *не определяет его конечность*. Ведь с развитием технологий наблюдения становится возможным наблюдение все более удаленных объектов, а существующие объекты наблюдаются все с большей точностью. Также *конечная длительность всех известных объектов и явлений* не определяет конечность мироздания и существование исходной точки, давшей начало всему. Звезды вспыхивают и гаснут, планеты сгорают в пламени погибающих систем и рождаются вновь в образующихся туманностях, всё во Вселенной повторяется вновь и вновь, проходя путь от простейших форм в виде хаотично рассеянной материи в виде пыли и газов до сложно организованных звезд и планетных систем. Свойства известных нам вещей не могут быть обобщены на всю Вселенную. Более того, не существует ни одного однозначного убедительного довода в пользу конечности и недолговечности Вселенной. В настоящее время человечество располагает лишь небольшой частью знаний о мире. Вполне вероятно существование ныне неизвестных человечеству процессов трансформации энергии и материи во всех космических процессах, которые определяют вечность Вселенной, её неиссякаемость и неисчерпаемость.

Само пространство является неизменной, наиболее фундаментальной формой существования материи, упускаемое из рассмотрения. Из классической физики известно, что для распространения волновых процессов необходима материальная среда. Для электромагнитных волн такой материальной средой является пространство, что свиде-

тельствует об его материальности. Реликтовое излучение есть собственное возбуждение пространства. Материя есть высшие возбуждения пространства и взаимодействует через него.

В настоящее время сложились, возможно, ошибочные представления о пространстве и времени. Принято считать, что ход времени материальных объектов зависит от его скорости и наблюдателя, одновременность относительна, а материя, распределенная в пространстве, оказывает значительное влияние на пространство [3]. Все эти предположения первоначально были весьма плодотворны для науки, однако привели к множеству парадоксов и дальнейшему застою в науке.

Одним из известнейших парадоксов является «парадокс близнецов», проистекающий из общеизвестных преобразований Лоренца, в частности, из-за релятивистского замедления времени движущихся тел. В одной из формулировок данный парадокс заключается в разности хода часов брата-домоседа и брата-путешественника, приводящей к гипотетической встрече братьев разных возрастов. С точки зрения брата-домоседа (с собственным временем A) время путешественника (время B) на ракете замедляется ($A > B$). Однако, в полном согласии с основополагающим принципом относительности верно и обратное утверждение с точки зрения брата-путешественника ($B < A$). Единственно верный вывод из данного противоречия есть равенство A и B , т.е. время течет *однородно и равномерно*. Изменение частоты излучения движущихся объектов есть следствие эффекта Доплера, но не изменения собственного времени. Собственная частота сердцебиения путешественника не зависит от его скорости! Относительные движения звезд приводят к смещению спектров излучения вследствие известного эффекта Доплера, однако *собственные частоты излучения всех тел неизменны*. При локальном замедлении времени следует ожидать замедление всех физических процессов, в том числе электромагнитных, однако *это не наблюдается*, что ставит под сомнение истинность утверждения об относительности времени и подтверждает его однородность.

Современные взгляды на пространство вызывают не меньшее количество вопросов. Современное понимание гравитации сводится к геометрическому описанию 4-х мерного пространства-времени, где введена четвертая временная координата практически равносильная пространственным переменным. Однако, как можно понять появление новых свойств у пространства (кривизна, искривление) ввиду распределенной в нём материи при полном отсутствии предпосылок

в виде изначальных свойств? Не меньший скептицизм вызывает факт невыполнимости законов сохранения в рамках этой теории, ведь все законы сохранения экспериментально подтверждены и выполняются во всех физических системах.

Недавнее открытие гравитационных волн как “ряби” в ткани пространства-времени было тепло воспринято научным сообществом как очередной подтверждение правильности исходных предположений теории. Однако теоретическое предсказание таких волн основано на необоснованном предположении совпадения скоростей распространения света и гравитации. В то же время экспериментальные наблюдения [4] свидетельствует о чудовищном разрыве между этими скоростями: минимум в 10^{10} раз! Что же детектировали исследователи в 2015 году? [5]

Наблюдаемые расхождения между теорией и практикой оставляют плодотворную почву для рассуждений и переосмыслений. Поразительным является то, что порой несовместимые с реальностью теоретические предположения дали работоспособные теории, способные количественно описать наблюдаемые явления. В то же время отсутствует качественное понимание картины мира, почему то или иное явление протекает именно так, а не иначе? Современные теории перенасыщены маловразумительными формулами и умозрительными субъективными заключениями, не отвечающими на древний, но от того не менее важный вопрос: «почему?». Лишь отбросив косность, критически пересмотрев все известные факты и знания, человечество сможет совершить новый качественный прорыв в познании невероятно многогранной и прекрасной Вселенной.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Айзерман А.А.* Классическая механика / М.А. Айзерман. – М.: «Наука», 1980. – 368 с.
2. *Исаак Ньютон.* Математические начала натуральной философии / Перевод с латинского и комментарии А. Н. Крылова, предисловие Л. С. Полака. – М.: Наука, 1989. – 688 с.
3. *Мёллер К.* Теория относительности / Перевод с англ. под ред. Д. Иваненко. – М.: Атомиздат, 1975. – 400 с.
4. *Flandern T. V.* The speed of gravity – What the experiment say / Tom Van Flandern // *Physics Letters A* – 1998 – V.250 – P. 1-11. DOI: 10.1016/S0375-9601(98)00650-1
5. *B. P. Abbott (LIGO Scientific Collaboration and Virgo Collaboration) et al.* Observation of Gravitational Waves from a Binary Black Hole Merger // *Physical Review Letters*. – 2016. – Vol. 116, no. 6. DOI: 10.1103/PhysRevLett.116.061102

**ПЕРСПЕКТИВЫ КОСМИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ:
КРИЗИС ИДЕЙ ИЛИ ПРОРЫВ?****PROSPECTS OF SPACE RESEARCHES:
THE CRISIS OF IDEAS OR A BREAKTHROUGH?**

*Плотников Андрей Александрович – н. Научный,
Крымская Астрофизическая обсерватория, младший
научный сотрудник*

*Plotnikov Andrei Aleksandrovich – Nauchny, Crimean
Astrophysical Observatory, junior researcher
E-mail: plotnikov.andrey.alex@yandex.ru*

Аннотация. В данной работе рассмотрены современное состояние и перспективы астрономических наблюдений с помощью космических аппаратов, а также их влияние на методологию исследований.

Annotation. The work describes the modern condition and prospects of astronomical observations made by spacecraft, and their influence on the researches' methodology.

Ключевые слова: космические исследования, методология.

Keywords: space researches, methodology.

Чуть более 60 лет назад в космос был запущен первый искусственный спутник, что дало начало новой сфере астрономических исследований – наблюдениям с помощью космических инструментов. Фантастические произведения и прогнозы тех лет рисуют картины обширного освоения космоса и колонизации других планет к началу 21-го века. Реальность оказалась куда прозаичнее – к этому времени люди побывали только в рамках нескольких экспедиций на ближайшем космическом теле – Луне, и даже доставка людей на Международную космическую станцию до сих пор остается «штучным» мероприятием и влечет за собой значительные экономические затраты.

Современные космические телескопы фактически «стоят в авангарде» астрономических наблюдений. Они не страдают от атмосферных колебаний, для них не существует плохой погоды и смены дня и ночи, из-за чего наблюдения могут вестись непрерывно. Для некоторых диапазонов, к примеру, рентгеновских и гамма-лучей, такая

форма вообще является единственной возможностью прямых наблюдений (земная атмосфера поглощает высокоэнергичные частицы). Однако, несмотря на эти преимущества, значительные технические ограничения на данный момент не позволяют полностью заменить наземные телескопы орбитальными аналогами, и вряд ли ситуация принципиально улучшится в ближайшие десятилетия.

На самом деле межзвездные перелеты оказываются ощутимо ближе, чем это может казаться. В частности, проект звездолета «Дедал» предусматривал строительство космического корабля, способного за 50-100 лет добраться до какой-либо из ближайших к Солнцу звезд [1]. Аппарат базировался на уже известной концепции ядерных ракетных двигателей, что позволило бы создать подобный корабль «в металле» уже в пределах ближайших десятилетий. С другой стороны, строительство подобного звездолета потребовало бы чрезвычайного напряжения мировой экономики, что в текущем общечеловеческом мировоззрении вряд ли выглядит адекватным. Важно и другое – уровень познаний об окружающей Вселенной не стоит на месте, а активно повышается. Если к моменту обсуждения этого космического корабля (70-е годы прошлого века) существование планет, вращающихся вокруг других звезд (т.н. экзопланет), только предполагалось гипотетически, то на данный момент подтверждено существование уже нескольких тысяч. Вполне возможной была бы ситуация, что к моменту прибытия вышеупомянутого аппарата точка назначения стала бы уже малоинтересной для исследований.

Важно понимать, что современная наука активно базируется на теоретическом подходе. Особенно это касается астрономии, где набор непосредственно измеряемых величин весьма скуден из-за удаленности объектов. Разрешающая способность телескопов не позволяет разглядеть какие-либо детали звезды – она будет видна только в виде светящейся точки². Однако применение различных методов анализа данных позволяет оценивать в том числе и пространственные распределения величин на диске звезды. Разумеется, о достоверности этих оценок можно говорить, только «принимая на веру» существующие теории и физические концепции. Также и с упомянутыми выше экзопланетами: «подтверждено» в данном контексте означает именно «ведет себя так, как это ожидается от внесолнечной планеты в рамках существующих теорий».

² В недавнее время были получены изображения около десятка наиболее крупных звезд, но подобные наблюдения требуют применения современных оптических систем и выполнения крайне трудоемкой обработки. В любом случае, их количество незначительно по сравнению с общим числом наблюдаемых объектов.

С другой стороны, вопрос достоверности выводов, получаемых из анализа наблюдаемых данных значительно более глубок и может отсылать к работам Юма и Беркли: можно ли вообще считать какие-либо наблюдения достоверными? Думаю, подобные рассуждения выходят далеко за рамки данной работы.

Расширить диапазон получаемых данных и отчасти преодолеть описанные выше ограничения позволяют параллельно развиваемые *in situ* исследования. В прошлом были совершены высадки автоматических станций на Луну, ближайшие планеты – Марс и Венеру, спутник Сатурна Титан, несколько астероидов и комет. Аппараты осуществляли забор проб грунта, некоторые из них даже привезли этот груз на Землю. Недавно запущенные зонды «Паркер Солар Проуб» [2] и «Солар Орбитер» приблизятся к Солнцу на близкое расстояние, и фактически пролетят через внешние слои звезды, что также позволит получить уникальные данные о физике светила.

В случае астрономии играют заметную роль и гигантские размеры изучаемых тел. В отличие от многих других разделов наук, исследователям остается лишь наблюдать за свойствами и динамикой объектов, не имея практически никакой возможности повлиять на происходящее. В 2009 году была произведена «бомбардировка» Луны – со спутником было произведено управляемое столкновение двух космических аппаратов. Поднявшийся из-за взрыва столб грунта был проанализирован на наличие воды. Таким образом, можно сказать, что экспериментальный подход в небольшой мере доступен уже сейчас.

Дополнительное ограничение астрономических наблюдений в настоящем времени – большинство из них ведется из одной точки наблюдения. Даже аппарат «Вояджер-1», запущенный более 40 лет назад и недавно вышедший за пределы Солнечной системы, находится еще очень близко к Земле в сравнении с расстояниями до ближайших звезд. Однако в случае с исследованиями более близких тел ситуация намного лучше. Например, программа «СТЕРЕО» заключается в выводе двух космических аппаратов, движущихся по орбите, близкой к Земной, но с некоторым опережением и отставанием. Это позволило наблюдать Солнце с различных точек обзора и исследовать долговременную динамику образований на поверхности звезды.

Нельзя забывать о том, что космические аппараты не появляются «сами собой». Исследования космоса на сегодняшний день являются чрезвычайно дорогим мероприятием, и нередко программы требуют кооперации научных бюджетов сразу нескольких стран. Уместные объемы финансирования подобных задач могут являться темой ши-

роких социально-политических дискуссий, но очевидно, что условия для ведения страной современных научных исследований должны содержать в себе как крепкую экономику, так и устойчивую систему образования вместе с благоприятными социальными факторами. Важно понимать, что фундаментальная наука не может принести экономической выгоды «здесь и сейчас», практическая польза от результатов исследований может проявиться и через весьма значительное время. С другой стороны, создание перспективных и амбициозных проектов даст значительный импульс для повышения производственно-технических компетенций.

В заключение хотелось бы рассмотреть вопрос, вынесенный в заголовок данной работы. Как было показано выше, космические исследования не только улучшают качество астрономических наблюдений, но и открывают для них принципиально новые возможности, могут качественно изменять подход к получению данных. Можно ли считать это прорывом? Думаю, это уместнее было бы назвать «уверенным и устойчивым ростом в количестве и качестве», что, однако, никак не умаляет вклад подобных программ. Можно ли говорить о кризисе идей? Вряд ли. В наше время регулярно запускаются аппараты, совершающие принципиально новые виды исследований, в результате совершаются новые открытия. Ограничениями в данном случае выступают скорее технические и экономические факторы.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Сурдин В.*: От звезды к звезде / Наука и жизнь 5.2004
2. Fox N.: Parker Solar Probe: A NASA Mission to Touch the Sun / EGU2018, p. 10345

УДК 316.6

ЗДОРОВЬЕ КАК ЛИЧНОСТНАЯ ЦЕННОСТЬ

HEALTH AS A PERSONAL VALUE

Долгополова Виктория Александровна
аспирант факультета психологии Крымского федер-
ального университета имени В.И. Вернадского
Dolgopolova Victoria Alexandrovna
postgraduate student of faculty of psychology, Simferopol,
Crimean Federal V.I. Vernadsky University
E-mail: dolgopolova.viktoria@yandex.ua

Аннотация. В статье рассматриваются такие аспекты, как образ здоровья, его место в системе личного знания, восприятие и оценка своего здоровья. Особое внимание уделяется анализу влияния культуры на отношение к здоровью.

Abstract. The article considers such aspects as the image of health, its place in the system of personal knowledge, perception and assessment of one's health. Special attention is paid to the analysis of the influence of culture on the attitude to health.

Ключевые слова: здоровье, образ здоровья, отношение к здоровью, личностное знание, паттерны культуры.

Key words: health, image of health, attitude to health, personal knowledge, cultural patterns.

Проблемы, связанные со здоровьем, являются наиболее актуальными проблемами современного общества. Понимание природы здоровья и причин его утраты, истолкование способов его сохранения и укрепления – эти темы во все времена были предметом интереса не только врачей, психологов, но и философов, обращавшихся к антропологической проблематике. В центре нашего внимания находится отношение индивида к собственному здоровью, поэтому целесообразно рассматривать соответствующий спектр его представлений как компонент личного знания, который включает в себя два уровня – неявный и явный.

Любое неявное личностное знание, по мнению британского философа М. Полани, находится «на периферии», а не «в фокусе» сознания,

и выступает как «личностный коэффициент», который определяет особенности восприятия человеком своих бытийных возможностей. Основой формирования рассматриваемого компонента неявного личностного знания являются interoцептивные ощущения. Можно предположить, что совокупность таких чувств выступает в качестве одной из важнейших основ благополучия. [4, с. 96]

Изменения, происходящие на уровне «телесного самосознания», находятся в центре внимания, если они беспокоят человека, если он испытывает боль или недомогание вместо обычного ощущения полной силы и ясности мысли. С одной стороны, многие серьезные заболевания в течение длительного времени не сопровождаются симптомами, на которые человек может обратить внимание и обратиться к врачу, что вызывает задержку в диагностике и лечении. С другой стороны, невротические заболевания могут сопровождаться соматическими симптомами, которые не связаны с органической или физиологической патологией. Однако изменения в interoцептивных чувствах, которые касаются человека, обычно стимулируют актуализацию внимания к состоянию здоровья. В этом процессе важны как сенсорное восприятие, так и рациональное мышление, а также догадки, страхи и надежды. Однако при попытке рационализировать interoцептивные ощущения оказывается, что они довольно слабо поддаются рефлексии и вербализации. Моя «боль» и моя «слабость» – это как раз мои чувства, и чтобы говорить о них, человек должен прибегнуть к языку метафор. [5, с. 39–61].

Способность «посмотреть на себя со стороны» оказывает большое влияние на формирование «образа телесного я» и Я-концепции. Ее составляющей могут считаться осмысленные, рационализированные представления человека о состоянии собственного здоровья. Совокупность таких представлений можно назвать «личностным образом здоровья». Обратим внимание на динамичность этого образа, который обязательно меняется в процессе жизни, что предполагает интенсификацию рефлексивных размышлений, актуализацию и переосмысление ранее приобретенных знаний.

Осуществление этих когнитивных операций обязательно требует от человека обращения к соответствующим паттернам культуры. Анализируя этот процесс, уместно обратиться к идеям Х. Плеснера и введенным им «антропологическим законам», особенно «закону опосредованной непосредственности». Таким образом, восприятие человеком окружающего мира, других людей и его самого опосредовано через систему культурных установок. Фактически информация, нормы и идеалы, приобретенные в процессе социализации, становятся фоновыми знаниями, которые во многом определяют личную картину мира, в том числе и понятие здоровья. [3, с. 255–266]

Представления о себе, своих телесных и психических качествах, а также о том, можно ли оценивать себя как здорового человека, во многом определяются дискурсами, характерными для данной культуры и передаваемыми большинством ее носителей. Иными словами, любая информация, касающаяся нашего здоровья, интерпретируется на основе дискурсов и ценностей современной культуры. В то же время «личный образ здоровья» соотносится с культурными паттернами, прежде всего с «образом здоровья культуры повседневно-сти» и в некоторой степени с «концепциями здоровья». Это довольно сложный процесс. На него существенно влияют характеристики самого человека – его предпочтения и предубеждения, диапазон знаний и ценностей.

Влияние культурных ценностей на восприятие здоровья связано с отношением не только к психологическим, но и к физическим характеристикам человека. В этом контексте отметим, что реализация стремления к достижению определенного аксиологически значимого стандарта телесности приводит к тому, что внешний облик тела и проявления телесных функций приобретают статус исторически изменяющихся ценностей. По мнению А. Лоуэра, ощущение собственного несоответствия таким ценностям может вызвать как невроз, так и патологические соматические изменения. [1, с. 67–86]

Человек стремится к определенным достижениям, в современном обществе это предполагает получение хорошего образования, престижной и высокооплачиваемой работы, которая дает возможность профессиональной самореализации. Он хочет быть привлекательным, создать счастливую семью. Здоровье, конечно, не единственное, но важное условие, способствующее достижению таких целей. Другими словами, ценность здоровья в рассматриваемом аспекте определяется тем фактом, что он является фактором приобретения других ценностей, которые более важны на данном этапе жизни. В то же время личное знание о здоровье становится неявным, переходит на «периферию» сознания, поэтому, по сути, здоровье воспринимается как данность, а его ценность находится «в тени» других ценностей. Человек, пока он здоров, чаще всего не дорожит своим здоровьем, оно кажется бесконечным, как сама жизнь.

Дальнейший анализ проблемы выявляет онтогносеологические основы аксиологического отношения к здоровью. Очевидно, что состояние психосоматического здоровья влияет на характер жизни человека и эффективность его познавательной деятельности. Для анализа этого процесса важен феноменологический подход, интерпретируемый

М. Мерло-Понти. По мнению французского философа, реальность для человека – это «мир видимого» и в то же время «мир моторных проектов». Именно восприятие и телесные движения в силу своей интенциональности позволяют человеку выделять внешние объекты из окружающей среды, то есть наделять их бытием. Итак, получается, что «тело есть то, что сообщает миру бытие». Сознание в этом подходе проявляется не как «я думаю», а как «я могу», и оценивается как «бытие по отношению к вещи при посредстве тела». [2, с. 186]

Таким образом, отношение к здоровью как к ценности базируется на социокультурных, онтогносеологических основаниях. В сознании человека формируется «личный образ здоровья», который в процессе жизни и изменения состояния здоровья переосмысливается, соотносится с «образом здоровья культуры повседневности» и с научными представлениями о здоровье. Современная культура оказывает фундаментальное и неоднозначное влияние на восприятие, оценку и динамику здоровья.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лоуэн А. Предательство тела/ А. Лоуэн. – Екб.: Деловая книга, 1999.–327с.
2. Мерло-Понти М. Феноменология восприятия/ М. Мерло-Понти. – СПб.: Ювента, Наука, 1999. – 606 с.
3. Плеснер Х. Ступени органического и человек: Введение в философскую антропологию/ Х. Плеснер. – М.: РОССПЭН, 2004. – 368 с.
4. Полани М. Личностное знание. На пути к посткритической философии/ М. Полани. – М.: Прогресс, 1985. – 344 с.
5. Тхостов А.Ш. Психология телесности/ А.Ш. Тхостов. – М.: Смысл, 2002. – 287с.

**«ЗАКОН СОХРАНЕНИЯ РИСКОВ» В ПРЕДМЕТНОЙ
ОБЛАСТИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ПОПУЛЯЦИИ****«RISKS MANAGEMENT LAW»
IN THE HUMAN POPULATION**

Петренко Виталина Игоревна – соискатель кафедры общей и клинической патофизиологии, Медицинская академия им. С.И. Георгиевского (структурное подразделение) Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, г. Симферополь; ординатор по специальности «эндокринология», Национальный медицинский исследовательский центр имени В.А. Алмазова, г. Санкт-Петербург, E-mail: petrenko-vitalina@mail.ru

Petrenko Vitalina Igorevna – PhD Applicant of the General and Clinacal Pathophysiology Department, Medical Academy named after S. I. Georgievsky (structural unit) V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol; endocrinology resident, Almazov National Medical Research Center, Saint-Petersburg, E-mail: petrenko-vitalina@mail.ru

Аннотация: Согласно описанной М. Делягиным концепции «закона сохранения рисков», «массовое снижение индивидуальных рисков участников системы повышает ее общесистемные риски», что особенно актуально в аспекте пандемии новой коронавирусной инфекции – COVID-19. Воздействуя на иммунную систему индивида, мы подвергаем большему риску заражения всю человеческую популяцию.

Abstract: According to M. Delyagin’s concept of risks management law, “a massive reduction in the individual risks of system participants increases its system-wide risks”, which is especially important in concerning of new coronavirus infection pandemic – COVID-19. By acting on the immune system of individuals, we expose a greater risk of infection to the whole human population.

Ключевые слова: закон сохранения рисков, пандемия, COVID-19, иммунитет.

Key words: risks management law, pandemic, COVID-19, immunity.

Впервые понятие «закон сохранения рисков» было применено в 2016 г. известным российским экономистом М.Делягиным в качестве новой концепции, которая во многом объясняет формирование предпосылок к развитию глобального кризиса человечества в разных сферах жизни. Суть данного закона основывается на эмпирическом наблюдении и построении некоей закономерности: «при минимизации рисков индивидуальных элементов общественной системы совокупный объем рисков не уменьшается; риски не исчезают, а возгоняются на общесистемный уровень и разрушают систему» [1]. Автор предполагает, что это происходит из-за отсутствия адаптации элементов к новым условиям, что нивелирует механизмы изменчивости системы в целом, которая так важна в рамках эволюции. Данная закономерность прослеживается практически во всех сферах человеческой жизни: экономике, педагогике, медицине. Так, постепенное улучшение системы здравоохранения приводит к тому, что все больше повышается продолжительность и качество жизни людей, которые имеют ранее неизлечимые болезни: туберкулез, инсульт, инфаркт, пороки сердца, пневмония, гепатиты, онкологические заболевания, что приводит к ухудшению генетического материала и естественной резистентности человечества, существенно повышая глобальные риски в будущих поколениях за счет существенного снижения индивидуальных рисков на предыдущем уровне системы. Например, по данным Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) к 2030 ежегодное число случаев заболеваемости раком будет равно 27 млн, а смертность достигнет 17 млн. Одной из причин такой ситуации является увеличение продолжительности жизни населения из-за улучшения медицинских технологий и повышения качества оказания медицинской помощи тем людям, которые генетически являются носителями определенной патологии.

Ухудшение генетического материала проявляется, в том числе, и в появлении новых заболеваний, часто вирусной природы, трудно поддающихся точной диагностике и лечению, быстро распространяющихся и приобретающих характер пандемии – «птичий» грипп, «свиной» грипп, вирус Эбола, не говоря об всем известном ВИЧ.

Весьма распространено мнение, в том числе и в медицинской среде, что для борьбы со всеми недугами необходимо «укреплять» и «повышать» иммунитет. Все большую популярность обретает прием иммуномодулирующих препаратов, биологически активных добавок и других средств для повышения иммунного ответа, с учетом того, что «повышение» иммунитета – это хорошо, но это не всегда так. Избыточная активация иммунитета приводит к тому, что иммунная система начинает отвечать на привычные лиганды чрезмерным ответом – например, у многих возникают аллергические реакции, которых

раньше не было, или утяжеляется течение имеющихся атопического дерматита, псориаза, бронхиальной астмы. Более того, длительная гиперактивация иммунитета может сыграть ключевую роль в появлении или значительном утяжелении течения аутоиммунных заболеваний, когда организм начинает разрушать собственные клетки с помощью Т-клеточного или антительного механизма – например, ревматоидный артрит, системная красная волчанка, склеродермия. Все эти заболевания имеют в основе своего патогенеза гиперактивацию элементов иммунной системы, и зачастую их лечением является, наоборот, иммуносупрессия с помощью глюкокортикоидных или цитостатических препаратов. И многие другие неиммунные заболевания – сахарный диабет 2 типа, метаболический синдром, которые очень распространены на сегодняшний день среди населения всех стран мира (в особенности, индустриально развитые страны), сопровождаются избыточной активацией рецепторов иммунного контроля (толл-подобные рецепторы 4 и 2 типа – TLR 4, 2), что требует поиска препаратов, которые могли бы «мягко» нивелировать системную субклиническую воспалительную реакцию с сохранением способности адекватного иммунного ответа организма на другие агенты, в том числе инфекционные.

Новым вызовом для человечества стала пандемия новой коронавирусной инфекции – COVID-19, которая показала максимальную неготовность мирового сообщества, систем здравоохранения и экономики даже самых развитых государств мира. По состоянию на 28 мая 2020 года в мире насчитывается 5 802 937 инфицированных, из них 379 051 случаев в России. Смертность от коронавируса COVID-19 на данный момент составляет 6,1% [2].

Известно, что в основе патогенеза COVID-19 также лежит гиперактивация рецепторов иммунного контроля – TLR 4,2 [3] с запуском сигнальных внутриклеточных воспалительных путей и мощным выбросом провоспалительных цитокинов, что получило название «цитокинового шторма». В связи с этими препаратами первой линии лечения стали именно цитостатики, которые обладают иммуносупрессивным эффектом и применяются в основном при системных заболеваниях соединительной ткани – та же системная красная волчанка, склеродермия и т.д.,. И опять таки, люди с компрометированной иммунной системой из-за предварительных «курсов повышения» иммунитета более подвержены тяжелому течению инфекционного процесса с развитием системной воспалительной реакции, что сопряжено с риском тромбоэмболий и высоким процентом летальности.

Наблюдая за различными стратегиями разных государств по борьбе с COVID-19, можно заметить, что большинство стран пошло по пути минимизации рисков на персональном уровне – оказание медицинской помощи конкретным людям в случае заражения инфекцией, а для основной массы населения были введены ограничительные меры с целью избежания массового заражения. В то же время Швеция пошла по пути выработки коллективного иммунитета, отказавшись вводить карантин и режим самоизоляции с сохранением рабочего режима школ, детских садов и организаций.

Коллективный иммунитет (популяционный иммунитет, «иммунитет толпы») – эпидемиологическое понятие, суть которого заключается в формировании устойчивости к инфекции в некой популяции, определенный процент которой имеет иммунитет к этой инфекции [4]. Вследствие ослабления прямой передачи возбудителя от человека к человеку из-за наличия антител популяционный иммунитет косвенно защищает уязвимых к данному возбудителю людей [5].

Ключевым условием выработки коллективного иммунитета является появление «иммунной прослойки» в популяции, которая состоит из переболевших и вакцинированных людей, а также лиц, иммунизированных естественной циркуляцией возбудителя инфекции в среде. Длительное сохранение коллективного иммунитета обеспечивает иммунологическая память, которая обеспечивается клеточным и гуморальным звеном иммунитета и имеет разную длительность в зависимости от антигена и реактивности организма человека. Однако эффективность популяционного иммунитета снижается при высоком уровне генетической изменчивости возбудителя, отказах от вакцинации, короткой иммунологической памяти [6].

Уровень достигаемого с помощью вакцинации популяционного иммунитета, который может стать достаточным для уменьшения или полного прерывания распространения болезни, зависит от особенностей передачи конкретной инфекции (высокая или низкая контагиозность, длительность инкубационного периода и т.п.), от процента вакцинированных в определенной возрастной категории или среди всего населения. Причем, для каждого возбудителя и для каждой национальности этот процент разнится, что связано с генетическими отличиями, восприимчивостью и способностью к выработке антител. Для кори, например, для полной ликвидации заболеваемости этот процент оценивается в среднем как превышающий 95%, для снижения смертности – выше 90% на национальном уровне и 80% в каждом районе страны [7].

Ярким примером в пользу поддержания возможности выработки коллективного иммунитета в условиях COVID-19 стал доклад губернатора штата Нью-Йорк Эндрю Куомо в конце апреля 2020 г. на

пресс-конференции. В результате обследования на новую коронавирусную инфекцию 1,3 тыс случайных посетителей продуктовых магазинов и универмагов Нью-Йорка в течение 2-х дней у 21% обследуемых были обнаружены антитела [8]. Конечно, трудно судить о реальном проценте естественным образом иммунизированных людей в масштабах всего города и тем более страны, поскольку малая выборка тестируемых и низкая репрезентативность данных не позволяют считать эти данные абсолютно объективными.

В Швеции провели аналогичное исследование но, вопреки ожиданиям правительства, в конце апреля антитела к новой коронавирусной инфекции были обнаружены лишь у 7,3% жителей Стокгольма, что в 4 раза меньше ожидаемого показателя. Согласно данным последних исследований, минимальный процент иммунизированных людей для выработки коллективного иммунитета в Швеции должен составлять 70,9% [9], то есть как минимум еще десятикратная часть населения, помимо переболевших, должна быть вакцинирована, чтоб достичь этого показателя. При этом смертность в Швеции от COVID-19 оказалась самой высокой среди соседних стран – 376 на 1 млн. жителей, что в 4-8 раз выше, чем в соседних странах, где были введены строгие ограничения. Более того, по данным статистики Our World in Data, за неделю с 23 по 29 мая 2020 года Швеция опередила все страны мира по числу смертности от COVID-19: средний показатель количества летальных исходов на миллион населения за этот период достиг 5,59. Этот показатель выше, чем в любой другой стране мира и в 11 раз превышает среднемировой показатель, который равен 0,49. При этом пользы экономике мягкий вариант карантина не принес: по расчетам специалистов, ВВП Швеции в 2020 году сократится так же сильно, как и в странах, которые ввели жесткий карантин – от 6% до 10,4%. Однако, многие эпидемиологи и вирусологи страны заявляют, что благодаря таким мерам, Швеция сможет избежать второй волны коронавирусной инфекции, которая ожидает большинство других стран мира.

Насколько оправданным является ожидание формирования коллективного иммунитета при COVID-19? Известно, что иммунологическая память при коронавирусной инфекции существует, как минимум, за счет перекрестной реактивности антител у людей, перенесших другую коронавирусную инфекцию – SARS-CoV, или атипичную пневмонию [10], которые обладают одинаковыми эпитопами S-белка, играющего роль в проникновении вируса в клетку. Это отчасти может стать объяснением, почему некоторые люди переносят COVID-19 в легких или вообще бессимптомных формах [11]. Насколько длительным будет

этот эффект никто не знает, но наличие совместного эпитопа может обеспечивать некую уверенность в том, что в случае мутации вируса эти антитела не утратят своей актуальности.

Учитывая, что коэффициент летальности может составлять от 0,25 до 5,0% от населения страны [12], предполагаемое количество людей, которое может умереть от COVID-19, может значительно возрасти к тому времени, как население достигнет минимального процента для достижения коллективного иммунитета с помощью приобретения активной устойчивости в результате перенесенного заболевания.

Проанализированные данные позволяют сделать вывод, что воздействие на иммунитет отдельно взятого человека не является эффективным способом борьбы с новой коронавирусной инфекцией, а даже подвергает большему риску всю человеческую популяцию – волновое течение пандемии, повышение уязвимости населения к новым мутировавшим вирусам и т.д. Формирование коллективного иммунитета в качестве альтернативного варианта борьбы с COVID-19 возможно только за счет комбинации активной устойчивости переболевших и пассивного иммунитета, полученного путем вакцинации.

Возвращаясь к закону М. Делягина, мы видим, что минимизация частных рисков в аспекте новой коронавирусной инфекции, на которую направлена политика большинства стран для того, чтобы предупредить перегрузку здравоохранения, приводит к тому, что пандемия COVID-19 затягивается на неопределенное время. Если бы эти риски не были бы минимизированы первоначально, то, с одной стороны, это конечно, вызвало бы большую вспышку заболеваемости за короткий промежуток времени; возможно, большую перегрузку системы здравоохранения, большой процент летальности; но, с другой стороны, это дало бы возможность получить больший процент иммунизированных людей в общей популяции, что позволило бы предотвратить вторую волну пандемии. Последствия такой политики «минимизации частных рисков» наблюдаются в виде большого ущерба экономике, малого и среднего бизнеса, что приводит к нарастанию социального напряжения – большинство людей в условиях карантина находятся в скудном денежном положении, из-за этого возникает хронический стресс и депрессия, социальное возмущение и протесты (яркий пример – множество протестов в США в начале июня 2020 года).

Все это может привести к новому мировому кризису, и чтоб его предотвратить, нужна новая парадигма, которая бы включала новый подход в политике, экономике, медицине и других сферах жизни – например, в аспекте COVID-19 стоит попытаться уйти от мер минимизации частных рисков к выработке коллективного иммунитета путем естественной и пассивной иммунизации (вакцинации), также провести пересмотр

классических подходов к «активации» или «повышения» иммунитета на поиск новых терапевтических средств, способных сохранять адекватный иммунный ответ.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Делягин М.* Новая Россия. Какое будущее нам предстоит построить – СПб, ПИТЕР, 2016. – 320 С.
2. *Chen, Y., Liu, Q., & Guo, D.* Emerging coronaviruses: Genome structure, replication, and pathogenesis // *Journal of Medical Virology*, 2020. – 92(4). <https://doi.org/10.1002/jmv.25681>
3. *John Foley.* Inflamed by TLR4 internalization // *Science*. – 2020 : 1438–1440.
4. Англо-русский глоссарий основных терминов по вакцинологии и иммунизации (рус.). – Всемирная организация здравоохранения, 2009. – 107 с.
5. *Gordis, L.* *Epidemiology*. – Elsevier Health Sciences, 2013. – С. 26–27. – ISBN 9781455742516.
6. *Медуницын Н.В., Олещук Ю. В., Меркулов В. А., Бондарев В. П.* Персональный и коллективный иммунитет при вакцинации // *Профилактика, диагностика, лечение*, 2016. – Т.16 (4). – С. 195–207.
7. Коровые вакцины: документ по позиции ВОЗ. ВОЗ (23 сентября 2009). Дата обращения 29 марта 2019.
8. *Thornéus E.* Flockimmunitet är en farlig och orealistisk coronastrategi // *Dagens Nyheter*. Publicerad: tor 14 Maj 2020.
9. *Kwok K. et al.* Herd immunity – estimating the level required to halt the COVID-19 epidemics in affected countries // *J Infect*. – 2020. – 80(6). – P. e32-e33. doi:10.1016/j.jinf.2020.03.027
10. *Meyer B., Drosten C., Müller M.A.* Serological assays for emerging coronaviruses: challenges and pitfalls. *Virus Res*. 2014;194:175–183.
11. *Hu Z., Song C., Xu C.* Clinical characteristics of 24 asymptomatic infections with COVID-19 screened among close contacts in Nanjing, China. *Sci China Life Sci*. 2020.
12. *Wilson N., Kvalsvig A., Barnard L.T., Baker M.G.* Case-Fatality risk estimates for COVID-19 calculated by using a lag time for fatality. *Emerg Infect Dis*. 2020;26(6)

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВАКЦИНАЦИИ

THE SOCIAL ISSUES OF VACCINATION

Терентьев Вячеслав Александрович – г. Симферополь, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Медицинская академия им. С. И. Георгиевского, аспирант кафедры пропаедевтики педиатрии, врач-инфекционист, врач-педиатр

Terentiev Viacheslav Aleksandrovich – Simferopol, Crimean Federal V. I. Vernadskiy University, postgraduate student of the Department of Propaedeutics of Pediatrics, an infectious disease specialist, pediatrician
E-mail: electronsch19@mail.ru

Аннотация. Медицинская тематика является одной из популярных для дискуссий, и в ней одно из первых мест занимает вопрос вакцинации. Многие учёные считают вакцинацию одним из величайших достижений медицины, в то же время всё больше и больше распространяются идеи отказа от прививок. В данном эссе представлена попытка разобраться в причинах данного явления.

Abstract. Medical thematic is one of the most popular for discussion, and questions about vaccination are leading among other ones. Many scientists consider vaccination to be one of the greatest medical achievements, but at the same time, the vaccination hesitancy is spreading widely. In this essay we try to analyze the reasons of it.

Ключевые слова: прививки, вакцинация, отказ от вакцинации

Key words: vaccines, vaccination, vaccination hesitancy

Медицинская тематика является одной из популярных для дискуссий, и в ней одно из первых мест занимает вопрос вакцинации. Многие учёные считают вакцинацию одним из величайших достижений медицины, в то же время всё больше и больше распространяются идеи отказа от прививок [1, 2, 3, 4]. В чём же причина? Ниже представлена попытка разобраться в данном вопросе, рассмотрены основные факторы, подталкивающие людей к подобным решениям.

Итак, рассмотрим эти факторы.

1. Теоретический вред от вакцинации и сомнительная польза. Здесь всё достаточно сложно. Принцип «grimum non posege» является идеализированным. Любое медицинское вмешательство несет

в себе определённые, часто непредсказуемые риски. Безопасных на 100% вакцин не существует, однако, как и в случае с любым другим медицинским вмешательством, существует понятие соотношения потенциальных пользы и вреда. Тем не менее, польза прививок вне эпидемии или вспышки инфекционных заболеваний не является очевидной, и для неспециалиста кажется равной нулю (а некоторыми активистами и идеологами отказа от вакцинации отрицается вовсе). В то же время перечень возможных негативных последствий доступен не только на антипрививочных форумах, но и в официальных инструкциях к любой из вакцин[5]; если суммировать эти два факта, то неподготовленному, но заинтересованному в вопросе человеку рисуется ужасающая картина: нечто как будто бесполезное, но потенциально вредное вводится в организм ребёнка! Даже те, кто верит в несомненную пользу вакцинации, зная и про её потенциальный вред, начинают задумываться[6]. Для того, чтобы развеять свои страхи, они обращаются к своему верному помощнику – Интернету. Но тут подстерегает опасность – «всемирная паутина» просто кишит антипрививочными сайтами, которые самозабвенно рассказывают про вред прививок и содержащиеся в них страшные субстанции (а опровержение этих «фактов» нужно ещё поискать)[1, 3, 4, 7, 8].

2. Своеобразная документация. В бланках информированного согласия во многих странах родители должны отказаться от претензий в случае развития неблагоприятных последствий и взять ответственность на себя. Многих это пугает и/или отталкивает.

3. Религиозные запреты. Чаще всего причиной их служит неосведомлённость отдельных религиозных лидеров в вопросах вакцинации. Несмотря на то, что ведущие христианские, мусульманские и иные религиозные деятели призывают людей вакцинироваться [9] и называют саму вакцинацию богоугодным делом, всегда найдутся отдельные священнослужители, которые будут пропагандировать своей пастве идеи отказа от вакцинации. В этом случае всё решает вопрос веры: даже потенциально осведомлённый в вопросе, но религиозный человек будет выполнять призывы из проповедей религиозного авторитета, а не указания чиновников и практикующих врачей.

4. Нарушение естественного отбора. Без вакцинации многие люди погибли бы, не оставив потомства. Действительно, современная медицина благодаря многим успехам (не только вакцинации) закладывает поистине бомбу замедленного действия будущим поколениям, с точки зрения генетики. Однако же, насколько этичны подобные эвгенические рассуждения?

И есть ли смысл рассуждать о «завтрашней бомбе» и прекращать вакцинацию, если мы не сможем выжить сегодня?

5. Некоторые, справедливо полагая, что нам ещё далеко не всё известно о работе иммунитета, делают вывод, что пока мы не выясним «всё-всё-всё», в работу иммунной системы лезть не стоит, чтобы не оказаться в ситуации «учеников чародея». Здесь возникает два встречных вопроса:

1) Как мы, лишь теоретизируя, изучим иммунитет? На животных? Но не все данные, полученные на животных, можно перенести на людей. К тому же, возникнет много этических вопросов относительно самих экспериментов на животных. На компьютерах? Но для создания качественной «картинки» для моделирования мы нуждаемся в реальных данных, иначе «картинка» будет похожа больше на карикатуру или рисунок ребёнка.

2) Имеем ли мы право ждать столько времени и обрекать на смерть миллионы людей, достоверно зная, что метод эффективен, но не полностью понимая отдельные аспекты в работе иммунной системы? Почему-то думается, что если бы аналогичным образом рассуждали древние люди, то они бы недалеко ушли в своём развитии. Наши пращуры, не зная физики, химии, гистологии с физиологией, тем не менее, успешно пользовались копьями, стрелами, огнём и умели лечить переломы, и многое другое, благодаря чему современный человек стал тем, кто он есть.

6. Часты опасения, что вместе с вакциной может быть введена посторонняя инфекция. Такие случаи действительно имели место в прошлом, однако на современном этапе развития диагностических возможностей такое практически исключено.

7. Некоторые полагают, что, вводя вакцину, мы «отвлекаем» и ослабляем иммунитет, неверно «выставляя приоритеты» организму, и таким образом вызываем склонность к более частым заболеваниям, вследствие некой «поствакцинальной иммуносупрессии». Однако организм ежедневно встречается с огромным количеством антигенов, что никоим образом не мешает работе иммунной системы, термин же «поствакцинальная иммуносупрессия» встречается преимущественно в явных или скрытых антипрививочных источниках. На самом деле, некоторое угнетение ряда иммунных механизмов возможно при применении определённых вакцин (например, противокоревой), однако оно незначительно и не идёт ни в какое сравнение с таковым при заболевании, для защиты от которого предназначена данная вакцина.

Вопреки распространённому мнению, принципиальные отказы от вакцинации гораздо больше распространены в развитых странах, нежели в развивающихся [10], и их количество значительно увеличи-

лось среди людей с высоким уровнем достатка и образовательного ценза [11]. Во многих регионах, в том числе в нашей стране, идейных «отказников» гораздо реже можно увидеть в неблагополучных, откровенно асоциальных, чем в т.н. «нормальных» семьях или среди «элиты». Исключения бывают, но они лишь подтверждают правило.

Причин этому может быть несколько:

1. Большая доступность разнообразной информации, в т.ч. негативной, в СМИ. В слаборазвитых странах населению зачастую недоступны Интернет, телевидение, даже книги и газеты, и во многих случаях у людей нет даже времени заниматься этим вопросом из-за постоянного поиска средств к существованию. К этому надо добавить, что проблема неграмотности по-прежнему является актуальной.

2. Неосведомлённость о возможных последствиях отказа от вакцинации. В развивающихся странах тот же столбняк не является чем-то из ряда вон выходящим; в развитых же странах, как уже указывалось выше, польза от вакцинации и вред в случае отказа – неочевидны.

3. Возможность относительно обеспеченных и образованных людей критически мыслить, пытаться просчитать все последствия любого из поступков, в т.ч. принятия решения о вакцинации.

4. Повышенная социальная ответственность «нормальных» членов общества, старающихся всегда предупредить своих сограждан об опасности.

5. В развитых странах среди асоциальных семей имеется страх привлечь к себе дополнительное внимание социальных служб (мотивы опасаться такого внимания могут быть разными).

Представляется очевидным, что при сложении этих факторов в развитых странах среди образованного и относительно обеспеченного населения создаётся ситуация «горе от ума». Добавляет «горя» и то, что рассуждать на тему вакцинации начинают все, кто имеет способность, время и желание обсуждать данный вопрос. В большинстве случаев это совсем не профильные специалисты (и даже не врачи, и даже вовсе люди без какого-либо медицинского образования). Однако без специальных знаний трудно рассуждать о чём-либо в любой из сфер деятельности.

Очевидно то, что любой человек имеет право рассуждать о медицине в целом и прививках в частности, однако в случае, когда речь идёт о безопасности собственных детей и окружающих людей (последнее – вследствие наличия явления коллективного иммунитета), представляется неверным существующий подход к принятию решения о вакцинации.

К сожалению, во многих странах отказавшийся от вакцинации человек никоим образом не отвечает за возможные негативные последствия такого решения, что связано с существующим законодательством в плане добровольности проведения медицинских вмешательств, где, в случае с вакцинацией, не учитывается нарушение прав третьих лиц (детей «отказников» и окружающих). В некоторых странах против отказывающихся вакцинировать себя и/или своих детей введены разного рода ограничительные, в т.ч. штрафные, санкции, однако любое действие рождает и противодействие, и подобные санкции – не исключение. В то же время подобная ситуация не является уникальной для вакцинации и характерна для многих превентивных мер. Типичный пример – принципиальное неиспользование ремней безопасности в автомобиле вкупе с распространением советов об уходе от штрафов за это и распространение специальных заглушек для обхода систем безопасности самого автомобиля.

Таким образом, проблему отказов от вакцинации нужно решать не только путём пропаганды и просвещения населения по данному вопросу, но и на законодательном уровне с привлечением соответствующих специалистов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Feemster K.A. Overview: special focus vaccine acceptance. *Hum. Vaccin. Immunother.* 2013; 9 (8): 1752 – 1754..
2. Larson H.J., Jarrett C., Eckersberger E., Smith D.M., Paterson P. Understanding vaccine hesitancy around vaccines and vaccination from a global perspective: A systematic review of published literature, 2007 – 2012. *Vaccine.* 2014; 32 (19): 2150 – 2159.
3. Wheeler M., Bутtenheim A.M. Parental vaccine concerns, information source, and choice of alternative immunization schedules. *Hum. Vaccin. Immunother.* 2013; 9 (8): 1782 – 1789.
4. Почему все больше людей отказывается делать прививки? Роланд Хьюз, BBC News, Русская служба. 19.06.2019. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.bbc.com/russian/features-48676305>
5. См. например, инструкцию к широко применяемой вакцине Инфанрикс®. [Электронный ресурс] Режим доступа: https://grls.rosminzdrav.ru/Grls_View_v2.aspx?routingGuid=f1266bf9-ee4b-437b-9ff0-b8d0ed3ec100&t= , п. 7.
6. Nyhan B., Reifler J., Richey S., Freed G.L. Effective messages in vaccine promotion: a randomized trial. *Pediatrics.* 2014; 133 (4): 835 – 842.
7. Мац А.Н. Современные истоки антипрививочных измышлений и идеологии. *Эпидемиология и Вакцинопрофилактика.* 2013; 3 (70): 90 – 97.

8. Larson H.J. Negotiating vaccine acceptance in an era of reluctance. *Hum. Vaccin. Immunother.* 2013; 9 (8): 1779 – 1781.
9. Вакцинация: ответ православных врачей. 16.02.2010. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.pravmir.ru/vakcinaciya-privivki>
10. WHO vaccine-preventable diseases: monitoring system. 2013 global summary. Official country estimates. WHO; 2014. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://apps.who.int/immunizationmonitoring/globalsummary/coverages?c=RUS>
11. Ozawa S., Stack M.L. Public trust and vaccine acceptance – international perspectives. *Hum. Vaccin. Immunother.* 2013; 9 (8): 1774 – 1778.

КУЛЬТУРА ПИТАНИЯ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ

NUTRITION CULTURE OF RUSSIAN YOUTH

Никитина Ольга Витальевна – аспирант, фундаментальная медицина г.Симферополь, Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского, ассистент кафедры нормальной анатомии
Nikitina Olga Vitalievna – graduate student, basic medicine, Simferopol, Crimean Federal V.I. Vernadskiy University, Assistant, Department of Normal Anatomy
E-mail: olga_simferopol@mail.ru

Аннотация. Социокультурные факторы определяют потребительское поведение. В свою очередь на потребительское поведение влияет семья, система образования, культура, субкультура, религиозная принадлежность. Сюда же можно отнести и моду, всё возрастающую социальную привлекательность потребления, рекламе, поддерживающую эту привлекательность. Всё это напрямую или опосредованно влияет на формирование культуры питания российской молодежи.

Abstract. Sociocultural factors determine consumer behavior. In turn, family behavior, the education system, culture, subculture, and religious affiliation influence consumer behavior. This also applies to fashion, the ever-growing social appeal of consumption and advertising, supporting this attraction. All this directly or indirectly affects the formation of a food culture Russian youth.

Ключевые слова: культура питания, социальная психология питания, фаст-фуд, диета, семейные традиции.

Keywords: food culture, social psychology of nutrition, fast food, diet, family traditions.

Уже древний человек замечал связь между употребляемой пищей, своим здоровьем и самочувствием. И если тогда рацион человека в значительной степени зависел от доступности пищевой базы, то в настоящее время, время пищевого изобилия, выбор питания чаще определяется социокультурными факторами.

Социокультурные факторы (семья, система образования, культура, субкультура, религиозная принадлежность) определяют потребительское поведение. Сюда же можно отнести и моду, всё возрастающую

социальную привлекательность потребления, рекламу, поддерживающую эту привлекательность. Высокие стандарты потребления стали одним из основных векторов ценностных моделей для современного человека, но особенно для молодёжи, возрастание роли брендов, рекламно-имиджевая заданность образцов потребления – всё это напрямую или опосредованно влияет на формирование культуры питания российской молодёжи.

Семейные традиции. На пищевое поведение людей в целом и на подростков, как наиболее «восприимчивую» часть населения, очень влияют социокультурные особенности региона в общем, и семейные традиции в частности. И если пищевые особенности региона чаще всего определяются географическим положением региона и историческими предпосылками, то традиции сложившиеся внутри семьи бывают гораздо более разнообразными и зачастую являются довольно травматичными для процесса формирования пищевого поведения подростков.

«Тарелка должна оставаться пустой», «На дне тарелки самая сила» – этими и многими подобными фразами в большинстве семей России сперва детей, а затем и подростков, заставляют есть не комфортное количество пищи, а «положенное». Эта особенность пищевого воспитания подрастающего поколения легко объясняется тем, что практически в каждой семье бабушки и дедушки пережили голодные военные годы, блокаду Ленинграда, голод революционного раскулачивания. Желание наесться впрок и накормить своих детей, хотя и объяснимо, но весьма пагубно влияет на закладку пищевых привычек [3, с. 52-55].

Следующим фактором недавно приобретённых семейных пищевых традиций я бы хотела упомянуть 90-е. «Дети 90-х» сейчас являются поколением молодых родителей, то есть создателями пищевых традиций для современного поколения молодёжи России. Несомненно, этот тяжелый период в жизни страны неправильно было бы сводить только к голоду во многих семьях, хотя и этот фактор игнорировать нельзя, а значит, мы имеем продолжение традиций «голодавших бабушек». Так же неотъемлемой составляющей этого периода была «заброшенность» детей родителями, судорожно пытавшимися заработать деньги на пропитание, и появление на рынке множества новых, рекламируемых продуктов питания. Это и чипсы с сухариками, содержащие глутамат натрия, и изобилие шоколадных батончиков с крайне высокой энергетической ценностью, и газированные напитки, содержащие зашкаливающее количество сахара и фосфорной кисло-

ты. Дети и подростки зачастую тратят свои карманные деньги не на полноценные обеды в школьной столовой, а на эти самые «желанные вредности» – следствием чего является увеличение числа заболеваний желудка, поджелудочной железы, проблемы с весом и т.п.

Несомненно, в основе пищевых традиций любой семьи основополагающую роль играют не вышеописанные «новшества», а исторические факторы данной семьи возникновения. Так практически все семьи России в обед употребляют супы, что является славянской традицией, в рационе семей с корейскими корнями – часто присутствуют маринованные острые блюда и т.п. И хотя подобные традиции являются более глубинными, исконными факторами пищевого поведения семьи – я упомянула этот фактор в последнюю очередь потому, что таковые традиции складывались веками и в подавляющем большинстве не приводят к заболеваниям, патологиям, нарушениям пищевого поведения.

Реклама и СМИ. Следующим важнейшим фактором, влияющим на культуру питания является реклама и СМИ, как средство её распространения. Она формирует в сознании молодёжи модель успешного, «крутого», востребованного в обществе (а особенно у противоположного пола) человека, который будет таковым только имея соответствующие «атрибуты»: определённый стиль одежды, наличие вещей определённых брендов, определённый способ досуга (немаловажной частью которого является посещение объектов общепита, фаст-фуда, подтверждаемые фотографиями в мессенджерах типа инстаграм).

С раннего детства реклама навязывает потребительские стереотипы поведения, побуждая покупать определённые товары. Например, любой современный ребёнок считает попкорн неотъемлемой частью посещения кинотеатра. Сила влияния рекламы крайне велика, особенно, на «не окрепшие умы» детей и подростков [5, с. 112-118].

Стоит упомянуть о таком понятии, как «точка пищевого взросления» – это возраст 12-13 лет, когда дети начинают сами принимать решение – когда и что они будут есть. В этом возрасте дети чаще остаются дома одни и, например, вместо супа, оставленного взрослыми на обед, часто готовят себе бутерброд, могут перекусить печеньем или даже чипсами, сухариками и прочей «не здоровой» пищей. Не мало важным фактором является в этом возрасте мнение друзей – при выборе посещаемых заведений, выборе напитков и т.п. Влияние мнения сверстников на подростков настолько значимо, что подростки часто изменяют свои вкусовые привычки, закладываемые родителями [1, с. 77-81, 2, с. 93-97]. А вернувшись к вопросу рекламы, крайне часто эти желания «всех» продиктованы даже не представлениями о правильном питании родителей сверстников и не их финансовыми возможно-

стями, а именно этой самой рекламой, то есть, желанием производителей – получить прибыль.

Фастфуд. Отдельного рассмотрения достойна всё возрастающая популярность заведений фаст-фуда. Хотя, с одной стороны, это является уже упомянутым результатом действия рекламы и «стейности», но есть у этого явления и иные предпосылки, позволяющие выделить это явление в отдельную категорию факторов, влияющих на формирование культуры питания российской молодёжи.

Ни для кого не секрет, что эта еда вызывает привыкание. Это неоднократно было доказано экспериментально на животных, об этом регулярно сообщалось в СМИ, школах, родителями. В среднем каждый употребляющий время от времени фаст-фуд взрослый, да и подросток в курсе, что это вредно [6, с. 260–269]. Входящие в состав этих блюд усилители вкуса, например глутамат натрия, вызывают привыкание сродни курению. Обычная пища после этого кажется пресной, безвкусной, не вызывает аппетита.

Молодые люди отвыкают пользоваться столовыми приборами, теряют привычку семейного, совместного приёма пищи, который является не только процессом насыщения, но и важным социальным ритуалом: за совместной едой семьи общаются, делятся новостями, помогают в решении возникших проблем, которых, как известно, возникает немало в процессе взросления [4, с.112–122].

Диеты. Так же отдельным пунктом, хотя и плотно связанным с навязыванием рекламой, хочу выделить столь модное в настоящее время явление, как диеты.

Всем известно, что «красота в глазах смотрящего», что в различные эпохи идеал красоты очень сильно различался. Однако в наше время производители хотят получать прибыль! Если популяризировать полные фигуры, то всё, что можно будет продать потребителю, это лишнюю пачку вермишели. Популяризация же худобы как единственного возможного варианта привлекательности и успешности открывает просто безграничные возможности для наживы: это и фитнес-клубы, и производство одежды, и, несомненно, многочисленные диетические продукты, комплексы диет, биодобавки. С каждого канала ТВ, из каждого журнала, из каждого блога в интернете в уши и глаза людей льётся пропаганда худобы, прямо или косвенно. Настоящее поколение приучили ненавидеть свои тела, хоть на толику отличающиеся от навязанного худого «идеала» и, соответственно покупать, покупать, покупать.

Еще одним нюансом, наиболее актуальным в данном эссе, хотела бы озвучить повышенную внушаемость и ведомость подростков.

Большинству из них не хватает денег на действительно хорошего специалиста, опыта, чтоб разобраться в кучах информационного хлама в сети интернет, зато эта нехватка с лихвой компенсируется подростковой гордостью, не позволяющей обратиться за помощью к родителям. Одновременно с этим давление мнения сверстников на них в разы превышает таковое у взрослых.

Таким образом, можно сделать вывод что питание выполняет важные социологические функции – это не просто удовлетворение потребности человека в пище, а формирование (с помощью правил, норм, моды, рекламы и пр.) социальных групп, создает в коллективном сознании понятие – «мы – группа».

ЛИТЕРАТУРА

1. *Александров Р.Ю.* Социально-философский аспект развития молодежной субкультуры / Р.Ю. Александров. Гуманитарные и социально-экономические науки, 2008.– №5.77 с.
2. *Илларионов Г.А.* Проблема метода философии питания / Г.А. Илларионов. – Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Тамбов: Грамота, 2016. – №12 (74): в 3х ч. Ч. 1.93 с.
3. *Конь И.Я.* Связь между избыточной массой тела и фактическим потреблением кондитерских изделий, продуктов быстрого приготовления и сладких безалкогольных газированных напитков / И.Я. Конь. – Вопросы питания, 2010. – 1:52 с.
4. *Кравченко С.А.* Еда как средство коммуникации / С.А.Кравченко. – Коммуникативные нормы и средства Монография. М.: МГИМО (У) МИД России, Институт социологии РАН, 2014. – 112 с.
5. *Порецкова Г.Ю., Печкуров Д.В.* Формирование культуры питания и культуры здорового образа жизни как один из аспектов медицинского обеспечения детей школьного возраста / Г.Ю. Проценко, Д.В. Печкуров. – Ульяновский медико-биологический журнал. №3, 2016.-.112 с.
6. *Сохань И.В.* Фаст-Фуд как актуальная гастрономическая практика потребления /И.В. Сохань, 2013. – 260 с.

КАЧЕСТВО ЖИЗНИ КАК МЕДИЦИНСКОЕ ПОНЯТИЕ**QUALITY OF LIFE AS A MEDICAL CONCEPT**

*Горлова Нина Александровна – аспирант 1 года
кафедры дерматовенерологии и косметологии
Медицинской академии КФУ им В. И. Вернадского,
г. Симферополь*

*Gorlova Nina Alexandrovna – 1st year student
of postgraduate study of the Department of
Dermatovenereology and Cosmetology of the Medical
Academy of KFU named after V.I. Vernadsky, Simferopol
E-mail: heymakaronka@gmail.com*

Аннотация. В настоящее время все большее внимание уделяется важности исследования качества жизни при определении последствий болезни и методов лечения. Качество жизни – это наиболее значимое последствие болезней и лечения, открытое для исследования в системе здравоохранения. Результаты исследований качества жизни используются для прогнозирования последствий заболеваний, потребностей пациентов и помогают предоставлять лучшие услуги, более соответствующие этим потребностям, а, следовательно, помогают улучшить всю систему здравоохранения.

Abstract. There is a growing emphasis on the importance of quality of life research in determining the effects of disease and treatment methods. Quality of life is the most important consequence of disease and treatment and is open to research in the health system. The results of quality of life research are used to predict the effects of disease, the needs of patients, and help provide better services that better meet those needs and therefore help improve the entire health system.

Ключевые слова: медицина, качество жизни, здоровье.

Key words: medicine, quality of life, health.

Качество жизни – это многомерная конструкция, которая подразумевает индивидуальное восприятие состояния своей жизни. В настоящее время все большее внимание уделяется важности исследования качества жизни при определении последствий болезни и методов лечения, а также другие актуальные вопросы состояния здоровья человека.

Вплоть до 19-го века жизнь и здравоохранение были определены инфекционными заболеваниями, воздействием окружающей среды и питанием, коррелирующим с социальным классом. В течение 19-го века и в начале 20-го достижения в области общего здравоохранения способствовали улучшению социального здоровья. Поэтому качество жизни как показатель здоровья привлекло внимание очень многих людей.

Появление нового подхода к качеству жизни совпало с определением здоровья, предложенным ВОЗ в 1948 году. Это определение включает в себя полное физическое, умственное, эмоциональное и социальное здоровье человека, а не просто отсутствие болезней. Особое внимание к качеству жизни началось в 1970-х годах и сопровождалось новой иерархией целей развития, на вершине которой стояло социальное обеспечение, желаемая жизнь или, другими словами, качество жизни. В период с 1986 по 1994 год термин «качество жизни» неоднократно появлялся в известных медицинских журналах. Этот термин был особенно значим при хронических заболеваниях и постепенно превратился в индекс для изучения влияния болезней и методов лечения на человека. [1]

Сегодня оказание медицинской помощи изменилось и обусловлено двумя основными факторами: 1. Последствия болезни в обществе, 2. Определение целей медицинских вмешательств по увеличению продолжительности жизни, качества жизни и жизни в целом. Таким образом, качество и влияние медицинской помощи на качество жизни было исследовано среди пациентов. Для того чтобы провести исследование этого вопроса, необходимо правильно определить качество жизни. К сожалению, этот термин небрежно используется многими медицинскими работниками без надлежащего определения. Многие исследователи сходятся во мнении, что этот термин включает в себя положительные и отрицательные стороны жизни человека и поэтому является многомерным. Многие воспринимают качество жизни как динамическое ментальное понятие. Динамичность выявляет тот факт, что качество жизни непрерывно изменяется. Процессы, влияющие на качество жизни, также изменяются в ответ на огромное количество факторов. [1,2]

Э.И. Шалук (1994) утверждает: “Качество жизни – это восприятие индивидом своей семейной, социальной, профессиональной и здоровой жизни”. Он также рассматривает качество жизни как духовное восприятие своего жизненного состояния. В 1994 году Ж. Вивье выдвинул еще одно определение, сходное с определением Шалука. Он рассматривает качество жизни как личное восприятие состояния своего здоровья и удовлетворенность этим состоянием. П. Шумей-

кер (1998) рассматривает качество жизни как многомерное понятие, включающее общее состояние здоровья человека: эмоциональное, психическое, социальное и физическое.

Качество жизни определяется ВОЗ следующим образом: «это восприятие индивидами их положения в жизни в контексте культуры и системе ценностей, в которых они живут, в соответствии с целями, ожиданиями, нормами и заботами» [7]. Это определение подчеркивает: 1. качество жизни имеет духовную природу (ментальный опыт, рожденный из личностного и ожидаемого состояния жизни), 2. необходимость изучения всех аспектов жизни, так как они существенно влияют на качество жизни. Более того, в этом определении учитывается роль культуры и то, как она сильно влияет, как внешний фактор, на качество жизни. Поэтому качество жизни человека зависит от его убеждений, культуры, экономики и моральных вопросов. Оно определяется как счастье, удовлетворение, успех, благополучие, осознание и внутренняя оценка множества аспектов жизни. [4]

В медицинских науках качество жизни определяется двумя способами. Одним из них является общее качество жизни, которое изучает общие факторы. Второе – это качество жизни, связанное со здоровьем, которое исследует влияние различных заболеваний на психические, физические и социальные аспекты жизни. В своей книге С.Кинг и Р.Хиндс (2003) пишут о качестве жизни, связанном со здоровьем: «в широком смысле качество жизни – это термин, используемый в политическом, социальном, экономическом и религиозном контекстах». Качество жизни, рассматриваемое в медицинских науках, связано с оценкой текущего состояния жизни, оказанием медицинской помощи и деятельностью по укреплению здоровья, которая индуцирует определенный уровень общей активности и позволяет следовать целям. К. Беннет (2002) рассматривает качество жизни, связанное со здоровьем, как обладающее множеством аспектов: психологическим, биологическим, функциональным статусом и восприятием здоровья. С другой стороны, Р. Уэстлейк (2002) назвал физические функции, ограниченные роли, психическое здоровье, социальное функционирование и общее восприятие здоровья основными аспектами качества жизни, связанного со здоровьем. Люди оценивают качество жизни, связанное со здоровьем, исходя из ожидаемых результатов. Их суждение основано на их здоровом и нездоровом опыте и определяется как качество их жизни. [1]

В целом ряде исследований была подтверждена многомерная природа качества жизни. Многие ученые ссылаются на 5 измерений каче-

ства жизни: 1. Физическое 2. Психическое 3. Социальное 4. Соматическое, и 5. Духовное. Что касается первого измерения, то учитывается сила, способность выполнять рутинную деятельность и уход за собой, а также общая оценка самочувствия и функционирования пациента. Исследование психического состояния обычно затруднено для медицинских работников и часто недооценивается. Социальный аспект относится к тому, как человек относится к семье, друзьям и коллегам на работе или в обществе. Соматический аспект связан с симптомами заболевания и побочными эффектами терапии (боль, тошнота, рвота). Наконец, духовный аспект подчеркивает содержательный и целенаправленный характер жизни. [5]

В оценке качества жизни пациентов пациент находится в центре внимания. Все внимание уделяется его убеждениям. При оценке качества своей жизни пациент рассматривается не только как случай, но и как человек, проживающий жизнь во множестве аспектов. Поскольку качество жизни сильно зависит от личности и психики, каждый отдельный индивид является наилучшим определителем качества своей жизни.

Исследование качества жизни играет важную роль в принятии медицинских решений. Согласно И.Й. Хиггинсону и А.Й. Карру (Higginson and Carr, 2001), роль исследования качества жизни в поддержке клинического здравоохранения включает в себя: определение приоритетов проблем, облегчение коммуникации, скрининг потенциальных проблем, идентификацию источника, мониторинг результирующих изменений и реакцию пациентов на терапию. По мнению Кинга и Хиндса (King and Hinds, 2003), существуют три потенциальные функции Исследования качества жизни: дискриминация, прогнозирование и оценка. В первой категории качество жизни используется для различения между людьми и группами на основе определенного аспекта, когда отсутствует какой-либо стандарт. Во второй категории качество жизни используется в качестве предиктора, когда нет стандартизированных критериев. В третьем случае оценка осуществляется путем изучения качества жизни с целью выявления изменений, происходящих с людьми или группами в течение всего времени. [6]

Как только медицинские работники оказываются неспособными принимать решения о том, как ухаживать за пациентами, они вновь и вновь оценивают качество их жизни. Поэтому их восприятие может помочь определить эффект терапии в том или ином клиническом состоянии и решить, следует ли прекратить или продолжить определенную терапию. Результаты исследований качества жизни используются для прогнозирования последствий заболеваний, потребностей пациентов и помогают предоставлять лучшие услуги, более соответ-

ствующие этим потребностям, а, следовательно, помогают улучшить всю систему здравоохранения. Поэтому исследование качества жизни сегодня все чаще используется в качестве дополнения к объективным и клиническим исследованиям. [5,6]

Качество жизни – это наиболее значимое последствие болезней и лечения, открытое для исследования в системе здравоохранения. Осведомленность о качестве жизни пациентов помогает врачам диагностировать потребности и проблемы и оказывать более принципиальную помощь.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Новик А. А.* Исследование качества жизни в медицине : учебное пособие / А. А. Новик, Т. И. Ионова ; под ред. Ю. Л. Шевченко, – М. : ГЭОТАР-МЕД, 2004. – С. 304.
2. *Новик, А. А.* Руководство по исследованию качества жизни в медицине / А. А. Новик, Т. И. Ионова, Ю. Л. Шевченко. – М.:, 2007. – 320 с
3. Психология здоровья / Под ред. Г.С. Никифорова. – СПб., 2006.
4. *О. И. Косенкова, В. И. Макарова* / Проблема качества жизни в современной медицине – Экология человека – 2007 – №11 – С. 29-34
5. *Воробьев П. А.* Методологические подходы к оценке качества жизни, связанного со здоровьем / П. А. Воробьев, Л. В. Сидорова, Ю. А. Кулигина, М. В. Авксентьева // Проблемы стандартизации в здравоохранении. – 2003. – № 8. – С. 20–25
6. *Моисеев В. С.* Лекарство и качество жизни, точка зрения / В. С. Моисеев // Клиническая фармакология и терапия. – 1993. – № 1. – С. 5–9.
7. Всемирная организация здравоохранения [Электронный ресурс] / Всемирная организация здравоохранения. – Женева, 2014. – Режим доступа: <http://www.who.int/>. – Дата доступа: 20.02.2015.

ОБРАЗ ВОСПРИЯТИЯ МИРА ДЕТЕЙ С ДЕТСКИМ ЦЕРЕБРАЛЬНЫМ ПАРАЛИЧОМ

THE PERCEPTION OF THE WORLD OF CHILDREN WITH CEREBRAL PALSY

Пономарёва И.В., аспирант 1 года обучения кафедры нервных болезней и нейрохирургии Медицинской академии им. С. И. Георгиевского, г. Симферополь, Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского

Ponomareva I.V., 1-st year post graduate student of department of nervous system and neurosurgery Medical academy named after S.I.Georgievsky, Simferopol, Crimean Federal V. I. Vernadskiy University
Электронный адрес: heaven.or.oblivion@ya.ru

Аннотация. Среди детского населения, согласно статистическим исследованиям, дети-инвалиды составляют порядка 5%. Детский церебральный паралич является одной из важнейших причин возникновения инвалидности. Цель работы – анализ различных факторов на формирование образа восприятия мира детей с детским церебральным параличом.

Abstract. According to statistical studies there are about 5% children with disabilities among the children's population. Cerebral palsy is one of the most important causes of disability. The aim of this work is the analysis of various factors on the formation of an image of the world perception of children with cerebral palsy.

Ключевые слова: дети, детский церебральный паралич, социализация.

Key words: children, cerebral palsy, socialization.

Здоровье – состояние человека, которое не замечаешь до тех пор, пока оно у тебя есть. Согласно Уставу Всемирной организации здравоохранения, принятому в 1946 году, здоровье – состояние полного физического, душевного и социального благополучия, а не только отсутствие болезней или физических дефектов. Однако представьте себе человека, который с рождения не осознает, каково это действительно быть здоровым, к примеру ребенок с детским церебральным параличом (ДЦП).

ДЦП – группа хронических состояний, связанных с нарушением координации движения и тонуса мышц, появляющееся в результате травмы мозга (внутриутробно, интранатально, в раннем детстве). Существует огромный спектр причин развития данного состояния: ионизирующая радиация, вибрация, питание, попытка прерывания беременности, предшествующие аборт, гипоксия, недоношенность, кесарево сечение и многие другие. Основопологающим является то, что данное состояние нельзя обратить вспять, его нужно принять, помочь ребенку в становлении, как личности.

Необходимо учитывать несколько факторов, которые также могут сопровождать данное патологическое состояние – уровень интеллекта и речевую дисфункцию, так как при низких показателях данных параметров социализация осложняется многократно, а в тяжелых случаях – невозможна.

Ребенок с ДЦП, как и любая личность, проходит ряд вех для того, чтобы сформировать свой личный образ мира. Целью моей работы является анализ различных факторов на формирование образа восприятия мира данной группы детей.

Определенно все начинается порой еще до рождения. Современные методы ультразвуковой диагностики позволяют на ранних этапах жизни определить аномалии развития как совместимые, так и несовместимые с жизнью. Тогда родители сталкиваются с генетиками, гинекологами, которые могут предложить как альтернативные варианты тактики, так и навязать свое личное отношение. Особенно сильно родители подвержены этому воздействию при рождении ребенка. Врачи-акушеры с уверенностью в голосе могут трактовать состояние как неизлечимое, что верно по сути, однако не указывают ни возможности реабилитации, которая необходима для социальной адаптации ребенка. В этот период времени все будет зависеть от родителей – каково их образование, готовность к участию в реабилитации, материальные возможности, общение с другими членами семьи. Высокая частота возникновения следующих особенностей воспитания – гиперпротекции, потворствование прихотям, фобии утраты, ограничение самостоятельности ребенка, что приводит к социальной дезадаптации. Именно в момент общения с родителями закладывается самое важное – ребенок будет воспринимать себя как есть, со всеми «минусами», но в окружении любящей семьи, которая готова пойти на все ради счастья своего чада, либо же наоборот он будет чувствовать себя изгоем, «уродом», озлобленным, из-за недостатка любви и поддержки собственных родственников.

Также стоит помнить о важности места рождения – крупный город, в отличие от поселка, деревни, обладает большими возможностями и ресурсами для диагностики, лечения и реабилитации таких детей, в частности, некоторые курортные города заточены под оказание такого рода услуг. Даже в рамках нашего полуострова, жизнь в г. Саки, г. Евпатория дает больше возможностей для реабилитации, чем, к примеру, в северных районах полуострова.

Однако психотип каждого отдельного человека накладывает свой собственный отпечаток на формирование образа восприятия жизни. К примеру, меланхоличная натура уйдет в болезнь с головой, в поисках сочувствия со стороны окружающих, сангвиник найдет другие радости жизни, оптимистично смотрит в будущее. В данном случае, со стороны родителей и близких важна поддержка, ведь если следовать манипуляциям со стороны ребенка, можно нанести большой урон психике.

Важный пункт в формировании восприятия мира – взаимодействие ребенка в школьной среде, ведь это первый шаг в самостоятельной социальной реализации, общении со своими ровесниками. Определенно окружение может различаться – либо он учится в специализированной школе, в который у каждого ребенка есть свои особенности развития, либо в обычной школе, где ребенка с дефектом могут воспринимать как «белую ворону». Именно в этот период ребенок может получить как психологическую травму на всю жизнь, замкнувшись в себе и своей болезни, либо же наоборот найти необходимые ресурсы в самом себе, дабы общаться на равных с другими детьми. Ведь любые границы на самом деле только в глазах смотрящего, а необходимо в некоторой степени сменить точку зрения, посмотреть на ситуацию глазами окружающих и проявить себя.

Ведь любой соматически больной человек, однако здоровый психологически, хочет чувствовать себя как обычный человек, без уникальности, поэтому развитие в интеллектуальном плане, обучение в школе, на секциях обеспечивает потребность ощутить себя одним целым со сверстниками.

Интересно отметить, как общество воспринимает данное заболевание, особенно такие тонкие натуры, как кинорежиссеры. К примеру, есть прекрасный фильм «А в душе я танцую» (Inside I'm Dancing, 2004, реж. Дэмиен О'Доннелл), который показывает, как главному герою с ДЦП ничто человеческое не чуждо, его дружбу с Рори, влюбленность, беспомощность. Однако есть и иной взгляд на заболевание – фильм «Временные трудности» (2017, реж. Михаил Расходников), который, мало того, что допустил ряд ляпов со стороны медицинских фактов, но, что более важно, показал неадекватный вариант поведе-

ния со стороны родителей, когда недостаток образования, эмпатии приводит к жутким ситуациям, которые в реальном мире определенно бы привлекли к ответственности перед законом.

После обучения в учебном учреждении возникает следующий вопрос – как обеспечить себя? Родители рядом, но не всегда, государство выплачивает денежное пособие при оформленной инвалидности, но ведь все это отсутствие самостоятельности. Ведь появляется желание реализовывать себя, оказывать помощь государству, и тогда появляется ряд вопросов: какими навыками, знаниями обладает этот человек, каковы возможности в физическом плане, какие именно его желания по реализации, какова цель в трудоустройстве. Важным является и другой критерий – удача, благодаря которой возможна встреча с адекватным работодателем, который не будет дискриминировать человека с болезнью, работа в шаговой доступности от дома, либо дистанционные варианты трудоустройства.

Взаимоотношения с государством также накладывают свой отпечаток на восприятие мира. Конечно, предоставляется ряд льгот по социальной и профессиональной реабилитации, транспортные льготы, льготные приобретения различных вспомогательных средств, право на аренду социальной квартиры, преимущества при получении кредита на обучение при поступлении на бюджетные места в учебные заведения. Но все не так гладко – постоянно необходимо доказывать свою «ущербность» для получения субсидий, многие морально не могут пойти на это, поэтому решают самостоятельно, без участия государства справляться с возникающими проблемами.

Проблем же возникает множество, к примеру, невозможность передвигаться со вспомогательными средствами (колясками) в общественных местах, транспорте, в особенности в регионах России.

Изо дня в день ребенок, подросток, а затем и взрослый с ДЦП сталкивается с проблемами, которые окружающие не осознают, что приводит к саморефлексии и постоянным вопросам – почему я, за что мне это, а вот если бы. Лишь благодаря поддержке близких, друзей, здоровой психике, человек осознает, что все чего он достиг возникло благодаря болезни, а не вопреки ей.

Стоит помнить, что инвалидность – не приговор, не диагноз, это образ жизни, и если человек не в силах изменить обстоятельства в жизни, то следует изменить отношение к ним

ЛИТЕРАТУРА

1. Аммосова В. В. Влияние коммуникативных умений детей дошкольного возраста на их социализацию // Природные ресурсы Арктики и Субарктики. – №4. – 2009.
2. Шингаркина Д. А. Особенности восприятия и осмысления мира взрослых детьми старшего дошкольного возраста // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. – №60. – 2008.

УДК 340.114.5

СТРАХ ПЕРЕД НАКАЗАНИЕМ КАК ФАКТОР ПРАВОМЕРНОГО ПОВЕДЕНИЯ

FEAR OF PUNISHMENT AS A FACTOR OF LAWFUL BEHAVIOR

Зарубин Дмитрий Викторович

*аспирант юридического факультета Таврической
академии Крымского федерального университета им.
В.И. Вернадского*

Zarubin Dmitriy Viktorovich

*Post-graduate student of the Faculty of Law of Taurida
Academy V.I. Vernadsky Crimean Federal University*

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению страха человека перед наказанием как причины, побуждающей человека следовать правовым предписаниям. Раскрывается понятие «правомерное поведение» и приводятся его характерные признаки. Анализируется понятие «страх». Страх человека перед наказанием представлен, как фактор правомерного поведения участника общественных отношений. Отмечается использование государством метода устрашения человека наказанием за совершение правонарушения в целях обеспечения нахождения общества в рамках правового поля.

Abstract. The article is devoted to the consideration of fear of punishment as a reason that prompts a person to follow legal requirements. The concept of “lawful behavior” is revealed and its characteristic features are given. The concept of “fear” is analyzed. Fear of punishment is presented as a factor in the lawful behavior of a participant in public relations. It is noted that the state uses the method of intimidating a person with a punishment for an offense in order to ensure that the company is within the legal framework.

Ключевые слова: правомерное поведение, страх, наказание, фактор.

Key words: lawful behavior, fear, punishment, factor.

Направленность правовой регламентации общественных отношений любого государства, в первую очередь, заключается в предупреж-

дении совершения правонарушений их участниками. Необходимо, чтобы каждый человек в процессе своей жизнедеятельности строго соблюдал предписания, установленные законом. Реализация данной задачи возможна исключительно путем формирования правомерного поведения каждой личности.

В юридической науке вопрос понимания термина «правомерное поведение» представлен следующим образом. По мнению М.Н. Марченко, правомерное поведение определяется как «такое поведение людей, которое в полной мере согласуется со всеми требованиями норм права» [1]. Р.Т. Мухаев в своих научных трудах указывает, что под правомерным поведением следует понимать «поведение, соответствующее требованиям норм права» [2]. С точки зрения В.М. Сырых, правомерное поведение определяется такими действиями участников общественных отношений, которые «соответствуют действующим законам, иным нормативным правовым актам» [3]. В.Л. Кулаповым определение термина «правомерное поведение» представлено как «такое поведение, которое, во-первых, отвечает интересам общества, государства и отдельных лиц; во-вторых, соответствует требованиям правовых предписаний; в-третьих, обеспечивается государством» [4].

Рассмотрев, вышеуказанные определения термина «правомерное поведение», можно сказать, что, в целом, в юридической науке расхождения в понимании данного термина отсутствуют.

Правомерное поведение как один из особых видов поведения личности обладает следующими характерными признаками:

1. Формально-юридический признак характеризует правомерное поведение человека в рамках действующих правовых предписаний.
2. Социально-общественный признак подразумевает необходимость правомерного поведения каждого человека в целях эффективного функционирования общества и государства.
3. Сознательно-волевой признак означает понимание человеком целей и мотивов совершения того или иного действия, а также осознание возможности наступления юридической ответственности за совершение правонарушения.

Проведенный анализ вышеизложенных определений термина «правомерное поведение» и его характерных признаков позволяет сделать вывод о том, что обоснованно говорить о правомерности поведения можно только в той части, в которой оно соответствует правилу, изложенному в правовой норме. В этой связи, понятие «правомерное поведение» можно изложить следующим образом.

Правомерное поведение – это сознательно-волевое поведение человека, которое в полной мере соответствует действующим правовым предписаниям.

Нахождение участников общественных отношений в рамках правового поля обеспечивается совокупностью принципов, действующих в обществе. основополагающим элементом, посредством которого человеком проявляется та или иная модель поведения, является его сознательность, заключающаяся в выборе им альтернативы действий, которые могут согласовываться с правовыми нормами, либо им противоречить. Каждый поступок человека прежде, чем воплотиться в реальность, проходит через его внутреннее сознание.

Страх представляет собой особое чувство человека, активизирующее его защитный механизм. Функциональная направленность страха заключается в предостережении человека о грозящей опасности. Каждому человеку присуще чувство страха. Страх концентрирует внимание индивида на источнике опасности, а также побуждает искать возможности его избегания. Осознание того факта, что совершение правонарушения может повлечь за собой применения каких-либо негативных последствий, является регулятором поведения человека с давних времен и по сей день.

Согласно Толковому словарю С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой: «Страх – это события, предметы, вызывающие чувство боязни, ужаса» [5]. По мнению знаменитого русского философа Н. А. Бердяева, «страх есть всегда страх перед страданием» [6]. С точки зрения психологии, под понятием «страх» понимается «эмоция, возникающая в ситуациях угрозы биологическому или социальному существованию индивида и направленная на источник действительной и воображаемой опасности» [7].

Одним из методов, который заставляет участников общественных отношений совершать поступки в рамках правового поля, является устрашение – угроза наказанием за совершение проступка или преступления. Стоит отметить, что государственная власть в целях пресечения совершения правонарушений в обществе создает нормативно-правовые акты, в которых предусмотрены соответствующие санкции за их несоблюдение.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Марченко М.Н.* Теория государства и права. М.: Проспект, 2003. – С. 621.
2. *Мухаев Р.Т.* Правоведение. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2013. – С. 181.
3. *Сырых В.М.* Теория государства и права. М.: Юристъ, 2004. – С. 372.
4. *Кулапов В.Л.* Правомерное поведение и правонарушение // Теория госу-

дарства и права: курс лекций / под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. М., 2001. – С. 580.

5. Толковый словарь С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=30739> (дата обращения 21.03.2020).
6. *Бердяев Н.А.* Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого. Париж: YMCA-PRESS, 1952. – С. 81.
7. *Карпенко Л.А.* Психология. Словарь / Под общ. ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. – 2-е изд., испр. и доп. М.: Политиздат, 1990. – С. 387.

УДК 140.1

**ПЕРСПЕКТИВЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ
ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В АРБИТРАЖНОМ
СУДОПРОИЗВОДСТВЕ****PROSPECTS FOR THE USE
OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN ARBITRATION
PROCEEDINGS**

Острроверхий Юрий Александрович – аспирант 1 года обучения юридического факультета Таврической академии Крымского федерального университета им В.И. Вернадского

*Ostroverkhii Yuri Alexandrovich – 1 year graduate student of the Faculty of Law of the Tauride Academy of the Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky
E-mail: yukat2008@mail.ru*

Аннотация. В работе рассматривается возможность и перспективы замены судей искусственным интеллектом. Опираясь на анализ специфики работы данной профессии, автор приходит к выводу о невозможности полноценной замены.

Abstract The paper considers the possibility and prospects of replacing judges with artificial intelligence. Based on the analysis of the specifics of the work of this profession, the author comes to the conclusion that it is impossible to fully replace it.

Ключевые слова: искусственный интеллект, судопроизводство.

Keywords: artificial intelligence, legal proceedings

В пространстве высоких технологий все чаще объектом исследования выступает искусственный интеллект, и, как следствие, нарастают споры о перспективах и рисках его более широкого применения. В современных реалиях на различных уровнях от научных и государственных до бытовых разговоров и дискуссий в средствах массовой информации активно поднимаются темы искусственного интеллекта (ИИ), «разумности» машин и даже вероятность их доминирования. На современном этапе развития главное направление деятельности ученых по развитию ИИ состоит в создании программ, расширяющих способности ИИ, в том числе, направленных на самостоятельное при-

нятие решений, алгоритмы которых не заложены создателями. Более всего интересует вопрос, а может ли ИИ применить нестандартный алгоритм при решении задачи или вовсе отойти от встроеного алгоритма и найти творческое решение задачи?

Для начала стоит обратить внимание: исследователи указывают на существенную разницу между понятиями интеллект и искусственный интеллект : она состоит не только в связи с разрешением жизненных задач не человеком, а механизмом, а и в связи с тем, что человеческий интеллект способен решить определенную задачу даже при отсутствии предустановленного алгоритма (как правило, этот процесс называют интуицией, творчеством) [3, с. 33-34].

Есть надежды, что искусственный интеллект сможет облегчить жизнедеятельность человека в различных сферах, например медицине, инженерии, педагогике и иных сферах, в которых человеческий ресурс ограничен, а объем работы превышает допустимые нормы.

Отметим, что за 2019 год Арбитражными судами рассмотрено более 2,1 млн дел, при этом в Российской Федерации арбитражных судей насчитывается всего 4500 человек [2]. Таким образом, одним судьей арбитражного суда в год разрешается 467 дел по существу. Следует отметить, что арбитражным судам подведомственны дела экономической категории, которые являются наиболее сложными и времязатратными.

В этой связи считаем необходимым рассмотреть возможность замены судей искусственным интеллектom.

Возможно ли создать ИИ, которому будут присущи такие качества как совесть, справедливость, соразмерность, беспристрастность, индивидуализация и персонализация? На наш взгляд, нет.

В этой связи правоведы, ученые и практические работники задаются вопросом, а может ли искусственный интеллект заменить профессионального юриста, а именно судью.

Для ответа на данный вопрос определим ряд прав и обязанностей судьи в арбитражном процессе.

Пунктом 3 части 1 статьи 126 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее – АПК РФ) установлено, что в обязательном порядке к исковому заявлению прилагаются документы, подтверждающие обстоятельства, на которых истец основывает свои требования, то есть доказательства на основании которых судьей принимается решение по делу.

В соответствии с частью 2 статьи 66 АПК РФ арбитражный суд вправе предложить лицам, участвующим в деле, представить дополнительные доказательства, необходимые для выяснения обстоятельств, имеющих значение для правильного рассмотрения дела и

принятия законного и обоснованного судебного акта до начала судебного заседания или в пределах срока, установленного судом. В этой связи возникает вопрос, а будет ли компьютер испрашивать дополнительные доказательства у сторон или же примет решение по доказательствам, приложенным к исковому заявлению? На наш взгляд ответ очевиден. Компьютер, с предустановленной программой (алгоритмом) будет оценивать исключительно приложенные к исковому заявлению материалы.

Частью 1 статьи 82 АПК РФ определено, что для разъяснения возникающих при рассмотрении дела вопросов, требующих специальных знаний, арбитражный суд вправе назначить проведение экспертизы. При этом судья при принятии решения в ходе рассмотрения дела руководствуется не только законом и предоставленными доказательствами, но и такими человеческими факторами как эмоции, интуиция и рациональное мышление. Вместе с тем компьютер не будет назначать экспертизу в случае возникновения какой-либо неясности при разрешении спора, а примет решение по имеющимся в деле доказательствам, так как система будет действовать исключительно в рамках предустановленного алгоритма действий.

Пунктом 2 части 2 статьи 186 АПК РФ определено, что на предварительном судебном заседании судья определяет достаточность представленных доказательств. Вместе с тем компьютер не сможет оценить и предугадать, достаточно ли доказательств для правильного, всестороннего и полного разрешения дела [1].

В заключение приведу пример реализации оценочного понятия в целях разрешения спора.

Так, частью 3 статьи 14 АПК РФ установлено, что если содержание норм иностранного права, несмотря на принятые в соответствии с настоящей статьей меры, в разумные сроки не установлено, арбитражный суд применяет соответствующие нормы российского права. В соответствии со статьей 128 АПК РФ, арбитражный суд, установив при рассмотрении вопроса о принятии искового заявления к производству, что оно подано с нарушением требований, установленных АПК РФ, выносит определение об оставлении заявления без движения, в котором указывает разумный срок устранения недостатков. Термин разумный срок фигурирует в ряде статей АПК РФ, однако критерием определения разумности сроков АПК РФ не дает.

В целях ликвидации правового пробела в АПК РФ в 2010 году была введена статья 6.1 Разумные сроки судопроизводства в арбитражных судах и исполнения судебного акта, согласно которой судопроизвод-

ство в арбитражных судах и исполнение судебного акта осуществляются в разумные сроки. При определении разумного срока судопроизводства в арбитражных судах, который включает в себя период со дня поступления искового заявления или заявления в арбитражный суд первой инстанции до дня принятия последнего судебного акта по делу, учитываются такие обстоятельства, как правовая и фактическая сложность дела, поведение участников арбитражного процесса, достаточность и эффективность действий суда, осуществляемых в целях своевременного рассмотрения дела, а также общая продолжительность судебного разбирательства.

Разумный срок подлежит установлению судьей в каждом конкретном деле с учетом сложности дела, количества участников процессе и иных аспектов.

Следует также рассмотреть статью 17 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, согласно которой судья оценивает доказательства по своему внутреннему убеждению, руководствуясь при этом законом и совестью.

Сможет ли ИИ решать проблемы, которые человек решает с помощью размышлений? Может ли машина мыслить? Способен ли искусственный интеллект применить внутреннее убеждение и совесть при решении юридических задач? [4, с. 152].

Из анализа вышеизложенного следует, что судья не только следует алгоритму, прописанному в нормах права, но и применяет такие качества как справедливость, соразмерность, внутреннее убеждение, совесть, персонализация и персонификация наказания. Таким образом следует сделать вывод о невозможности на данном этапе развития науки и техники замены судьи компьютером с ИИ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон № 188-ФЗ: [принят Государственной думой 29 декабря 2004 года]: (с изменениями и дополнениями). – Доступ из справ.-правовой системы Гарант. – Текст: электронный.
2. Статистические данные о работе судов в Российской Федерации за 2019 год: сайт. – URL:http://www.cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2019/Obzor_sudebnoy_statistiki_arbitragnih_sudov_v_2018.pdf (дата обращения: 21.05.2020). – Текст: электронный.
3. *Пенроуз Р.* Новый ум короля: о компьютерах, мышлении и законах физики / Р. Пенроуз. – Москва: Едиториал УРСС, 2005. – 274 с.
4. *Петрунин Ю. Ю., Рязанов М. А., Савельев А. В.* Философия искусственного интеллекта в концепциях нейронаук / Ю.Ю. Петрунин. – Москва: МАКС Пресс, 2010. – 187 с.

УДК 008

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ КРЕАТИВНОЙ ИНДУСТРИИ В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ

THEORETICAL BASES OF CREATIVE INDUSTRY IN MODERN CULTURE

Золотухина Арина Юрьевна – аспирант кафедры культурологии Таврической академии, г. Симферополь, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского

*Zolotukhina Arina Yur'yevna – postgraduate student, Department of Cultural Science, Taurida Academy, Simferopol, Crimean Federal V. I. Vernadskiy University
E-mail: zolotukhina-arisha@yandex.ru*

Аннотация. Статья посвящена краткому рассмотрению актуального феномена в современной культуре – креативным индустриям. Так, художественная культура, представляет собой самостоятельную подсистему культуры, именно здесь происходит слияние материального и духовного, образование синтетических форм, рождающее символические художественные образы. В данной статье проводится определение креативных индустрий, а также характерные черты креативного продукта, основу которого и составляет данное определение. Значительное место занимает общее понимание роли искусства и его коммерциализации в современной культуре.

Abstract. The article is devoted to a brief review of a relevant phenomenon in modern culture – creative industries. So, art culture is an independent subsystem of culture, it is here that the material and spiritual merge, the formation of synthetic forms that give rise to symbolic artistic images. This article provides a definition of creative industries, as well as the characteristics of a creative product, which is based on this definition. A significant place is occupied by the General understanding of the role of art and its commercialization in modern culture.

Ключевые слова: креативные индустрии, творческие индустрии, искусство, культура, товар, производство, рынок.

Key words: creative industries, creative industries, art, culture, product, production, market.

Искусство, и его роль в культуре на протяжении всей истории понимается и интерпретируется философами, исследователями с различных аспектов. Насыщенная динамика подходов и наук, так или иначе взаимодействующих с искусством или на которую искусство влияет, необычайно широка со времени ее возникновения и в настоящее время.

Ценность искусства состоит в том, что оно своими эстетическими показателями неразрывно влияет на качественное культурное определение. Каждая историческая эпоха генерирует свою собственную концепцию искусства, которая поднимает доминанты более ранних эпох. Искусство с древних времен воспринимается людьми как естественное средство коммуникации, которое сопровождает человека в течение всей жизни. Проблема творчества тесно связана с проблемами оригинальности и новаторства.

Тенденция восприятия традиционного художественного наследия может быть соотнесена с изменениями современного подхода в восприятии и коммуникации между предметом искусства и зрителем. По мнению Б. О'Догерти начиная с эпохи модернизма, мы смотрим поначалу не на само искусство, а на пространство вокруг него [3]. По его мнению, надежное капиталовложение гарантировано, если произведение оказывается вневременным и прочитывается потомками, а значит и принадлежит им.

Появляются исследования о динамическом пересечении областей, где отдельные люди, организации, отрасли, регионы и страны используют творческий потенциал для достижения и поддержания роста производства креативного товара. По этой, и многим другим причинам, инновационная культурная система XXI века представляет собой многоуровневую,

мультимодальную, систему. Творчество, как известно, признано способствующим культурным, социальным и экономическим выгодам. В этом контексте концепция «творческой экономики» в настоящее время широко принята и понята.

В первой четверти XX века внимание исследователей в области социологии, философии, эстетики, культурологии, психологии было устремлено к вопросам массового потребления и коммерческой эксплуатации, переосмыслению роли культуры и искусства в целом [31].

Понятие «культурная индустрия» ввели представители Франкфуртской школы социологии – Теодор Адорно и Макс Хоркхаймер (1947). В центре внимания авторов, при рассмотрении термина культурной индустрии, находится культурный объект, который обладает такими признаками, как стандартизация и повторяемость [5]. Критика, с которой выступал Теодор Адорно, была направлена на стандар-

тизацию культурной жизни Америки в послевоенные годы, а также к тем формам культурного производства, которые наполняются потребительскими качествами, массовизацией, нивелируя самоценность культуры как таковой.

Предметом для дискуссий также выступал тезис о принципиальном различии между высокой и массовой культурой, впоследствии ставшими предметами для обсуждений о «новой социологии общества», культуры потребления, массовых коммуникаций. «Для индустрии культуры индивидуальность – фантом» [5, с. 78]. Человек стал реальностью индустрии культуры. Теперь он являет собой только набор тех атрибутов, которыми он может заменить всех остальных. Постмодернистское общество фрагментируется, непрерывно создавая новые группы и сегменты из целого. В нем утверждаются настроения перегруженности аллюзиями и семиотическая насыщенность. Они, в свою очередь, представляют собой возвращение и переживание прошлого, избыточные акценты на свойства знаков и знаковых систем в обществе. Как правило, к традиционным

формам творчества относят дополнительный религиозный или социальный пафос.

Интересен тот факт, что, согласно Адорно, стандартизация культурного продукта не является средством массового производства. Он в своей лекции в рамках программы International Radio University, озаглавленной «Переосмысление культурной индустрии» [15] обращает внимание на то, что «выражение «индустрия» в концепции культуриндустрии не должно пониматься буквально. Оно относится скорее к стандартизации самой вещи и к рационализации методов ее распространения, но не к самому процессу производства» [5, с. 12]

Стоит также отметить американского исследователя Аллена Скотта, который ввел понятие «индустрии, производящие культурный продукт» («cultural productive industries») [10]. По мнению автора, современная культурная экономика может быть широко представлена в виде индустрий-секторов, которые производят товары и услуги, имеющие социально-символические коннотации для потребителя, более высокие по сравнению с их утилитарным назначением. Стоит также отметить что еще Ф. Бэкон, отмечал иерархию между искусствами: «Нужно сказать, что искусства, связанные со зрительным или слуховым восприятием, с большим основанием, чем все остальные искусства, считаются свободными. Наслаждения, доставляемые остальными чувствами человека, и искусства, связанные с ними, менее уважаемы, поскольку они скорее служат роскоши, чем возвышен-

ному» [1, с. 110]. С несколько иной позиции искусство рассматривал Л. Н. Толстой: «Люди нашего времени как будто сказали себе: произведения искусства хороши и полезны, надо, стало быть, сделать, чтобы их было побольше. Действительно, ... можно делать по заказу только те произведения, которые, ... понижены до ремесла» [7].

Преобразование определения «культурные индустрии» в пользу «креативных индустрий» произошло в Великобритании уже в 1998 году, когда Департамент культуры, медиа и спорта трансформировали понятие в пользу

более широкого определения. Данное изменение позволило в первую очередь отметить современную универсальность определения на фоне более традиционного, вызывающего ассоциацию с классическим искусством, а не с экономикой и прибылью. Сегодня креативными индустриями называют: театральное, музыкальное, изобразительное искусство, кинематограф, телевидение, радио, издательское дело, компьютерные игры, новые медиа и рекламу [4].

Рассмотрим различие между используемыми в русскоязычных исследованиях определения креативной и творческой индустрий. Отечественный теоретик и культуролог А. Я. Флиер определяют под термином творческих индустрий, прежде всего, производство, художественных продуктов [8, с. 341]. По мнению исследователя в области культурных индустрий Е. В. Зеленцовой не существует принципиального различия между двумя данными определениями, поскольку зачастую их используют в качестве синонимов [2, с. 197]. В России креативные индустрии часто переводят как «творческие индустрии», стараясь, таким образом, «укоренить» это понятие в русском языке» [2, с. 198]. Однако справедливо отметить, что семантическое поле данных определений в исследованиях некоторых других авторов предлагается гораздо шире: Т. Абанкина, А. Арутюнова, М. Гнедовский, Г. Тульчинского, Е. Долганова, Д. Долгина, Е. Макарова, И. Смаргович, Н. Фатеева, И. Хангельдиева.

Дэвид Тросби сформулировал три характерных черты товара, который производят креативные индустрии. Во-первых, наличие креативности как основополагающего фактора производства. Во-вторых, они есть форма воплощения интеллектуальной собственности, но в промышленном масштабе. В-третьих, они наделены и несут в себе символический смысл [6]. Немаловажным, является индустриализированная символическая креативность, которая находится в самом содержании культурных индустрий: «Любое украшение лишено пользы, если оно не напоминает о чем-либо за пределами самого себя».

«Креативные отрасли» – это те отрасли, которые используют культуру в качестве исходного материала, но результаты которого в ос-

новном являются функциональными. В то же время потенциал креативных индустрий и их вклад в экономический рост, и устойчивое развитие Европы не всегда очевидны. Часто трудно показать экономическую ценность культуры или проектов культурного сотрудничества, поскольку нет простых методов измерения или общепринятых показателей.

Во многом доходность от вложений в искусство связана с рядом неэкономических факторов, например таких, как престиж и мода. Экономическая, социальная и политическая структура рынка искусства, будет описывать его как синоним концепции свободного рынка, который поощряет конкуренцию и сводит к минимуму регулирование. Поскольку экономика мира искусства соответствует экономическим кодексам реального мира, то, что мы на самом деле наблюдаем в области искусства, – это субрынок. Сравнивая области культуры с другими формами экономического производства, Н. Гарнам выделяет отличительные характерные черты в виде рисков связанных со ставками на преобладающую по отношению к другим художественную продукцию, определение конфликтующих ролей между творчеством и коммерцией, высокие и низкие издержки производства продукции отраслей, формирование полусоциальных благ и необходимость создания дефицита [9].

В последние годы креативные индустрии приобрели популярность: международные организации, такие как ООН, ОБСЕ и Европейский Союз, признали, что креативные индустрии являются важной движущей силой в развитии экономических и социальных инноваций. Эти отрасли признаны играющими важную роль в стимулировании предпринимательства и повышении уровня занятости. Они способствуют распространению эффектов между культурой и другими отраслями. Социальные сети, объединяющие виртуальные и физические места (хабы) и творческие кластеры, также становятся все более распространенными. В то же время стоит отметить темы, которые более косвенно связаны с творческой и культурной индустриями, но, тем не менее расширяют ее теоретический охват за пределы традиционных массивов исследований в области культурной и творческой индустрии. Такие темы включают инновации и креативность в мобильных приложениях; роль творческих индустрий, геймификации и технологий в пропаганде здорового образа жизни; развитие, инновации и конкурентоспособность индустрии.

Выводы. Процессы глобализации, более быстрые коммуникационные каналы, быстро меняющиеся технологии и глобальная связь, в

основном, изменили окружающую среду, и мы производим и потребляем культурные продукты и услуги. Креативные индустрии сегодня представляют особый феномен культуры, который объединяет политические, социальные, экономические и этические аспекты. Характер циркуляций художественных продуктов креативных индустрий зависит от социально-экономических и культурных систем, порождающих их.

ЛИТЕРАТУРА

1. Великое восстановление наук. (Предисловие).1620. Бэкон Ф. Сочинения. В 2-х томах. Т. I. М.: «Мысль» (Философское наследие), 1971. – 590 с.
2. *Зеленцова Е. В.* Творческие индустрии: теории и практики / Е. В. Зеленцова, Н. В. Гладких. – М. : Классика – XXI, 2010. – 240 с.
3. О’Догерти Б. Внутри белого куба. Идеология галерейного пространства / Б. О’Догерти – «Ад Маргинем Пресс», 1986 – с. 84
4. *Смаргович И. Л.* Культурно-досуговая индустрия как новая технология в социально-культурной сфере // Культура. Наука. Творчество. Материалы международной научно-практической конференции. 19-20 апреля 2007 года. Минск – Минск: БГА искусств, 2008. – С.290-294.
5. *Спирин В.А.* Концепция культуриндустрии в работах Т.В. Адорно / В. А. Спирин // Вопросы культурологии. – 2009. – № 9. – С.16– 19.
6. *Тросби Д.* Экономика и культура / Д. Тросби. – М. : Высш. шк. экономики, 2013. – 256 с.
7. *Толстой Л.Н.* Об искусстве // Л.Н. Толстой. Собрание сочинений в 22 тт. М.: Художественная литература, 1983. Т. 15. С. 37– 40.
8. *Флиер А. Я.* Избранные работы по теории культуры / А. Я. Флиер // Научная ассоциация исследователей культуры, Научное объединение «Высшая школа культурологии». – Москва : Согласие : Артём, 2014. – 558 с.
9. *Garnham N.* Capitalism and Communication / N. Garnham. – London : Sage, 1990, P. 13–18.
10. *Scott A.* The Cultural Economy of Cities Article. International Journal of Urban and Regional Research, 1997, vol. 21, no. 2, P. 323-339 doi:10.1111/1468-2427.00075

КОНЦЕПЦИЯ КУЛЬТУРНОЙ ПАМЯТИ

CONCEPT OF CULTURAL MEMORY

*Дружинина Надежда Сергеевна – обучающаяся
I курса аспирантуры исторического факультета Таврической академии КФУ им В. И. Вернадского, г. Симферополь*

*Druzhunina Nadezhda Sergeevna – 1st year student of
postgraduate study at the Faculty of History at the Taurida
Academy of V. I. Vernadsky Crimean Federal University,
Simferopol*

E-mail: nadya_1995@mail.ru

Аннотация. В статье проанализирован процесс формирования концепции культурной памяти, исследование которой является важным и актуальным направлением в социально-гуманитарных науках. Это явление представляет собой феномен, способный оказывать влияние на мировоззрение и идентичность социальных или этнических групп.

Abstract. The article analyzed the process of formation of the concept of cultural memory, the research of which is an important and relevant area in the social and humanities sciences. This phenomenon is a phenomenon that can influence the worldview and identity of social or ethnic groups.

Ключевые слова: культурная память, символ, миф.

Key words: cultural memory, symbol, myth.

Изучение культурной памяти является важным направлением в социально-гуманитарных науках XX – начала XXI вв. Это сложный феномен, точного определения которого на сегодняшний день не существует. Его исследование происходит в рамках междисциплинарного направления *memory studies*, которое включает в себя труды по истории, культурологии, социологии, философии. Актуальной является дискуссия о соотношении и связи понятий «культурная память», «коллективная память», «историческая память», «социальная память». В связи с этим существует необходимость проследить, как происходило формирование и изучение этой концепции в исследовательской мысли.

Становление этого понятия связано с социологической теорией Э. Дюркгейма, согласно которой общество и культуру следует рассматривать как единое целое с определёнными законами развития. Феномен памяти учёный определял как доказательство существования коллективных представлений, которые являются едиными для конкретной социальной группы и выражаются в религиозных верованиях, мифах, нормах морали и права, преобладающими в обществе [6, с. 53; 13, с. 14].

Эти идеи Э. Дюркгейма в 20-х годах XX в. в своих исследованиях развивал французский социолог М. Хальбвакс. Он предложил понятие «коллективная память», которая способствует ориентации в обществе, потому что существует в виде комплекса воспоминаний, помогающих идентифицировать себя. Язык является универсальным хранителем памяти, набором важных для человека и общества символов и образов. А мотивы, стремления и эмоции соединяются в коллективные представления, содержащиеся в памяти [6, с. 54–55]. Каждый раз, обращаясь к своему прошлому, человек смотрит на него из дня сегодняшнего и пользуется ориентирами, которые предлагает ему социальная группа. Прошедшее доступно не таким, как оно было, а только как реконструкция. В индивидуальной памяти готовые образы не остаются, но в обществе содержатся все факты для восстановления той или иной части нашего прошлого [13, с. 15; 11, с. 40].

Дальнейшее развитие этих идей происходило по пути расширения понятия коллективной памяти с акцентом на её знаково-символическую составляющую. Французский философ П. Рикёр рассматривал память как деятельность, которая осуществляется и внутри, и вне индивидуального сознания, не только на уровне отдельного человека, но и на уровне общества. Социум, переживая особое историческое состояние, – ситуацию разрыва с прошлым – пытается восстановить память культуры через реконструкцию. Процесс мемориализации предполагает выстраивание разных событий, создание из них структурированных повествований. Один и тот же эпизод при этом приобретает разное значение в зависимости от того, в какую сюжетную структуру он включён [6, с. 56].

В формирование теории культурной памяти большой вклад внёс отечественный учёный Ю. М. Лотман. Им в совместной работе с Б. А. Успенским был предложен и сам термин. Это понятие Лотман разрабатывал в рамках исследований коммуникативно-трансляционной функции культуры, он понимал его как хранилище информации с закодированными представлениями о реальности [5, с. 114]. Прошлое не проходит бесследно, не исчезает, а переходит на хранение, чтобы при определённых условиях снова заявить о себе. Являясь одной из

форм коллективной памяти, культурная имеет противостоящие во времени механизмы, которыми могут служить «места памяти», обладающие свойством сохранять и воспроизводить исторически и социально значимую информацию [4, с. 174–175].

В каждой культуре определяется, что следует помнить и хранить, а что подлежит забвению. Последнее вычеркивается из памяти коллектива. Но сменяется время, система культурных кодов, и меняется модель памяти-забвения. То, что объявлялось истинно-существующим, может оказаться подлежащим забвению, а не существовавшее ранее – стать значимым [5, с. 115].

Формирование классического на сегодняшний день понимания культурной памяти связано с именем гейдельбергского египтолога Я. Ассмана. В 1992 г. он опубликовал свои размышления о связи культуры и воспоминаний, основываясь на материалах древних культур – египетской, еврейской, греческой. Учёный при исследовании феномена коллективной памяти делает акцент на её ценностно-мифологической составляющей, выделяет два вида: коммуникативную и собственно культурную [3; 10, с. 104]. Коммуникативная память мало формализована, является устной традицией, возникающей в контексте человеческих отношений в повседневной жизни, существует на протяжении жизни трёх поколений. Она охватывает те воспоминания, которые связаны с недавним прошлым [9, с. 95–96; 12, с. 267].

А культурная память представляет собой воспоминания о далёком прошлом, вечность передается путём мифологизации отдельных явлений и событий. Миф – это обосновывающая история, которую рассказывают, чтобы объяснить происхождение настоящего. К чертам культурной памяти относятся институциональная формализация, символическое устройство (включая письменную фиксацию), наличие специалистов – носителей традиции. Она определяется как культурные механизмы, которые формируют, поддерживают и воспроизводят идентичность социальной общности (группы, народа, государства) [3, с. 54, 58–59].

В памяти каждого человека есть определённый набор воспоминаний, которые он зачастую даже не осознаёт, но именно они составляют коллективные представления о прошлом. Каждое воспоминание при попытке его воспроизведения становится «нынешним прошлым». Именно это иррациональное стремление вспоминать то, что исчезло навсегда, порождает чувство ностальгии, которое можно заметить во многих аспектах повседневной жизни и в предметах культуры [6, с. 57–58].

Культурная память направлена на фиксированные моменты прошлого, которое представлено символическими фигурами и благодаря им воспроизводится в настоящем. Для неё важна не фактическая, а воссозданная в воспоминаниях история. На этом уровне происходит их отчуждение от биологических носителей – индивидуумов – и их сохранение на других видах – носителях [3, с. 54–55; 7, с. 123]. Важность воспоминаний, которые либо продолжают жить в памяти, либо забываются, выражена в их актуальности. А значимость события обусловлена не прошлым, а постоянно меняющимся настоящим, удерживающим в памяти самые важные факты данного события, его смысл [9, с. 97–98].

Культуролог А. Ассман выделяет в составе культурной памяти два образа: «канон» и «архив». «Каноном» обозначается функциональная часть, а «архивом» – накопительная. Активная память увековечивает то, что общество выбирает и поддерживает как исключительное и жизненно важное. А архивная память доступна только специалистам. Она нуждается в извлечении информации из материальных источников и её профессиональной интерпретации [12, с. 269]. Это понятие включает в себя широкий круг культурных практик: консервация, реставрация, архивирование документов, коллекционирование произведений искусства и антикварных предметов с возможностью их репрезентации и научной работы.

Настоящее является тем местом, откуда происходит обращение к прошлому, и одновременно служит тем контекстом, в котором оно заново реконструируется. Но только индивидуальное восприятие, оценка и усвоение сохраненных материалов делают это культурной памятью [2, с. 57]. Структура культурной памяти определяется взаимоотношением между функциональной и накопительной памятью, воспоминанием и забвением, сознательным и бессознательным, явным и скрытым. От универсального и специализированного знания содержимое культурной памяти отличается тем, что происходит усвоение не только для того, чтобы владеть им и использовать для определённых целей, а чтобы сделать его частью нашей идентичности. Это явление, базируясь на символах, служит для социальной группы формой самоопределения и ориентиром на будущее [1, с. 227; 2, с. 10–11].

Параллельно с развитием теории культурной памяти происходит формирование критического направления отношения к этой концепции. Множество объектов исследования, применение большого числа подходов, проблем, которые можно изучать в рамках данного направления исследований, способствует продолжающейся дискуссии. Противоречия также создаёт отсутствие точного определения понятия «культурная память», многообразии вариантов его интерпретации.

Ставится под сомнение научность методологии исследования, так как результаты часто становятся описательными и предсказуемыми [13, с. 16–20]. Ещё одно направление критического подхода связано с утверждением, что понятие «культурная память» не способно добавить в исследования ничего нового по сравнению с такими классическими представлениями как «миф», «обычай», «традиция» и «историческое сознание».

Интересными являются взгляды М. Л. Шуб, которая утверждает, что культурная память представляет собой метафору, а не научное понятие, но в то же время её следует рассматривать как реальную с точки зрения бытия. Она определяет это понятие как относительно устойчивую систему значимых для группы представлений о прошлом, передаваемых в обобщенно-символических и универсально доступных формах, которые формируют ценностные ориентации и модели поведения [14, с. 8–9].

Таким образом, изучение культурной памяти является актуальным направлением научных исследований. Это понятие следует рассматривать как особую символическую форму передачи культурных смыслов, выходящих за рамки опыта отдельных людей и групп. Культурная память представляет собой важную составляющую для формирования мировоззрения, общественных и исторических ценностей. Она служит одним из показателей идентичности социальной группы или этноса и способна выполнять консолидирующую функцию.

На содержание культурной памяти оказывают влияние разнообразные политические и социально-экономические процессы, которые затрагивают интересы общества или этнических групп, что приводит к возможности изменения культурной памяти. Из этого следует, что процесс её складывания является длительным и непрерывным.

Одним из способов выражения культурной памяти служит мемориализация, которая даёт возможность увековечить события или личности, деятельность которых значима для общества на данный момент. Это в свою очередь представляет отражение культурных контекстов настоящего, а также становится одним из звеньев культурной памяти, которое способствует трансляции этих символов последующим поколениям.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ассман А.* Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика. – М.: Новое литературное обозрение, 2014. – 328 с.
2. *Ассман А.* Новое недовольство мемориальной культурой. – М.: Новое литературное обозрение, 2016. – 232 с.
3. *Ассман Я.* Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 368 с.
4. *Агеева Е. Ю.* Память как особое свойство провинциальной культуры / Е. Ю. Агеева, В. В. Кораблева // Приволжский научный журнал. – 2013. – № 2. – С. 174–177.
5. *Аленькова Ю. В.* Культурная память и проблемы культурной идентичности // Копытинские чтения: сб. ст. Междунар. науч.-практич. конф. / ред. М. И. Матюшевой. – Могилев, 2018. – С. 114–116.
6. *Бегунова Е. А.* К определению понятия культурной памяти в зарубежной гуманитаристике // Вестник Кемеровского государственного ун-та культуры и искусств. – 2017. – № 39. – С. 53–60.
7. *Евсикова Е. В.* Новая концепция исторической памяти: от М. Хальбвакса к А. Ассман / Е. В. Евсикова, Г. А. Николаенко // Культурная память и культурная идентичность: мат. Всероссийской научн. конф. XI Колосницынские чтения. – Екатеринбург, 2016. – С. 122–126.
8. *Клейтман А. Ю.* Традиция и память как культурные универсалии // Известия ВГПУ. – 2007. – № 3. – С. 66–69.
9. *Компаниец Э. Н.* Культурная память и проблема национального самознания в современной России // Социально-экономическое управление: теория и практика. – 2011 – № 2. – С. 95–103.
10. *Куликов Д. К.* Концепция помнящей культуры Яна Ассмана и её место в современном гуманитарном знании // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2007. – № 5. – С. 104–108.
11. *Романовская Е. В.* Морис Хальбвакс: культурные аспекты памяти // Известия Саратовского ун-та. Серия: «Философия. Психология. Педагогика». – 2010. – № 3. – С. 39–44.
12. *Сабанчеев Р. Ю.* Культурная память как форма коллективной памяти // Вече: журнал русской философии и культуры. – 2016. – № 28. – С. 267–271.
13. *Сафронова Ю. А.* Третья волна memory studies: двадцать три года против шерсти // Политическая наука. – 2018. – № 3. – С. 12–27.
14. *Шуб М. Л.* Социальная, коллективная и культурная память: новый подход к определению смысловых границ понятий // Обсерватория культуры. – 2017. – № 1. – С. 4–9.

**ВИНО В ВИЗАНТИЙСКОЙ КУЛЬТУРЕ:
СМЫСЛЫ И ФУНКЦИИ****THE BYZANTINE WINE CULTURE:
MEANINGS AND FUNCTIONS**

*Ганцев Валентин Константинович – аспирант,
г. Симферополь, Крымский федеральный
университет имени В.И. Вернадского*

*Gantsev Valentin Konstantinovich – graduate student,
Simferopol, Crimean Federal V. I. Vernadskiy University
E-mail: valentin.gancev@mail.ru*

Аннотация. Вино на протяжении всей истории Греции играло важную роль в ее культуре. В Византии произошла смысловая переоценка этого напитка. Выделено две его важнейшие функции – религиозная (вино неотъемлемая часть Евхаристии) и бытовая (вино в юридических документах, медицинских трактатах и трудах интеллектуалов).

Abstract. Wine throughout the history of Greece has played an important role in its culture. In Byzantium, there was a semantic re-evaluation of wine. Two of its most important functions are highlighted: religious (wine as an integral part of the Eucharist) and domestic (wine is mentioned in legal documents, medical treatises and works of intellectuals).

Ключевые слова: Византия, византийская культура, вино.

Key words: Byzantium, Byzantine culture, wine.

Вино, начиная с древности, играет значимую роль в культуре Греции, являясь неотъемлемой частью «средиземноморской триады» (пшеница, оливки, виноград). Виноградная лоза культивировалась практически во всех областях средиземноморского мира; благодаря активной и созидательной деятельности древних греков, культурные сорта винограда появились и в Крыму. Самым ярким примером важной роли в жизни населения античной Эллады, которое занимало вино, является тот факт, что для винограда и напитка, получаемого из него, было создано специальное божество-покровитель – Дионис. Античные авторы неоднократно воспевали вино, считая его «усладой всех скорбей», не забывая, что в случае излишнего употребления вино опасно, и следует «знать меру» [12, с. 285–288; 1, с. 21–22]. Со време-

ни появления и укоренения христианских идей в умах людей поздней античности и раннего средневековья произошла и трансформация роли вина. Оно становится частью священного действия – Евхаристии, в процессе которой вино изменяет свою сущность, становясь Кровью Христа, излитой на кресте за спасение мира [6]. Мы не будем вдаваться в подробности этого таинства, ведь это тема отдельного исследования. Лишь отметим, что Христос приобрел многие синкретические функции, ранее принадлежавшие другим божествам, «полномочия» Диониса не стали исключением. Уделим внимание функциям вина в повседневной жизни византийца и тем новым смыслам, которыми его наделили.

Церкви еще долго приходилось бороться с остатками культа Бахуса, имя которого «по невежеству или легкомыслию» упоминали в дни прессования винограда, что зафиксировано в 62 правиле Пято-Шестого Трулльского собора (691/692 гг.) [13, с. 314]. Тем не менее, античные традиции виноградарства и виноделия в Византии сохранились и продолжали существовать, о чем красноречиво свидетельствуют IV–VIII Книги византийской сельскохозяйственной энциклопедии X в. «Геопоники» [3]. При этом чисто агрономические знания тесно переплетаются с народными верованиями: например, чтобы не опьянеть следует «за первой чашей произнести гомеровский стих: Трижды с Идейского Гаргара грозно гремел Промыслитель» [3, Кн. VII, Гл. 31].

Торговля вином, начавшаяся еще в античности и продолжавшаяся в Византии, приносила солидные доходы купцам и производителям. Правила этой торговли и вопросы, касающиеся выращивания виноградников и производства вина, были юридически закреплены в Дигестах Юстиниана (составлены в 530–533 гг.) [4, с. 125, 185, 199, 259, 303, 413, 415, 555; 5, с. 37, 151, 199, 635, 679]. К законодательству Юстиниана, как в целом ко всем правовым актам других императоров в Византии, относились бережно, и они продолжали действовать на протяжении всей длительной истории империи. Соответственно, вино оставалось частью правовой культуры Византии (как пример: [2, с. 67]).

Вино приобретает особую популярность не только как напиток сам по себе, его включали в состав многих лекарственных средств [9, с. 257–296]. Виноградный сок, вино и его осадок, приобретают в представлении византийцев целебные функции, способствующие «увлажнению пищи», «прекращению жажды» и способных помочь при различных заболеваниях (мигрени, болезни печени, абсцессе и др.). В чем-то древние были действительно правы, вино обладает определенным бактерицидным и тонизирующим эффектом, но не следует считать его панацеей, а излишнее употребление чревато для здоровья.

Не забывали византийцы и об опьянении в результате чрезмерного употребления вина [8, с. 235], запрещая продавать его по праздникам и воскресеньям [2, с. 67]. Опасность опьянения заключалась в том, что человек «обуреваемый [этим] демоном» может сказать лишнего, и его неприятели сделают донос на него, и он может потерять все, чем владеет. В данном случае любопытно переплетение представления о физиологически неправильном поведении с государственно опасным проступком. Одновременно такое предостережение не мешало советовать производить больше вина, как один из способов обеспечить достаток [8, с. 235–237; 10, с. 13].

Интересная эволюция отношения к вину в монастырях – от полного отрицания до включения его в ежедневных рацион монахов и даже экспортное производство [1, с. 23; 7, с. 215, 217; 11, с. 705]. Особенно в этом отношении прославились монахи Афона. Иногда монахи перебирали с употреблением вина, к чему в обществе относились крайне негативно и считали правильным насмеяться и порицать это явление.

Если мы обратимся к теме вина в трудах интеллектуалов, то четко увидим уменьшение интереса к воспеванию этого напитка в отличие от античной эпохи. Исключением, пожалуй, является энкомий (восхваление) вину Михаила Пселла [1, с. 23]. Это связано, по всей видимости, с тем, что вино приобретает скорее обыденные свойства (его производят, им торгуют, употребляют, иногда излишне много), оно лишается античной возвышенной привлекательности. Культура употребления разбавленного вина на симпозиумах отличала эллина от варвара, что и находило отражение в поэзии [12]; в Византии же к X в. вино стали пить в чистом виде [11, с. 704], и оно становится напитком всех слоев населения.

Таким образом, в Византии в отличие от античной Греции и Рима произошло кардинальное переосмысление роли вина, произошло четкое разделение его функций на религиозную и бытовую, функции, которые существовали параллельно: одна принадлежит божеству, а вторая мирская. Конечно, в античном мире Дионис, являющийся божеством вина, также потусторонняя сила, но он не был отделен от людей, он существовал вместе с ними, принимая участие во всех действиях связанных с виноградарством и виноделием. Церковь же своим авторитетом и влиянием разграничила роль вина, оставив за собой право трактовать его значение. Вино для жителя империи стало повседневным продуктом, наряду с водой и хлебом: единственный вопрос, который продолжал волновать, это место и качество производимого вина, и доступ к нему. Культура византийского вина не погиб-

ла после падения Константинополя в 1453 г., вино региона Моне-
васия стало известно далеко за пределами Эгейского побережья, его
экспортировали даже в порты Англии [14, с. 45], где оно пользовалось
популярностью, а возможность его покупки являлась знаком опреде-
ленного достатка.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Барабанов Н.Д.* Вино и Византия. Религиозные аспекты восприятия и потребления / Н.Д. Барабанов // VIII Международный Византийский семинар «ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: империя и полис»: материалы науч. конф. – Севастополь, 2016. – С. 21-24.
2. Византийская книга Эпарха / Вступ. ст., пер., ком. М.Я. Сюзюмова. – М.: Изд-во восточной литературы, 1962. – 301 с.
3. Геопоники. Византийская сельскохозяйственная энциклопедия X в. / Введение, пер. с греч. и ком. Е.Э. Липшиц. – М.-Л.: Изд-во АН СССР. – 374 с.
4. Дигесты Юстиниана / [перевод с лат.]; отв. ред. Л.Л. Кофанов, 2-е изд., испр. – М.: Статут, 2008. – Т. II: Книги V-XI. – 622 с.
5. Дигесты Юстиниана / [перевод с лат.]; отв. ред. Л.Л. Кофанов, 2-е изд., испр. – М.: Статут, 2008. – Т. III: Книги XII-XIX. – 780 с.
6. Евхаристия. Часть I // Православная энциклопедия, под редакцией Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravenc.ru/text/348067.html> (дата обращения: 31.05.2020).
7. *Каждан А.П.* Сколько ели византийцы? / А.П. Каждан // Вопросы истории. – М., 1970. – № 9. – С. 215-218.
8. Кекавмен. Советы и рассказы: поучение византийского полководца XI в. / Подготовка текста, введение, перевод с греч., коммент. Г.Г. Литаврина; изд. 2-е, перераб., доп. – СПб.: Алетейя, 2003. – 711 с.
9. *Литаврин Г.Г.* Византийский медицинский трактат XI-XIV вв. // Византийский временник. – М.: Наука, 1971. – Т. 31. – С. 249-301.
10. *Литаврин Г.Г.* Как жили византийцы / Г.Г. Литаврин. – СПб.: Алетейя, 2019. – 256 с.
11. Оксфордское руководство по византистике / Ред. Э. Джеффрис, Дж. Хелдон, Р. Кормак; перевод с англ. В.В. Швец, гл. ред. С.Б. Сорочан. – Харьков: Майдан, 2015. – Вып. 2. – 604 с.
12. *Петрова Э.Б.* Виноградарство и виноделие и демографическая ситуация в архаической Элладe / Э.Б. Петрова // Крымский архив. – Симферополь, 2002. – № 8. – С. 282-290.
13. *Сорочан С.Б.* Византия: парадигмы быта, сознания и культуры / С.Б. Сорочан; учебное пособие. – Харьков: Майдан, 2011. – 952 с.
14. *Шляхтин Р.О.* Как пили византийцы / Р.О. Шляхтин. – М., 2018. – 48 с.

**АРАХНОЛОГИЯ – ОЖИВШАЯ ЛЕГЕНДА
ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ****ARACHNOLOGY – THE REVIVED LEGEND
OF NATURAL KNOWLEDGE**

Кастрыгина Зоя Александровна – аспирантка, г. Симферополь, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, аспирантка кафедры экологии и зоологии

Kastrygina Zoya Alexandrovna – postgraduate student, Simferopol, Crimean Federal V. I. Vernadskiy University, postgraduate student of the Department of Ecology and Zoology. E-mail: zoiac_21@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются мифы и легенды касательно пауков в разных частях мира. Анализируется положительное и отрицательное отношение к арахнидам. Приводятся данные по количеству ныне живущих видов пауков мира и значение их для человека.

Abstract. Discusses the myths and legends about spiders in different parts of the world Analyzes the positive and negative attitude to arachnids. The data on the number of living species of spiders on the world and their significance for human beings.

Ключевые слова: пауки, мифы, легенды.

Key words: spiders, myths, legends.

«Паук – пионер во многих делах на планете Земля. Он первым (на паях со скорпионом) заселил сушу, и эта пара последней, кажется, с неё уйдёт (так как радиации не боится). Он первым без крыльев полетел. Он первым сеть сплёл. Он первым изобрёл беспроводный телеграф, дверь на петле и водолазный колокол. Он ввёл на земле обычай дарить свадебные преподношения, жестикулировать и барабанить серенады, и брачные танцы плясать. Жизнь пауков полна чудес невероятных, как легенда, но удостоверенных, однако, фактами. Разве не стоит паук того, чтобы написать (и прочитать!) о нём книгу?» [Акимускин, 1972].

Человека изначально сопровождали и будут сопровождать мифы: они ему имманентны по самой его сущности. Без них не жило и, ви-

димо, не может жить ни одно общество и ни один человек, будь это общество или этот человек даже воинствующим атеистом [Спиркин, 2004].

Религиозное, философское, научное, легендарное порой переплетаются в причудливую мозаику, когда вопрос касается представителей, по выражению В.И. Вернадского «живой плёнки» суши – паукообразных.

Арахнология, как известно – раздел в зоологии беспозвоночных, изучающий паукообразных. Отряд Aranei шестой по количеству видов среди отрядов животных (всего их около 340). По числу видов пауки уступают лишь четырём отрядам насекомых (жукам, мухам, перепончатокрылым и бабочкам) и клещам. На сегодняшний день отряд включает 48 363 вида пауков из 120 семейств [World Spider Catalog, 2020]. Обитают пауки повсеместно, вплоть до полярных пустынь, во всех наземных биотопах и даже в пресноводных водоёмах и зонах приливов. Паук-скакунчик из рода *Sitticus* забирается на 7300 метров (непальские Гималаи).

Давайте попробуем исследовать ожившую легенду естествознания.

В мифопоэтических традициях всего мира пауку придавали различные образы. Внешний вид и образ жизни арахнид ассоциировали с творческой деятельностью, профессионально-ремесленными навыками, трудолюбием, добрым знамением, мудростью, а также холодной жестокостью, жадностью, злобностью, хитростью и колдовскими способностями. Пауки использовались в магической медицине как для исцеления от болезни человека, так и для наведения на него хвори.

У североамериканских индейцев паук был талисманом младенцев, для оберегания их от какого-либо вреда. Этот факт подкрепляется мифами этих народов о Женщине-Паучихе (Бабушке-Паучихе). Она была первым земным существом, которую создал творец мира для заселения планеты. Воплощение земной мудрости и божественных сил. Человек-паук у североамериканских индейцев связывает воедино Землю и Небо с помощью своих прочных и невидимых нитей. Почитали его как дарователя дождя и защитника от штормов.

Мифы Др. Греции повествуют о том, как Арахна, смертная женщина, поспорила с дочерью Зевса, Богиней Афиной, утверждая, что она лучшая в ткачестве. Обе были превосходны в искусстве ткачества, но Афина разорвала покрывало Арахны. Та повесилась с горя, но богиня её оживила и превратила в паучиху, провозгласив: «Ты будешь вечно висеть и вечно ткать».

Южноамериканские индейцы видели паука как мастера ткача. Благодаря его наглядной работе, ремесло ткачества было одним из

первых, которому научился человек. Согласно древнеиндийской традиции Брахма, подобно пауку, ткёт из самого себя паутину мировых законов. Так паутина выступает образом космической паутины, ткани, первовещества Вселенной. Для народов Западной Африки паук (Ананси) – это старейшее из всех живущих существо.

Способность к передвижению во всех направлениях объясняет постоянно отмечаемый в сказках мотив хитрости паука у восточно-африканцев. В Египте жив ещё местами обычай: на счастье пускать большого паука новобрачным в постель.

Во всех религиях, за исключением христианства, паук выглядит как полезное или даже божественное создание. У мусульман есть предание о том, как паук спас пророка Мухаммеда. Однажды Мухаммед, преследуемый врагами, спрятался от них в темную пещеру. Достигнув пещеры, убийцы хотели, было ее обыскать, но, заметив у входа в нее нетронутую паутину, решили, что там никого нет и, поспешили дальше. С тех пор мусульмане почитают паука как божественное существо, убивать которое – тяжкий грех. Любопытно, что точно такую же историю итальянцы рассказывают о святом Феликсе, японцы – о легендарном герое Иоритомото, а христиане – о чудесном спасении Святого Семейства.

Всем известный фильм «Spider-man» полюбился множеству американцев, в первую очередь. Здесь главный герой имеет сверхспособности, подобно пауку, передвигается между небоскрёбов с помощью паутины. Он спасает людей, которые попали в беду. Тем самым становится любимцем среди жителей города. После выхода данного фильма, подавляющее большинство детей предпочли на новый год именно этот красно-синий костюм. Почему такого рода персонаж не появился первым в европейском кино? Вероятно, идея создания такого героя подпитывалась мифами и легендами американских коренных народов и племен из далекого прошлого, где паук – олицетворение положительного божественного создания.

В христианской Европе паук – злобный символ алчности, хитрости, коварства, кровожадности. Средневековые английские ведьмы, согласно поверьям, с помощью пауков могли повелевать бурями и штормами.

Такое несправедливое отношение к полезному существу можно объяснить только ненавистью христианства ко всему языческому. Впрочем, некоторая негативная оценка паутины звучит и в индуизме, где она является аллегорией «маяя» – хрупкости, иллюзорности и предопределенности земного бытия.

Порой волнующе осознавать, что мы, как и древние люди, античные мыслители наблюдаем за деятельностью пауков. Наверняка, сегодня, так же, как и в далёкие времена, можно двояко видеть паутину относительно нашего бытия. Паук плетет тонкую и замысловатую паутину, как будто напоминая нам о том, что прошлое всегда оказывает неуловимое влияние на настоящее и будущее. Сплетенный узор судьбы зависит от наших мыслей, чувств и поступков. Позиция сидящего в центре своей паутины напоминает нам о том, что мы являемся центром своего собственного мира. Тело паука состоит из двух частей, а не из трех, как у насекомых. Тем самым напоминает цифру восемь. Восьмерка – это символом бесконечности. Она представляет собой колесо жизни, переходящей от одного круга к другому. Паук учит не только тому, как совершать это бесконечное движение, но и тому, как удерживать свое сознание в центральной точке, расположенной между двумя кругами.

Пауки мастерски передвигаются по своим сетям, сохраняя равновесие. Сети могут состоять из разных нитей (липких, сухих, тонких, толстых), в которых он никогда не путается. Этим паук будто показывает нам на правильные и неправильные жизненные пути. Наблюдение за упорной и всегда законченной работой паука вдохновляет человека на продолжение начатого дела.

С развитием арахнологии изменилось и отношение к паукам. Они давно известны как регуляторы численности вредоносной живности, неся куда больше пользы, чем вреда. Сегодня ведутся разработки по использованию паутины для изготовления сверхпрочного материала. В мире большое число людей выбирают себе в качестве домашнего питомца паука. С интересом и восхищением наблюдают за поведением восьминогого друга.

Зачастую человеку необходимо во многом учиться у животных, например, беречь окружающую среду. Необходимо проявлять себя как истинные и притом, высоко нравственные хозяева природы, а не паразитирующие на ней безродные иждивенцы и опустошители.

В конце хочется сказать голосом Природы – Матери:

Я – Природа, Я – Жизнь, Естество бытия,
С мощной силой и самосознанием.
А напыщенный вид, тот венец, кричал: «Я, –
Я – антроп, царь всего мироздания»!
А потом, тот антроп наломал столько дров,
Столько видов исчезло во тьме!
Подрубил даже сук, на котором сидел,
Потому, что лишь прибыль в уме.

Осушил русла рек, засорил небосвод,
 В клетки фауну бодро загнал.
 Растоптал живой «плёнки» несмелый народ,
 И леса вкуче к рукам прибрал.
 Я – Природа! Я – Мать! Неразумных детей
 Научу я в гармонии жить.
 У меня хватит мощных «углов» и «плетей»,
 Чтоб о силе своей заявить!

ЛИТЕРАТУРА

1. *Акимушкин И. И.* Первопоселенцы суши / И. И. Акимушкин. – М.: Мысль, 1972. – 216 с.
2. *Кун Н. А.* Легенды и мифы древней Греции / Н. А. Кун. – М.: Государственное учебно-педагогическое издательство министерства просвещения РСФСР, 1954. – 450 с.
3. *Марусик Ю. М.* Пауки (Arachnida, Aranei) Сибири и Дальнего Востока России / Ю. М. Марусик, Н. М. Ковблюк. – М: Товарищество научных изданий КМК, 2011. – 344 с.
4. *Платицына Т. В.* Женские образы, репрезентирующие архетип Великой Матери, в мифах американских индейцев / Т. В. Платицына // Вестник Бурятского государственного университета. – 2008. – Вып.11. – С. 120-123.
5. *Спиркин А. Г.* Философия: Учебник. – 2-е изд. // А. Г. Спиркин. – М.: Гардарики, 2004. – 736 с.
6. World Spider Catalog.2020. World Spider Catalog. Natural History Museum Bern, online at <http://wsc.nmbe.ch>, version 21.0.

МИРОВОЗРЕНЧЕСКАЯ ОСНОВА В МОЛОДЕЖНЫХ СУБКУЛЬТУРАХ

IDEOLOGICAL BASIS OF THE YOUTH SUBCULTURES

Ершова Юлия Александровна – аспирант, г. Симферополь, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, аспирант кафедры культурологии
Ershova Yulia Alexandrovna – postgraduate student, Simferopol, Crimean Federal V. I. Vernadskiy University, postgraduate student of the Department of Culturology
E-mail: ershova.ershova1994@yandex.ru

Аннотация: Данная статья посвящена рассмотрению роли мировоззренческой основы в молодежных субкультурах. Основное содержание исследования составляет анализ связи субкультурного мировоззрения и мировоззрения доминантной культуры, исторически сложившихся типов мировоззрения и их функционирования в субкультурной среде, а также значимости субкультурного мировоззрения как группообразующего фактора и его трансформации в современных молодежных субкультурах.

Abstract: This article is devoted to the role of worldview in youth subcultures. The main content of the research is the analysis of subcultural worldview and the worldview of the dominant culture, historical types of worldview and their functioning in a subcultural environment, as well as the importance of subcultural worldview as group-forming factor and its transformation in modern youth subcultures.

Ключевые слова: молодежная субкультура, мировоззрение, молодежь, типы мировоззрения

Keywords: youth subculture, worldview, youth, types of worldview

Понятие «субкультура» пришло в философию и культурологию из социологии, занимающейся изучением общества и его внутренних механизмов. Зачастую это понятие ассоциируется только с молодежью, так как именно в данной среде оно проявляется наиболее ярко. Характерной чертой для молодого поколения является стремлением к самовыражению, что и обуславливает популярность молодежных субкультур среди представителей данной возрастной группы. Одним из наиболее значимых факторов, влияющих на образование данных сообществ, выступает идеологический. Он зачастую выражается в

отвержении молодежью социальных норм, принятых ранее, которые более не могут удовлетворять её интересы, вследствие объективных перемен, произошедших в обществе. В результате чего молодежь начинает построение собственных альтернативных мировоззренческих систем и поиск групп со схожими целевыми установками. Следовательно можно отметить, что одной из значимых характеристик, присущих всем молодежным субкультурам, является совокупность внутрисубкультурных мировоззренческих основ.

Вопросы о мировоззрении, общей картине мира, отношении и восприятии внешнего мира человеком, всегда стояли в центре философских проблем. А. Г. Спиркин пишет: «Мировоззрение – это система представлений о мире и о месте в нем человека, об отношении человека к окружающей его действительности и к самому себе, а также обусловленные этими представлениями основные жизненные позиции и установки людей, их убеждения, идеалы, принципы познания и деятельности, ценностные ориентации» [1, с 11]. Мировоззрение, формируясь в сознании конкретного человека, может использоваться как индивидуально, так и в формате общих взглядов на жизнь, используемых различными социальными группами.

Переходя к вопросу о формировании мировоззрения в рамках субкультур, следует отметить влияние на него доминантной культуры, таким образом субкультурное мировоззрение является своеобразной её «производной». А. Я. Флиер, «культура состоит из множества элементов (язык, религия, обычаи, нравы, искусство, хозяйственная деятельность и пр.)... субкультура в основной массе элементов идентична базовой... ее отличает один – два признака ...» [4, частичн. цитата. с.201]. Таким образом можно сделать вывод, что возникновение альтернативного мировоззрения обусловлено тем, насколько высока «концентрация» альтернативных признаков над «нормой». Таким образом, рассматривая мировоззрение в пределах субкультур, следует делать акцент только на его ключевых отличиях от доминантной культуры, определяющих вектор его развития.

Возникновение альтернативного мировоззрения и альтернативной системы ценностей, как утверждает А. Ю. Павлова, может быть спровоцировано двумя причинами. Первая из них характеризуется ощущением и осознанием неполноты доминантной культуры в некоторых ее сегментах, существенных для определенных общностей, в результате этого возникает культурный разрыв, заполняемый альтернативным содержанием. В данной ситуации есть два пути взаимодействия альтернативной и доминантной культуры. Первый – это «инвер-

сия»– выбор одного из вариантов, который, как правило, склоняется в сторону доминантной культуры. В данном случае альтернативная культура либо приспосабливается, либо исчезает (средневековые ереси, хиппи). Однако в истории существуют и довольно яркие примеры, когда победу одерживали альтернативные доминантной культуре идеи (христианство в отношении эллинистической культуры, протестантизм в отношении к католицизму). Второй путь взаимодействия альтернативной и доминантной культуры – это «медиация» – синтез противоположных друг другу идей, дающий мощный импульс к динамичному развитию культуры (идеи христианства в сочетании с идеями античности в эпоху Ренессанса).

Второй причиной Павлова А. Ю. называет «пустоты», образовавшиеся в рамках доминантной культуры ввиду ее трансформации и конфигурационных перестроений. Они заполняются альтернативными, но не противопоставляющими себя доминантной культуре субкультурами. В данном случае доминантная культура и субкультура взаимодействуют, дополняя друг друга, результатом чего является взаимообогащение [3].

Исторически сложились три типа мировоззрения: мифологическое, религиозное и философское[6]. На современном этапе развития общества ученые выделяют также обыденный, религиозный, научный и гуманистический тип мировоззрения [7]. Современная культура не смотря на доминирующий тип мировоззрения, предполагает существование всех вышеперечисленных. В ней могут присутствовать различные элементы, связанные с мифологией и мифотворчеством, в сочетании с элементами, основанными на научных знаниях.

В молодежных субкультурах как и в доминантной культуре, отсутствует «чистый» тип мировоззрения. Данное утверждение может быть рассмотрено на примере готической субкультуры, которая одновременно сочетает в себе мифологический и религиозный типы. Наиболее ярко это проявляется в текстах песен различных готических и околготических групп (цитируются оригинальные тексты песен русскоязычной готической группы «OttoDix»)

Мир омывают тёмные воды.
Хронос в клубок сворачивает время.
Мир нарушает законы природы,
Пытаясь сбросить смертности бремя.
Антихрист уже здесь, среди вас,
Он смотрит на мир из ваших глаз.
В каждом заронил он зерно темноты.
Может быть, он – это я или ты...(Антихрист)

...В чёрной грязи размокает мораль.
Дождь наполняет Священный Грааль.
Ангелы лики свои отвратили.
Через мгновение все их забыли.
Треснули стены, крошится дорога.
Пепел стал заменителем Бога.
Это город-призрак, это город теней.
И здесь тысячи лет не рождалось детей.
Этот город забыт Богом и Сатаной.
Этот город любим только Смертью одной... (Город)

Однако, несмотря на частые отсылки к мифологии и религии, данные типы не являются доминантными и рассматриваются готической субкультурой в качестве экзистенциального осмысления жизни. Важными составляющими готического мировоззрения, как пишет С. В. Косарецкая, является «особый романтично-депрессивный взгляд на жизнь, отражающийся в поведении (замкнутость, частые депрессии, меланхолия, повышенная ранимость), восприятию реальности (мизантропия, утонченное чувство прекрасного, пристрастие к сверхъестественному), отношениях с обществом (непринятие стереотипов, стандартов поведения и внешнего вида, антагонизм с обществом, изолированность от него) [2, с.245].

Часто встречаются случаи совмещения в той или иной степени субкультурного и обыденного мировоззрения. Это доказывает, что субкультура не всегда оторвана от повседневности. Все субкультуры можно условно разделить на две категории по спряжению с обыденностью. К первой категории, относятся те субкультуры, в которых предполагается отделение повседневной жизни от жизни субкультурной [3]. Яркими примерами здесь могут выступать субкультуры байкеров, диггеров, реконструкторов, готов, эмо и др. Основным показателем разрыва в данных случаях являются музыкально-художественные и внешне-атрибутивные особенности конкретных субкультур, под которыми полностью или частично скрывается мировоззренческая основа, вследствие чего у представителей субкультур данного типа не возникает глубокого взаимопроникновения личных мировоззренческих установок с субкультурными.

Для субкультур второго типа характерно совмещение обыденного и субкультурного пространства, связующей основой которых является философско-мировоззренческая база её представителей [3]. Примерами данной категории могут быть субкультуры гопников, бло-

ггеров, хипстеров, воркаутеров и др. Мировоззренческая основа данных субкультур более приближена к обыденной и не имеет настолько прочной философской базы, как у большинства субкультур первого типа. Субкультурам данной категории свойственно совпадение мировоззренческих установок ее представителей и мировоззренческих основ самой субкультуры.

В некоторых случаях при сильном погружении в субкультуру у ее участников происходит слияние субкультурного и обыденного мировоззрения, что приводит к восприятию ими субкультуры как доминантной культуры и определяет их жизненные позиции и ценности.

Выводы. Подводя итоги, можно сказать о том, что субкультурное мировоззрение является одним из ключевых, группообразующих факторов в молодежных субкультурах. Возникшая на основе мировоззрения доминантной культуры, оно отличается рядом признаков, которые могут нести в себе как альтернативные доминантной культуре идеи, так и быть ее дополнением. Ввиду своих особенностей субкультурное мировоззрение имеет более высокие темпы динамики развития, чем мировоззрение доминантной культуры. Все молодежные субкультуры отличаются друг от друга типом мировоззрения, который, как правило, основывается на сочетании нескольких мировоззренческих типов, что и приводит к уникальности каждой из субкультур.

Рассматривая молодежные субкультуры, возникшие за последнее десятилетие, можно отметить сильные изменения, касающиеся значимости мировоззренческой основы как группообразующего фактора. Современные субкультуры не обладают теми признаками, которые характеризовали их несколько десятков лет назад. Многие исследователи данной темы сходятся во мнении, что их нельзя называть подлинными субкультурами, и определяют их как «культурные миксы». На данном этапе они уже не являются объединениями единомышленников, пытающихся донести обществу свои взгляды, для которых нестандартный внешний вид был необходим лишь для привлечения внимания и самоидентификации. С приходом Интернета в жизнь молодежи, субкультуры все чаще стали основываться только на внешних атрибутах. Практически исчез и такой группообразующий фактор как музыка, в котором также прослеживалась мировоззренческая составляющая. На сегодняшний день молодежные субкультуры практически лишены мировоззренческой основы. В некотором смысле они стали «масками», которые человек может легко надевать и снимать. Также достаточно часто встречается фрагментарное вхождение в субкультуру, при которой человек может состоять в нескольких субкультурах одновременно, что еще раз подчеркивает отсутствие сильного мировоззренческого ядра в современных молодежных субкультурах.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абовский, Н. П.* Системный подход в научно-техническом творчестве [текст] / Н. П. Абовский, А. Я. Воловик – Красноярск: «Строй издат. Красноярское отделение», 1989 – 116 с.
2. *Косарецкая С.В., Косарецкий С.Г., Синягина Н.Ю.* Неформальные объединения молодежи: Профилактика асоциального поведения.– СПб.: КАРО, 2006.– 400с.
3. *Павлова, Александра Юрьевна.* Мировоззренческие основы субкультур в современной России : диссертация ... кандидата культурологии : 24.00.01 / Павлова Александра Юрьевна; [Место защиты: Челяб. гос. акад. культуры и искусства].– Челябинск, 2012.– 190 с.: ил. РГБ ОД, 61 12-24/130
4. *Флиер, А. Я.* Культурология для культурологов: учебное пособие для магистрантов, аспирантов и соискателей [текст] / А. Я. Флиер. – М.: «Согласие», 2010 – 672 с.
5. Мировоззрение и философия.[Электронный ресурс]/ Режим доступа: <http://www.grandars.ru/college/filosofiya/mirovozzrenie-i-filosofiya.html>
6. Мифологическое, религиозное и философское мировоззрение. [Электронный ресурс]/ Режим доступа: <http://www.grandars.ru/college/filosofiya/mifologicheskoe-mirovozzrenie.html>
7. Мировоззрение и его структура. [Электронный ресурс]/ Режим доступа: <http://www.grandars.ru/college/filosofiya/mirovozzrenie.html>

**СЕМИОТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИЗУЧЕНИЯ ТЕКСТА
(ПО Ю. М. ЛОТМАНУ)**

**SEMIOTIC ASPECT OF TEXT STUDY
(ACCORDING TO Y. M. LOTMAN)**

Романова Екатерина Сергеевна – аспирант 1 года обучения, г. Симферополь, Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, Таврической академии (структурное подразделение), кафедра русской и зарубежной литературы

*Romanova Ekaterina Sergeevna – 1-year postgraduate student, Simferopol, Crimean Federal V. I. Vernadskiy University, Tauride Academy (structural division), Department of Russian and foreign literature
E-mail: romanovae1996@mail.ru*

Аннотация: Темой нашего исследования является «Киммерийский текст в творчестве М. А. Волошина». Понятие текста в данном контексте затрагивает не только литературоведческий, но и культурологический, и философский аспект. Именно поэтому становится интересным проследить понятие текста в целом, через призму взглядов Ю. М. Лотмана – одного из величайших семиологов XX века.

Abstract: the Topic of our dissertation is “the Cimmerian text in the works of M. A. Voloshin”. The concept of text in this context affects not only literary studies, but also cultural and philosophical aspects. That is why it becomes interesting to trace the concept of the text as a whole, through the prism of the views of Y.M. Lotman – one of the greatest semiologists of the twentieth century.

Ключевые слова: семиотика, знак, текст, семиотика культуры.

Keywords: semiotics, sign, text, semiotics of culture.

Семиотика – наука о знаках – изучает свойства искусственных и естественных знаковых систем. Под знаковыми системами может пониматься как обычный, разговорный язык, так и язык программирования, например. В энциклопедическом словаре С. Н. Зенкина находим: «Семиотика рассматривает культуру с точки зрения ее функционирования как знаковой системы» [1].

Толчок в развитии семиотика как наука получила в трудах Чарльза Пирса и Фердинанда де Соссюра. Пропагандировали идеи своих учи-

телей их последователи (коих было немало): Московский и Пражский лингвистический кружок, Французская семиотическая школа, Тартуская школа. Одним из наиболее плодотворных представителей тартуско-московской школы стал именно Юрий Михайлович Лотман.

В развитии семиотики в период с конца 80-х годов и по начало 90-х годов XX века Ю. М. Лотман отмечает две тенденции. Одна из них имеет целью уточнение исходных понятий. Это стремление к созданию точной модели приводит к образованию метасемиотики. При этом в объектив исследователя попадают не сами тексты, а их модели, модели моделей и т.п. Другая тенденция останавливает своё внимание на функционировании реального текста в семиотическом аспекте. Таким образом, устанавливается своеобразное противоречие: первый подход пытается устранить случайные признаки с помощью создания определённой модели, а второй подход делает частные тексты предметом пристального внимания.

Ю. М. Лотман отмечает: «Как первая тенденция получает реализацию в метасемиотике, так вторая закономерно порождает семиотику культуры» [2].

Под семиотикой культуры учёный понимает рассмотрение взаимодействия семиотических систем, устроенных разными способами, внутреннее неравенство данного пространства, а также необходимость семиотического полиглотизма. Оформление семиотики культуры значительно сдвинуло традиционные представления о семиотике. Именно так понятие текста существенно трансформировалось. Согласно первоначальным определениям текста, он трактовался как нерасчленимое единство функций в определённом культурном контексте или другие высказывания, подчёркивавшие одно: текст – это высказывание на любом языке. Такие определения текста, по мнению учёного, лишь подчёркивали его сигнальную природу. И первая брешь в этом очевидном видении была пробита при анализировании понятия текста в контексте семиотики культуры. Стало понятно, что для определения сообщения «текстом» оно должно быть закодировано дважды, как минимум. В качестве примеров Ю. М. Лотман приводит такие слова как «закон» и «молитва». Первое слово принадлежит одновременно и юридическому, и естественному языку. В обычном языке это слово представляет собой целую цепочку знаков с разными значениями, а в языке юриспруденции – сложный знак определённого типа, имеющих одно значение.

Учёным предполагается, что изначально фраза на естественном языке была первичной, затем, очевидно, следовало его превращение в

формулу-ритуал, закодированную уже не первичным, но вторичным языком. Следующим этапом являлось соединение каких-либо формул в текст второго порядка. Особым структурным смыслом наделялись такие случаи, когда происходило соединение текстов принципиально разных языков, например, словесная формула и ритуальный жест. Получающийся в результате текст второго порядка включал в себя расположенные на одном иерархическом уровне подтексты на разных, взаимно не выводимых друг из друга языках. Так, возникновение текстов типа «ритуал», «обряд», «действие» приводило к совмещению принципиально различных типов семиозиса. Как результат – возникновение проблем перекодировки, эквивалентности, сдвигов в точках зрения, совмещения различных «голосов» в едином текстовом целом. Юрий Михайлович Лотман отмечает: «Следующий в эвристическом отношении шаг – появление художественных текстов» [2]. Многоступенчатый материал получает дополнительное единство при пересказах на языке искусства. Таким образом, ритуал превращается в балет, сопровождаясь переводом всех подтекстов на язык танца. Языком танца передаются жесты, действия, слова и крики, сам танец, который при этом семиотически «удваивается». Эта полиструктурность сохраняется, она становится как бы упакованной в единоструктурную оболочку сообщения на языке искусства.

И дальнейшее развитие текстов художественного типа направлено на увеличение внутренней неоднородности. Произведения становятся противоречивыми, число контрастных подтекстов возрастает. Всё это также влияет на историко-литературную эволюцию.

Ю. М. Лотман делает важное для нас замечание о том, что понятие текста, которое даётся в контексте семиотики культуры, не противоречит принятому в лингвистике определению текста. В качестве аргументации учёный приводит факт о том, что в обоих определениях текст фактически кодируется дважды: «на естественном языке и на метаязыке грамматического описания данного естественного языка» [2]. В качестве примера рассматривается устная речь, которая не рассматривалась в качестве текста, хотя и является бесспорным носителем естественного языка. Парадокс состоит в том, что широкоизвестное определение текста Л. Ельмслевем как всё, что может быть сказано на датском языке подразумевало «на правильном датском языке». А важное введение устной речи в круг текстов подразумевало создание специального метаязыкового для нее адекватата. К числу прочих важных тенденций текста следует причислить стремление к интеграции, или превращения контекста в текст (цикл лирических произведений) или, наоборот, превращение текста в контекст (части романа становятся отдельными единицами, как «Великий Инквизитор», по-

мещённый на страницы книги Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы»). Здесь очень важным остаётся восприятие читателя, которое нередко не сходится с ожиданиями писателя.

В художественном произведении структура текста значительно сложнее, нежели в других типах текста. Неоднородный, подчас неоднозначный текст способен вступать в сложные отношения не только с читателем, но и с окружающим его культурным контекстом. Так художественный текст перестаёт быть простым сообщением «адресант – адресату». Текст приобретает внутреннее интеллектуальное устройство и передаёт вложенную автором информацию, а также выработывает новые сообщения и трансформирует их.

Ю. М. Лотман сводит социально-коммуникативную функцию текста к пяти процессам.

1. Общение между адресантом и адресатом. Такой текст представляет собой сообщение, направленное от носителя информации к слушателю.
2. Общение между аудиторией и культурной традицией. Текст содержит в себе коллективную культурную архетипичную память. Так текст приобретает сразу две важные функции: пополнение новыми смыслами и актуализация одних смыслов на фоне забвения других.
3. Общение читателя с самим собою. Текст помогает читателю выстраивать личность именно за счёт этой функции. Он выступает чем-то сродни медиатору, который эксплицирует те или иные стороны личности адресата.
4. Общение читателя с текстом. Высокоорганизованный текст перестаёт быть простым посредником в акте коммуникации. Он становится равноправным собеседником, обладающим высокой степенью автономности. Вспоминается метафора «беседовать с книгой», которая оказывается исполненной глубокого смысла.
5. Общение между текстом и культурным контекстом. Текст выступает в акте коммуникации не как сообщение, а в качестве его полноправного участника. Отношения текста к культурному контексту могут иметь метафорический характер, когда текст воспринимается как заменитель всего контекста, которому он в определенном отношении эквивалентен, или же метонимический, когда текст представляет контекст как некоторая часть – целое. Причем, поскольку культурный контекст – явление сложное и гетерогенное, один и тот же

текст может вступать в разные отношения с его разными уровневными структурами.

Подводя своеобразный итог, следует отметить, что текст не столько являет собой реализацию простого сообщения на любом языке, сколько сложное и многообразное устройство. Текст является хранителем кодов, архетипов, текст способен трансформировать сообщения и порождать новые, текст обладает чертами интеллектуальной личности». Ю. М. Лотман выводит более точную и, на наш взгляд, корректную формулировку текста: вместо формулы «потребитель дешифрует текст» возможна более точная – «потребитель общается с текстом». Читатель и текст вступают в тесный контакт, процесс дешифровки сообщения не всегда прост и более схож на общение человека с другой автономной личностью.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Зенкин, С. Н.* Культурология XX век [Электронный ресурс] / С. Н. Зенкин// Сайт «gufo.me». – URL: <https://gufo.me/dict/culturology/Семиотика> (дата обращения: 11.05.2020).
2. *Лотман, Ю. М.* Семиотика культуры и понятие текста [Электронный ресурс] / Ю. М. Лотман// Сайт «philology.ru». – URL: <http://philology.ru/literature1/lotman-92b.htm>(дата обращения: 11.05.2020).
3. *Лотман, Ю. М.* Анализ поэтического текста: Структура стиха: Пособие для студентов / Ю. М. Лотман. – Л.: Просвещение, 1972. – 271 с.
4. *Лотман, Ю.М.* Внутри мыслящих миров. Человек текст–семиосфера–история/ Ю. М. Лотман. – М.: «Языки русской культуры», 1999. – 464 с.
5. *Лотман, Ю.М.* О русской литературе/ Ю. М. Лотман. – СПб.: «Искусство – СПб», 1997. – 848 с.

**ОСОБЕННОСТИ КОРРЕЛЯЦИИ ЭТИЧЕСКИХ
ПРОБЛЕМ В БИОГРАФИИ И ТВОРЧЕСТВЕ ВИРДЖИНИИ
ВУЛФ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ «ОРЛАНДО»,
ПОСВЯЩЕННОГО ВИТЕ СЭКВИЛЛ-УЭСТ).**

Языкова Татьяна Владимировна – аспирант кафедры русской и зарубежной литературы, факультет славянской филологии и журналистики, Таврическая академия, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Yazykova Tatiana Vladimirovna – Postgraduate student of the Department of Russian and Foreign Literature, Faculty of Slavic Philology and Journalism, Tavricheskaya Academy, V.I.Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol

Аннотация. Данная статья посвящена исследованию влияния личной жизни Вирджинии Вулф, а именно, её романа с Витой Сэквилл-Уэст, на её творчество – романизованную биографию-пародию «Орландо». Цель работы: рассмотреть взаимосвязь особенностей личной жизни Вирджинии Вулф и скрыто выдвигаемых ей в «Орландо» альтернатив типичным отношениям мужчины и женщины. Использованные методы: биографический и литературоведческий анализ в рамках феминистского и лесбийского подходов к творчеству писательницы. В результате исследования выдвигается гипотеза о том, что под влиянием своих лесбийских отношений с Витой Сэквилл-Уэст Вирджиния Вулф не только пишет произведение «Орландо», но и завуалированно выдвигает в нём идею превосходства парадигмы гермафродитов и связанных с ней более свободных и разноплановых отношений над традиционной моделью отношений мужчины и женщины.

Ключевые слова: любовь-слияние, любовь-отражение, социальные нормы, андрогиния Платона, парадигма гермафродитов, «третье пространство», нетрадиционные отношения.

Summary. This article contains a study of the influence of Virginia Woolf's personal life (her romance with Vita Sackville-West) on her literature work, a novelized biography-parody *Orlando*. The aim of the article is to find a correlation between her personal life and disguised ideas on alternative relationship between the sexes that can be found in *Orlando*.

Methodology used: biographical and literary analysis in the context of feminist and lesbian approaches to the works by Virginia Woolf. As a result of the study a hypothesis is set up that Virginia Woolf, being under the influence of her relationship with Vita Sackville-West, not only writes *Orlando*, but also advances in it the idea of superiority of the hermaphrodite paradigm and related with it more varied and free relationship over the traditional model of the sexes' relationship.

Key words: love-fusion, love-reflection, social norms, Plato's androgynies, hermaphrodite paradigm, «third space», non-traditional relationship.

Творчество Вирджинии Вулф – выдающейся писательницы-модернистки – широко известно и изучается как в Великобритании, так и в отечественном литературоведении. Д. А. Протопопова в обзоре англоязычной критики о Вирджинии Вулф приводит 11 основных подходов к изучению творчества писательницы, выделенных в сборнике «Вирджиния Вулф: литературно-критические исследования» под редакцией Анны Снейт [9]: биографический, исторический, анализ в контексте модернизма, психоаналитический, феминистский, библиографический, нарратологический, постмодернистский и постструктуралистский, лесбийский, постколониальный и, наконец, изучение восприятия творчества Вулф в Европе [3, с.177]. Биографы не могут игнорировать феминистский аспект ее творчества, поскольку писательница проявляла особый интерес к вопросам женского творчества. Рассматриваемое в данной статье произведение «Орландо» – это не просто женская биография, и не только женская биография: ведь главный герой сначала юноша-поэт, который через некоторое время превращается в женщину. Это романизованная биография-пародия, пародия на классическую викторианскую биографию, которая читается как роман. Однако, сама Вирджиния Вулф писала в своём дневнике: «Как бы то ни было, я рада, что на этот раз избежала написания «романа»; и надеюсь никогда больше не приниматься за него снова» [8].

Нам представляется актуальным обращение к творчеству Вирджинии Вулф в целом и к произведению «Орландо» в частности, потому что сегодня, в ситуации постмодернизма и метамодернизма стираются границы между мужчиной и женщиной, нормой становятся гомосексуальные и транссексуальные отношения – то, о чём завуалированно писала Вирджиния Вулф в 20-е годы XX века, ибо темы эти были ещё табуированы. Можно сказать, что писательница осторожно прощупывала почву в этой неоднозначной теме, пытаясь найти ответы на вопросы, которыми задаются и современные писатели, но уже на более «продвинутом» уровне: является ли традиционный институт брака между мужчиной и женщиной единственным приемлемым для

общества вариантом отношений? Можно ли вообще откинуть нормы любви и брака, создать нечто новое, кардинально отличающееся от общепринятого в этом вопросе? Может ли любовь существовать вне норм, в ситуации, когда всё относительно и всё возможно? И самый главный вопрос: способны ли такие новые отношения, свободные от общепринятых условностей, привести к счастью и гармонии?

В нашей статье мы рассмотрим влияние личной жизни Вирджинии Вулф (а именно, её романтических отношений с Витой Сэквилл-Уэст) на её произведение «Орландо» в рамках феминистского и лесбийского подходов.

Методы исследования: биографический и литературоведческий анализ.

Известно, что в браке Вирджинии и Леонарда Вулф практически не было сексуальных отношений. В данной статье мы не ставим целью разобраться в причинах этого. Наша цель – рассмотреть взаимосвязь особенностей личной жизни Вирджинии и скрыто выдвигаемых ей в «Орландо» альтернатив типичным отношениям мужчины и женщины.

Познакомились Вита и Вирджиния 14 декабря 1922 года в гостях у Клайва Белла, мужа родной сестры Вирджинии Вулф Ванессы. Вита была женой дипломата Гарольда Николсона, с которым у неё был так называемый «открытый брак», допускающий связи на стороне. О том, что Вита – лесбиянка, Вирджиния узнала довольно быстро. Тогда было модно быть «саффисткой»: это расценивалось как нечто новое, свободное от душных норм викторианской морали. Испытав крах в традиционных отношениях ещё во время медового месяца, Вирджиния оказывается не против экспериментов. Дамы друг другу понравились: обе были писательницами, из одного круга, входили в группу Блумсбери, обе были «ослепительны» (судя по их записям в своих дневниках). Вирджиния писала (запись в дневнике от 21 декабря 1925 года): «Мне она нравится, и нравится быть с ней. И нравится её ослепительность: она, точно яркая свечка, освещает сумрачное помещение в продовольственной лавке в Севен-Оукс... Ей есть что сказать в любой компании, в ней есть материнская теплота, иными словами... она – настоящая женщина. И в то же время – сладострастница, в ней сколько угодно чувственности, но нет созерцательности. Проницательностью и глубокомыслием она мне уступает. Пишет со знанием дела, но медным пером» [5, с.187]. Вита объясняла чувства Вирджинии к себе нелюбовью подруги ко всему мужскому и приверженностью борьбе за права женщин, потому что лесбийская эроти-

ка была для Вирджинии частью женской эмансипации. Вита писала в письме к мужу от 17 августа 1926 года: «Я люблю её, но не могу влюбиться в неё, поэтому не нервничай. <...> Любовь к Вирджинии – это совсем другое. Это любовь – умом, интеллектом, душой, если угодно. Вирджиния вызывает к себе чувство нежности, и чувство это обусловлено забавным сочетанием в ней силы и слабости. Сила прорастает от рассудочности, слабость же – от страха вновь лишиться рассудка» [5, с.188]. Их роман прошёл несколько этапов – от любовных заигрываний к физической любви, а затем к постепенному угасанию. Их восхищение друг другом вылилось в романтические отношения, которые со временем сошли на нет, но близкую дружбу Вита и Вирджиния пронесли до конца жизни. Они постоянно виделись, приезжали друг к другу в гости, обменивались письмами и подарками, просили профессионального творческого совета друг у друга. Неудивительно поэтому, что, едва задумав «Орландо» как завуалированную фантастическую биографию Виты, Вирджиния ей первой рассказала о собственном замысле: «Вся книга будет о тебе, – пишет она Вите. – О тебе, о вожаденной твоей плоти, притягательной силе твоего ума» [7, с.149-150]. Изначально задумав «Орландо» как короткую шутку, писательница увлеклась и закончила произведение на 10 месяцев позже запланированного срока, и это была уже не просто шутка, а сатира и вполне серьёзная вещь. Вот как сама Вирджиния Вулф отзывалась о своём произведении: «Повесть, начатая 8 октября в виде шутки, теперь растянулась, и даже, на мой вкус, слишком. Теперь она – ни то, ни сё, слишком длинна для шутки и слишком игрива для серьёзной книги... Я начала книгу как шутку, а закончила всерьёз. Оттого-то в ней и нет единства» [7, с.159-160].

О чём же книга? О юноше по имени Орландо, который живёт на протяжении 300 лет, меняя при этом свой пол. Орландо – мечтатель-поэт, который, как и любой человек в течение жизни, проходит этапы романтических отношений – от платонической влюблённости до рассудочного отношения к чувствам. Однако в отличие от всех людей, Орландо выпадает шанс испытать чувства как в образе мужчины, так и женщины. Будучи рождён в знатном семействе в Англии в 16 веке, Орландо в возрасте тридцати лет преобразуется в героиню, восстав от сна, который длился много дней. В пору своей юности Орландо, как пишет А. Я. Ливергант, «мучается от тоски и неразделённой любви к обворожительной, но неверной и коварной московитянке, похожей «на ручей, на мураву, на волны» » [2, с.322]. Первые любовные опыты Орландо отмечены романтическими идеалами и стремлением к самореализации, что исключает развитие двух равных позиций в отношениях. Первая любовь Орландо к Саше может быть определе-

на как «любовь-слияние» или «любовь-отражение», потому что основана на очарованности собственным образом и нарциссических эмоциях. Орландо старается делать всё возможное, чтобы ожидания и устремления его возлюбленной совпадали с его собственными. Он чувствует себя неуверенно в любовных отношениях, постоянно балансируя между преувеличенным энтузиазмом и депрессией, потому что он не может контролировать сложную личность Саши и её загадочное прошлое. Он отталкивает Сашу своей ревностью. Как пишет Алья Адам, «в отношениях с Сашей Орландо не устанавливает обмен или открытое пространство, которые бы позволили личности развиваться, то пространство, которое бы потеснило традиционную онтологию Единства» [4].

После того, как Орландо берет себя в руки после исчезновения Саши, его охватывает страсть к Гарриет, которая, как выясняется много лет спустя, совсем не Гарриет, а Гарри – мужчина, переодетый в женщину только для того, чтобы завоевать Орландо. Здесь автор «Орландо» выводит на передний план два типа любви: «земную» и «небесную», которые взаимоисключают друг друга, но в то же время неизбежно связаны. Когда Орландо увидел Гарриет, его любовь превратилась в черную, волосатую и плотскую, поэтому он решает убежать. На тот момент, когда Орландо влюбляется в Гарриет, у него ещё нет опыта пребывания мужчиной и женщиной. Орландо не сдает своих позиций Мужчины как лидирующей формы выражения, которую он унаследовал от своих предков. Вместо этого он сбегает в Константинополь в качестве английского посланника, где с ним и происходит смена пола после многодневного сна.

Затем мы обнаруживаем Орландо в 19 веке, в то время, когда романтическая любовь становится значительной частью супружеской жизни. Рассказчик игриво спрашивает, кто же это придумал любовь и романтические ухаживания таким образом, что они вдруг стали центральной частью партнерских отношений или брака. В «Орландо» Вирджиния Вулф насмехается над браком, естественным телом, поведением и дресс-кодом, а также над романтической любовью. Автор «Орландо» пародирует гетеросексуальные условности, которые только укрепляют иерархическое разделение сексуальных ролей. Уничтожая границы между мужским и женским полом, когда Орландо превращается в женщину, меняя свой пол за одну ночь, автор смеется над условностями. Вместе с этим, Орландо путешествует во времени и живёт в разные исторические периоды. Читая «Орландо», мы узнаём, что жизнь главного героя или героини определяется страстью к

писательству и любовным приключениям вне зависимости от пола. Орландо подчиняется нормам и требованиям этого периода и выходит замуж. Однако в её действиях нет ничего романтического: она решает выйти замуж, потому что испытывает неприятное покалывающее ощущение в пальце на левой руке, там, где должна носить обручальное кольцо, а это мешает ей писать. Тем не менее, в последней части романа протагонист в своей лирической исповеди признаёт, что ей удалось сочетать любовь к писательству со страстью к Шелмердину. Однако важно понимать, что автор даёт понять читателю, что когда Орландо выходит замуж за искателя приключений Шелмердина, она оказывается в нетрадиционных любовных отношениях, которые предлагают ей пространство для того, чтобы развиваться свободно и независимо – здесь влюблённые не ограничены социальными моделями и любовными схемами, которые исходят от их окружения. В своих отношениях они оба вольны выразить свои сексуальные идентичности, которые состоят из многих компонентов и не могут быть поэтому чётко определены. Аля Адам в статье «Метаморфозы пространства желания в произведении Вирджинии Вулф «Орландо»» объясняет, что Шелмердин – это тот мужчина, «который вышел за рамки генитального доминирования, и эта новая форма позволяет ему увидеть мир через женскую перспективу» [4]. Шелмердин, который появляется в романе как маргинальная фигура, представляет собой потерянную мужественность, но в то же время он мужчина, который становится женщиной. Исследователь использует определение Делеза о «становлении женщиной», в котором утверждается, что этот процесс означает ослабление предопределённых сексуальных установок, которые определяются социальным порядком [4; 1; 6]. Аля Адам делает вывод, что Вулф хотела передать мысль о том, что если желание в любовных отношениях находится на уровне страдания и ограничено запретами, это хуже, чем желание в отношениях, которые основаны на создании расстояния между двумя равными субъектами, и второй вид отношений может быть продуктивным и порождать новые договоренности, идеи и связи. Свободное пространство, где желание порождает новые связи, это то пространство, где происходит обмен и диалог. В романе любовные отношения трансформируются, когда Орландо вступает в отношения с Шелмердином, который позволяет ей ощущать её аутентичную сексуальную идентичность. Оказывается, что Орландо и Шелмердин оба являются гермафродитами: они мужчина и женщина одновременно; однако, они не объединяют две противоположности в одно целое, но рассматривают дистанцию между ними как нечто, что позволяет им существовать внутри отношений как двум различным индивидуальным сущностям. Эти различные сущности не могут быть

объединены в одно гармоничное целое, и всегда существует пустое пространство между ними. Это то место, где значения не могут быть четко определены, и слова не могут быть окончательными. Пустое пространство между двумя людьми не имеет ничего общего с четким разделением на «чисто женственное» или «чисто мужественное», это *парадигма гермафродитов*. Можно предположить, что Вулф вводит понятие множества, противопоставляя его гетеросексуальной нормативной матрице. Только полюбив Шелмердина, Орlando оказывается в нетрадиционных отношениях, которые, в отличие от романтических отношений, где влюблённые сливаются в одно целое, основаны на создании третьего пространства и выстраивают расстояние между двумя индивидуальностями. Это третье пространство предоставляет свободу для переоценки сексуальной идентичности и процесса становления, который требует того, чтобы человек препарировал и исследовал собственную сексуальность. В произведении «Орlando» парадигма гермафродитов одновременно привязана к динамике сексуальных идентичностей и динамике любовных отношений, внутри которых Орlando и Шелмердин становятся свободными от разрушительного желания, которое преследует романтических героев или героинь, или андрогинов Платона. Парадигма гермафродитов открывает пространство для создания новых и интересных форм любви, с точки зрения Вирджинии Вулф. Исходя из всего вышеизложенного, вполне вероятно, что сама автор «Орlando» считала, что запрет различий или избавление от различий путём унифицирования модели субъективизма, слияния в одно Целое приносит с собой внутреннее разделение в самом субъекте, которое приводит к потере себя. И наоборот, когда есть расстояние между двумя влюблёнными, это так называемое «третье пространство» позволяет влюблённым существовать внутри этих отношений как двум самостоятельным личностям, вне зависимости от их пола.

Таким образом, нам представляется вполне уместным вывод о том, что под влиянием своих лесбийских отношений с Витой Сэквилл-Уэст Вирджиния Вулф не только пишет произведение «Орlando», но и завуалированно выдвигает в нём идею превосходства парадигмы гермафродитов и связанных с ней более свободных и разноплановых отношений над традиционной моделью отношений мужчины и женщины.

Однако реальная жизнь Вирджинии Вулф не может служить доказательством этой теории. Не найдя счастья в традиционных отношениях, писательница оказывается неспособной найти гармонию и в нетрадиционных связях, несмотря на скрытые философские рас-

суждения о самодостаточности участников парадигмы гермафродитов. Будучи склонной к депрессиям и имея нестабильную психику, Вирджиния Вулф совершает самоубийство в 1941 году. И на наш взгляд, следует быть крайне осторожными с подобного рода теориями, которые так популярны сегодня, ведь они вполне могут завести в тупик. Если счастье недостижимо для определённого индивида на определённом жизненном этапе в традиционных моделях семьи и брака, это вовсе не означает, что оно в принципе невозможно для него или для других. Возможно, время не пришло; возможно, следует поменять не дорогу, а себя – критически отнестись к тому, что я могу сделать для партнёра, а не требовать соответствия партнёра своим требованиям или менять партнёра на представителя одноимённого с тобой пола. Ведь поменяв дорогу, никогда нельзя быть уверенным в том, что в конце неё не тупик.

ЛИТЕРАТУРА

1. Делез Ж. Платон и симулякр //Новое литературное обозрение. – М. – 1993. – №5. – С. 55–61.
2. Ливергант А. Я. Вирджиния Вулф: «моменты бытия»/ Александр Ливергант. – Москва: Издательство АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2018. – 445 с. – (Литературные биографии).
3. Протопопова Д. А. Современная англоязычная критика о Вирджинии Вулф (обзор). – 2009 //Режим доступа URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/2009-04-036-sovremennaya-angloyazychnaya-kritika-o-virdzhinii-vulf-obzor/viewer>
4. Adam, Alja. Metamorphosis of Space of Desire in Virginia Woolf's *Orlando*. – 2015//URL:https://www.academia.edu/7296907/Metamorphosis_of_Space_of_Desire_in_Virginia_Woolfs_Orlando
5. Nicolson, Nigel. Portrait of a Marriage. – Phoenix, 1992.
6. Ryan, Derek. Mattison, Laci. Introduction: Deleuze, Virginia Woolf and Modernism// Deleuze Studies 7.4. – 2013. – PP.421-426. Режим доступа: URL: https://www.academia.edu/3821199/Deleuze_Virginia_Woolf_and_Modernism
7. The Diary of Virginia Woolf. Ed. by Anne Olivier Bell. Introduction by Quentin Bell. – New York: Hartcourt Books, 1984.
8. The Diary of Virginia Woolf. Volume III: 1925-1930. L, 1980. P. 185. Запись от 31.05.1928.
9. Virginia Woolf studies / Ed. by Snaith A. – L.: Palgrave Macmillan, 2007.
10. Woolf, Virginia. Orlando: A Biography. – Wordsworth Classics, 2003.

**СРАВНЕНИЕ СИМВОЛА СЕРДЦА В АРАБСКОЙ
И РУССКОЙ КУЛЬТУРАХ****COMPARISON OF THE HEART SYMBOL IN ARABIC
AND RUSSIAN CULTURES**

*Аль-Сулами Альтагер Рагеб – аспирант 1 года,
г. Симферополь, Крымский федеральный университет
имени В.И. Вернадского, медицинская академия имени
С.И. Георгиевского кафедра хирургии*
*Al-Sulami Altager Rageb – 1 year postgraduate student,
Simferopol, Crimean Federal University named after
V.I. Vernadsky, Medical Academy named after S.I.
Georgievsky Department of Surgery. E-mail: xlighton@
gmail.com*

Аннотация: Сердце, являясь одним из основных органов человека, на протяжении всего времени несло с собой особый символ в разных культурах и нациях. Олицетворяя собой основные мысли, чувства и эмоции, «сердце» отложило свой отпечаток даже на такие консервативные культуры, как арабская и русская. В статье приведен сравнительный анализ символа «сердца», в двух совсем разных, но объединенных, одним «словом», культурах.

Abstract: The heart, being one of the main organs of human, throughout all time carried with it a special symbol in different cultures and nations. Embodying the basic thoughts, feelings and emotions of the “heart”, it has left its imprint even on such conservative cultures as Arabic and Russian. The article provides a comparative analysis of the symbol of the “heart”, in two completely different, but united, in one “word”, cultures.

Ключевые слова: Сердце, Арабская культура, Русская культура.

Key words: Heart, Arabic culture, Russian culture.

В человеческой культуре, сердце носит очень символический характер. Зачастую оно несет схожий смысл в разных расах, культурах и национальностях. Однако если взглянуть на данный вопрос более детально, то можно выявить некоторые отличия у разных народов и наций.

Касаясь русской культуры, среди символов которых сердце занимает одно из центральных мест, неся с собой не только основания, но

и глубокий смысл человеческого бытия, а так же соединение высокодуховных и моральных составляющих этой культуры. «Сердце» – центральная фигура во многих богословских и философских трудах, о нем до сих пор размышляют писатели, философы, натуралисты, и даже врачи. Ведь некоторые патологические состояния имеют тесную связь с теми эмоциями и чувствами, что символизируют для нас наши сердца. И иногда, казалось бы не связанные с телом духовные переживания, могут выливаться в серьезные физические заболевания. Например «болезнь разбитого сердца» или кардиомиопатия Такацубо является ярким, доказанным фактом взаимосвязи душевных переживаний и фактического заболевания сердца. В арабском мире тема связи сердца с духовным и физическим здоровьем занимает особую нишу. Пересадки органов были под запретом, особенно пересадка сердца. Лишь спустя время люди поняли что прогресс несет лишь пользу, и воспринимать его следует соответственно.

С внедрением таких современных технологий как пересадка сердца, люди стали искать некую «особую» связь с этим открытием. В литературе описано немало интересных, а порой и чудесных фактов. Так, например, у человека который никогда не интересовался музыкой, после пересадки сердца музыканта, открывались таланты к игре на определенных музыкальных инструментах. Подобных фактов наблюдается огромное количество. Возможно это звучит как фантастика, однако если взглянуть на данный вопрос с сугубо научной точки зрения, то каждый человек обладает своим собственным кодом ДНК, заложенным в каждой клетке его организма. После пересадки же в организме человека появляются клетки с другим генетическим кодом ДНК, что заставляет задуматься правдивости и научной обоснованности этого факта. Дискуссии, споры и исследования по данной теме до сих пор ведутся.

Тема сердца и любви уверенно вошла в русскую мысль и культуру с началом философствования. Русские философы, освоив основы восточно-христианского православия, видели в сердце центр всей жизни человека, «центр, в котором вмещается все, что входит в душу со вне, из которого исходит все, что обнаруживается душой во вне» [1. С. 126]. Таким образом сердце олицетворяет собой основы телесного, душевного и духовного существования человека, а так же его познавательных возможностей. В этой кардиогнози «важнейшие импульсы исходят от сердца, оно соединяет человека с мирозданием, с другими людьми, с Богом. Связь через сердце самая глубинная, сущностная, сокровенная. Она ощущается и переживается по-разному (от тонкой интуиции до неопределимого устремления), но не поддается адекватной внешней артикуляции, в том числе вербальной»

[2. С. 101]. Первым систематическим представлением о сердце, основанным на идеях православия, поделился Григорий Саввич Сковорода (1722–1794). Он разделил «внешнего» (несовершенного) и «внутреннего» («истинного») человека, последнего он описывал как «образ и план Бога», а в сочинении «Разговор пяти путников об истинном счастье в жизни» отождествляет его с сердцем: «Истинный человек есть сердце в человеке» [3. С. 142].

Возвращаясь к роле сердца в арабской культуре, хотелось бы отметить глубокое переосмысление этого слова с приходом Ислама в арабскую культуру. Длительное время «сердце» было, пожалуй основной темой для сочинений, стихов, песен и других творческих произведений. С приходом новой эры люди стали переосмысливать и дополнять значение этого глубокого «слова». Сердце становится ключевой фигурой в духовной жизни и понимании человеческого бытия, а также его роли во вселенной. Появляются четкие представления о душе и о её связи с человеческим сердцем. Именно эта тонкая связь, которая наблюдается у таких разных народов, заставляет задуматься о сути монотеистических авраимических религий и их роли в жизни людей. «Ведь душа и сердце неизменно связаны» в разных культурах, зачастую благодаря духовному осмыслению и четкому описанию в Священных книгах этих народов.

Так в собрании хадисов Сахих Аль-Бухари говорится: «Хвала Аллаху, который руководил сердцами верующих и открыл их сердца своей любви, и поместил в их постели красоту(женщин), которую он сотворил, и наполнил их сердца самым лучшим из всего. Сердце принадлежит богу, и верующие сами свидетельствуют об этом». Именно это место говорит об особой роли сердца в духовной жизни человека, его душе и связи с Богом. До сих пор мусульмане всего мира стараются следовать учению посланника Аллаха (мир ему и благословение), его характеристикам и достоинствам.

С точки зрения ислама, если человек начинает потворствовать своим желаниям, перестает дисциплинировать себя, и начинает отклоняться с верного пути, причиной всегда является сердце. Согласно исламу человек должен покаяться и «очистить» свое сердце путем истинного раскаяния. Выразные «береги свое сердце» или «защити свое сердце» имеет глубокое значение в жизни мусульман.

Очевидно, связующий смысл сердца очень близок обеим культурам, но так же стоит отметить и некоторые отличия символа «сердца» в его описании в арабской культуре. Любовь, являясь одним из основных человеческих чувств несет для всех нас привычный смысл. Но в

арабском языке слово «любовь» или «*بِحبال*» имеет несколько значений, отличаясь глубиной и степенью. Так, например, у арабов сердце, как пишет ас-Саалиби, символизирует любовь. Первой степенью называют «гува» (страсть), второй «аляка» (связь). После того, как эти чувства продолжают усиливаться, человек начинает испытывать «кяляф» (сильная влюбленность, страсть), после которой наступает «ишк» (любовь, искренняя любовь). Ас-Саалиби полагал, что влюбленный человек, который глубоко познал чувство любви, становится ее рабом, и это добавляет дополнительную ступень. После такого «порабощения» человек начинает испытывать «табль», ту любовь, которая способна довести человека до болезни. Но даже такая изнуряющая любовь, по его мнению, не являлась последним её уровнем – ведь чувство «хайаман», означающее безумную любовь заставляло людей сходить с ума, особенно при таком развитом социальном консерватизме и не возможности до конца выражать своим эмоциями. Все вышесказанное дает возможность понять что «любовь» в арабском языке носит более объемный характер, чем в русской культуре. Однако в русской культуре сердце и любовь имеют большую связь по средствам живописи и искусства, в отличие от более строгой и консервативной арабской. Выражая свои чувства, люди зачастую используют символы и рисунки (сердца). Эта, казалось бы, незначительная, но очень четкая разница заметна даже в наше время. Люди этих разных культур общаясь друг с другом, например, в соцсетях, могут элементарно непонять либо не допонять друг друга за счет отправленной «эмоции» или картинки. Все это дает нам понимание присутствующей разницы и глубины символа «сердца» не только у этих двух народов, но и народов и культур всего мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. Коран: Репринт.изд.– Т. 1,2.– М.:Дом Бируни, 1990.– 1169 с.
2. Ас-Саълиби , Абу Мансур Йатимат ад-дахр фи махасин ахл ал-Аср // Редкая жемчужина о достоинствах людей своего века Тошкент : Фан, – 2005. – 311 с.
3. Абдулматид Абдулкадер Развитие этнопедагогике досуга в регионах влияния ислама (на примере Йеменской Республики): Дисс.канд.пед.наук / Абдулмагид Абдулкадер; СПбГАК. СПб., 1995. -205 с.
4. *Бартольд В.В.* Ислам. – Петроград: Огни, 1918. – 98 с.
5. Бухари, Мухаммад ибн Исмаил. / Сахих, сборник хадисов 1699 г. – С. 87.
6. Буланов А.М. Рациональное и сердечное в теории познания и в эстетике славянофилов // Славянофильство и современность. СПб., 1994. С. 217

7. *Воронцова Л.М.* Религия в современном массовом сознании //Социс. – 1995. -№ 1. – С. 81–99.
8. *Журавский А. В.* Христианство и ислам: Социокультурные проблемы диалога / А. В. Журавский.– М.: Наука, 1990. – 128 с.
9. Каресли Мухаммед. Противоречия развития кинематографа и пути формирования национальной актерской школы: Автореф. дис.канд.искусствоведения / Мухаммед Каресли; ВГИК. М.,1985. -20с. .
10. *Киреевский И.В.* Критика и эстетика. М., 1979. 99 с.
11. *Крымский А. Е.* История мусульманства / А. Е. Крымский – М. Наука, 1903. – 112 с.
12. *Крывелёв И.А.* История религий. Очерки в двух томах– М.: Мысль, 1975. – 415с., 419с.
13. История русской философии: Учебник для вузов. М., 2001. – С. 12-28
14. Брак и супружество в исламе: Пер. с араб. // Наш Дагестан. 1993. – № 162.-С. 1-12.
15. *Соловьёв В. С.* Магомет. Его жизнь и религиозное учение //Лит. Кыргызстан. -1991. – №3. – С. 112-154.
16. Справочник по исламу / Сост. Х.А.Дулдаева, В.К.Гилязов. Саратов: Приволж.кн.изд-во, 1998. – 64 с.
17. *Сковорода Г. С.* Сочинения: В 2 т. М., 1973. – С 51.
18. *Юркевич П. Д.* Сердце и его значение в духовной жизни человека, по учению Слова Божия // Юркевич П.Д. Философские произведения. М., 1990. – С. 88-103.
19. *Юркевич П. Д.* Курс общей педагогики. М., 1869. – С. 11-32.
20. *Юркевич П. Д.* Философские произведения. М., 1990. С. 116.

УДК 005

ВЗАИМОСВЯЗЬ АРХИТЕКТУРЫ И ФИЛОСОФИИ, АНАЛИЗ ПРИРОДНЫХ ФОРМ ПРИ РАЗРАБОТКЕ АРХИТЕКТУРНО-ПЛАНИРОВОЧНЫХ ПРИНЦИПОВ

COMMUNICATION OF ARCHITECTURE AND PHILOSOPHY, ANALYSIS OF NATURAL FORMS IN THE DEVELOPMENT OF ARCHITECTURAL-PLANNING PRINCIPLES

Исмаилов Ленур Рустемович – аспирант архитектуры, Академия строительства и архитектуры, г. Симферополь, Проектный институт «Геоплан», Consulting Research Group, архитектор III категории
Ismailov Lenur Rustemovich – graduate student of architecture, Academy of Civil Engineering and Architecture, Simferopol, Design Institute “Geoplan”, Consulting Research Group, architect of the III category
E-mail: lenurrustemovich1@gmail.com

Аннотация: В данном эссе рассматривается взаимосвязь архитектуры и философии. Обосновывается идея о том, что архитектор должен владеть всеми областями знания и уметь применить их на практике. Выделяются и описываются новые тенденции в архитектурном проектировании. Приводится попытка анализировать природные формы как подсказку, данную архитектору.

Abstract: this essay examines the relationship between architecture and philosophy. The author substantiates the idea that an architect should possess all areas of knowledge and be able to apply them in practice. New trends in architectural design are highlighted and described. An attempt is made to analyze natural forms as a hint given to the architect.

Ключевые слова: архитектурно-планировочные принципы, пространство, симметрия, золотое сечение, бионика, алгоритм.

Key words: architectural and planning principles, space, symmetry, Golden section, bionics, algorithm.

Особая роль философии в становлении и формировании мировоззренческой культуры человека, связана с ее богатым многовековым

опытом размышления над ценностями и жизненными ориентациями. Любопытность человека приводит к неистовому желанию иметь целостное представление обо всем, что нас окружает, будь это природное или же антропогенное.

Человечество, однажды осознав роль и значение философии, всегда будет обращаться к богатству её идей, стремясь выявить, постигнуть и развить глубинные смыслы своего бытия, которые оно вынуждено облекать в различные символические формы – языковые, культурные, творческие. Всю многообразную сферу человеческого знания можно представить как бескрайнее поле бытия, в котором идет нескончаемый поиск удела человека [1].

Глубокое осмысление архитектурных тенденций последних лет позволяет сделать вывод о необходимости рассматривать философию и архитектуру в совокупности, и не только как раздел философии искусства, а как обязательный навык архитектора.

Оглянитесь по сторонам, вы увидите пространство, которое вас окружает и абсолютно точно выполняет свою основную функцию – создавать комфорт обеспечивать безопасность, но это только вершина айсберга!

Руководство только скупыми обязательными потребностями человека при создании нового архитектурного объекта грозит тем, что данный объект получится безликим, неинтересным и похожим на множество других.

Философия предоставляет условия для совершенствования и возвышения человека, призывая к истине, доброте и красоте, в чем и должна видеть отражение архитектура [1]. Общим между философией и архитектурой можно назвать попытку находить порядок в окружающем нас мире. При этом меняются только методы, у философии они – абстрактные, у архитектуры они физические.

Классическая философия всегда пыталась постичь все, что входило в сферу знаний.

Хотелось бы рассматривать архитектора не просто как зодчего, но и как философа, владеющего всеми областями знания. Архитектор обязан «зреть в корень», то есть видеть проблему изнутри и уметь находить решение. Уметь объединять множество аспектов, таких как природные, культурные, социальные, духовные, а после кодировать это в своих архитектурных произведениях, создавая и передавая тем самым Дух эпохи.

Леон Баттиста Альберти (1404–472), один из основателей профессии архитектор, видел в этой профессии философское начало:

«Архитектором, утверждаю я, является тот, кто научился правильным и удивительным образом определять в мыслях и в душе, а также осуществлять на деле все, что при помощи движения тяжестей, сочетания и сложения тел превосходнейшим образом служит наиболее важным потребностям людей. И для того, чтобы этого достичь, он нуждается в постижении и познании вещей наилучших и достойнейших. Вот каким должен быть архитектор» [2].

Что же тогда является вещами наилучшими и достойнейшими? Можем ли мы увидеть их сейчас, или же необходимо к этому еще прийти?

Платон (428–348 до н.э.) в своих трудах и размышлениях много внимания уделял поиску симметрии, красоты и идеальных тел, причем, черпая вдохновение в природе. Он видел мир состоящим из четырех «стихий» – огня, земли, воздуха и воды, а атомы данных «стихий» рассматриваются в виде четырёх правильных многогранников [6].

Тетраэдр, напоминая разгоревшееся пламя с вершиной, устремленной вверх, поэтому он олицетворял огонь; икосаэдр – благодаря своей обтекаемости – воду; куб – как самая устойчивая из фигур – землю, а октаэдр – воздух. Додекаэдр – пятый многогранник, символизировал весь мир. Это была одна из первых попыток ввести в науку идею систематизации.

Благодаря своим исключительным симметричным свойствам Платоновы тела с давних времен привлекали внимание зодчих. Пропущенные идеальные тела, а именно додекаэдр и двойственный ему икосаэдр через призму понятия «рекурсия», можно сделать вывод об их наилучших характеристиках, то есть близких к «золотому сечению»

Акт заимствования определенных элементов, принадлежащих смежным областям знания, тесно связан с разделами архитектурной науки. Таковыми, безусловно, являются: математика, геометрия, физика, астрономия, история, биология.

В разные времена, культурные парадигмы чаще всего формировались в стремлении философов понять природу красоты, найти методы художественного творчества, это имело непосредственное влияние на то, что называется «Духом эпохи». Одна из основных способностей архитектуры – это передавать влияние той интеллектуальной среды, в которой она формировалась. А интеллектуальная среда в свою очередь формировалась под влиянием философских школ: барокко-пантеизма и сенсуализма, классицизм– картезианства, функционализм– прагматизма, постмодернизм – аналитической философии, психоанализа, течений «нового гуманизма» [5].

Историческая закономерность скрывается за выявлением символических смыслов архитектурных объектов. Последующая конкретизация этих смыслов поможет потребителю понять архитектуру, осознать тот посыл, который пытался вложить в произведение архитектор. Это решит нарастающий конфликт взглядов потребителя и архитектора, который формировался посредством веяний новейшей архитектуры и отходом от традиционного стилевого проектирования [3].

Уход от шаблонов и закомплексованности при проектировании дает возможность архитектору проявить свою оригинальность и вложить в здание помимо функции еще и психологическую нагрузку.

Тенденции последних лет показывают нарастающий интерес к осмыслению природы, что привело к разработке такого стиля как «бионика». Постоянные попытки архитекторов с помощью заимствований у природы менять и улучшать архитектуру наталкивают на мысль, что все, к чему пришел человек, уже запатентовано природой.

В век неведомых ранее неограниченных формообразующих и технических возможностей некоторые архитекторы по-прежнему находятся под магическим воздействием природных форм; без сомнений, это явление имеет уходящие в далекое прошлое глубокие корни, но современность предлагает новый подход к архитектуре. Главный теоретик цифровой архитектуры Грег Линн предложил переводить математические формулы в архитектуру с помощью цифровых технологий. Появляется возможность проектировать так, чтобы линия и форма отражала законы бытия через математический алгоритм.

Идя дальше, можно попытаться разработать принципы и методы, позволяющие с помощью цифровых технологий как можно точно понимать и заимствовать природные формы, что в свою очередь, может рассматриваться как множество подсказок данных архитектору для решения проблем формообразования, гармонии и красоты в архитектуре.

Бионика в архитектуре – это не просто искривленность очертаний форм, внешнее подобие природным элементам. Прежде всего, это более удобные, более гармоничные, более надежные пространства жизнедеятельности человека, удовлетворяющие не только физические, но и духовные потребности человека. Множество проблем архитектуры все чаще решается с помощью использования «патентов» природы, а также для разработки новых уникальных конструкций повторяющих свойства материалов живой природы.

Философия архитектуры должна быть нацелена против упадка, кризиса, краха, культуры и духовности человека. Полный и посто-

янный анализ природных форм позволит разработать архитектурно-планировочные принципы, которые помогут в создании гармоничной взаимосвязи природного и антропогенного пространств.

Подводя итоги, хотелось бы отметить, что грамотно подобранные архитектурно – планировочные принципы и стилевые приемы могут сформировать качественную архитектурную среду, в которой наилучшим образом сочетаются функциональность с внешней эстетикой, что, в свою очередь, положительным образом сказывается на психологическом состоянии не только одного человека, но и всего социума. Очень часто во время своей работы архитектор, способен слепо руководствоваться разработанными ранее приемами считая, что это канонически правильно, упуская тот факт, что, данные приемы могут быть не подходящими. Занимая лидирующее место в среде обитания человека, имея форму, длину, ширину и связь с окружающим пространством, архитектура рассматривается не просто как жилище, а как рычаг для передачи человеку психологического посыла.

Среди архитекторов и по сей день, нет общего мнения в вопросе использования новых принципов и приемов. Вспоминая знаменитый диалог Клода Перо (1613–1688) и Франсуа Блонделя (1618–1686) известный как «Спор древних и молодых» о взаимоотношении теории с практикой и нововведениях в архитектуре, хочется отметить, что время, как самый строгий судья, ответило на этот спор в пользу «молодых». Архитектура обязана меняться, как меняются привычки и требования человека, появление новых неведомых ранее архитектурных стилей и принципов неизбежно.

Благодаря попытке отойти от привычных шаблонов, искать вдохновение в природе, человечество получило возможность открыть для себя новые границы и соткать свой, не похожий на предыдущие «Дух эпохи».

ЛИТЕРАТУРА

1. *Добрицына И. А.* От постмодернизма – к нелинейной архитектуре: Архитектура в контексте современной философии и науки / И. А. Добрицына. – М.: Прогресс-Традиция, 2004. – 416 с.
2. *Крайнева И.Б.* Леон Баттиста Альберти о роли искусства в обществе // Культура Возрождения и общество/ И.Б. Крайнева. – М.,1986. С.69.
3. *Сандеев К. В.* Интерпретации архитектурного пространства. (Семиотико-эстетический аспект). дис. канд. архитек. / К.В. Сандеев. – М.,1986.
4. *Морозова Н.В.* Принципы и приемы архитектурного формирования прибрежных рекреационных комплексов в горных ландшафтах: на при-

- мере горного Алтая: автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. архитек. (05.23.20) / Н. В. Морозова. – Е., 2013.
5. *Страутманис И. А.* Информативно-эмоциональный потенциал архитектуры: автореф. дис. на соиск. учен. степ. доктора архитек. (18.00.01) / И. А. Страутманис. – М., 1972.
 6. Всеобщая история архитектуры. – М.: Стройиздат, 1970 – 1977, 12 томов / Том 2 : Архитектура античного мира (Греция и Рим) / Под редакцией В. Ф. Маркузона (ответственный редактор по Греции), Б. П. Михайлова (ответственный редактор по Риму), И. С. Николаева, О. Х. Халпахчьяна, Ю. С. Яралова. – Второе издание, исправленное и дополненное. – 1973. – 712 с., ил.

ИЗМЕНЕНИЕ СООТНОШЕНИЯ ПРАКТИЧНОСТИ И ЭСТЕТИЧНОСТИ ПРИ СТРОИТЕЛЬСТВЕ ГОРОДОВ

CHANGING THE RATIO OF PRACTICALITY AND AESTHETICS IN THE CONSTRUCTION OF CITIES

Авакян А. К. – аспирант кафедры технологии, организации и управления строительством, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского», Академия строительства и архитектуры, г. Симферополь, РФ.

Avakyan A. K. – Postgraduate student, Department of technology, organization and construction management, V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Academy of construction and architecture, Simferopol, Russian Federation. E-mail: avakjan@mail.ru

Аннотация: В статье рассматривается исследование исторических закономерностей планировки городов и доказательство важности гармонии между эстетикой и функциональностью.

Annotation: The article examines the study of historical patterns of urban planning and proves the importance of harmony between aesthetics and functionality.

Ключевые слова: история градостроительства, строительство городов, жилая застройка, инфраструктура, архитектурные стили.

Key words: history of urban planning, city construction, residential development, infrastructure, architectural styles.

В современных условиях градостроительства особую актуальность приобретают вопросы, связанные с разработкой теоретических и практических аспектов реализации проектов застройки городов. Данные аспекты позволяют уже на этапе проектирования города или отдельного квартала создать основные условия для проживания, эффективного и экономичного использования пространства и земли.

Целью работы является проведение исторического анализа опыта реализации процессов застройки городов, выявление основополагающих особенностей данных процессов.

Начиная с период палеолита, когда, казалось бы, к жилищу предъявлялись минимальные требования: спасти от низких температур, не-

благоприятных условий и хищных животных – уже тогда началось зарождение искусства как осмысленной деятельности человека. Пещеры Шове, Ласко, Кро-Маньон, Мас-д’Азиль и другие, конечно, не были специально созданы человеком, поэтому относятся к архитектуре лишь косвенно. Но их интерьер был изменен сотнями наскальных рисунков животных, батальных сцен, отпечатками рук древнего человека. Включая эти факторы можно сделать вывод, что уже в доисторические времена жилище было не только инструментом для достижения удовлетворения первичных потребностей пирамиды А. Маслоу (безопасность, тепло, защита от ветра), но и полотном для самовыражения и развития творческих способностей.

Если мы обратимся к истории архитектуры, то легко будет заметить, что эта дисциплина, в первую очередь, исследующая конструктивное и эстетическое развитие архитектуры. Действительно, эстетика и функциональность, подобно началам инь и ян, с самого зарождения зодчества вплелись в основы градостроения, где привлекательность находится у всех на виду, а практичность ощущается своей незаметностью.

Как и в изначальной материи тайцзи архитектурное наполнение что сооружения в частности, так и города в целом имеют инь – северное, теневое, функциональное наполнение, так и ян – южное, солнечное, яркое эстетическое. При этом город или поселение можно сопоставить с живым существом, а его историю – с эволюцией. Если какая-то из частей дуализма начинает сильно перевешивать, то животное погибает. Здесь ярким примером может служить пример противостояния Спарты и Афин, когда архитектура и наполнение города отражает идеологические ценности горожан. Спартанцы обитали в одинаковых скромных жилищах, носили одинаковую простую одежду, лишённую украшений, золотые и серебряные монеты были изъяты из обращения. Земледелие, ремесло и торговля были для спартанцев под запретом, а вплоть до начала римской эпохи город даже не имел стен. Спартанцы гордо утверждали, что лучшей защитой от врагов есть их мужество и патриотизм, а не крепость камня.

В Афинах же, где наука и искусство процветали и куда стекались философы и поэты, огромные средства затрачивались на градостроительство. Дорогого стоит (причем в прямом смысле – одна из самых дорогих строек) Акрополь – вершина древнегреческой архитектуры, центром которого был знаменитый храм Парфенон, посвященный Афине. К моменту персидского нашествия вся территория была тесно застроена. Скромные жилища резко контрастировали с богатством и

величиной общественных зданий. После разрушения персами предшествующих строений, жители Афин поклялись восстановить святыню. И в середине пятого века до нашей эры Перикл начал новое строительство на Акрополе, вложив в это огромные средства, которые бы очень помогли ему в Пелопоннесской войне. Крайности, отраженные в градостроении и политическом укладе обоих городов, привели их поочередно к упадку. Военное дело и ксенофобия с одной стороны и возведенный в абсолют эстетизм с другой привели всю Грецию к ослаблению.

Со временем вектор важности построек смещался с религиозного на торговый. Так, например, в эллинистическом городе сохранилась классическая практика деления города на центральную часть, в которой находились дома зажиточных граждан и торговцев, и периферию, где ютились бедняки и ремесленники. Но в отличие от классического города с его акрополем и доминирующим храмовым ансамблем главным общественным центром становится комплекс городских площадей. Главные улицы делались шире, превращаясь в магистрали, пересекались, делая этот перекресток общественным центром. Рынки, лавки, здания для общественных собраний, спортивные и образовательные сооружения, дворцы начали перетягивать на себя область всеобщего внимания. В отличие от «неправильного» стихийного и ситуативного Афинского строительства появляется планирование, но заточенное не только на защиту от захватчиков, а на экономический рост.

Также вспоминается противостояние греческого и римского искусства. Если греческие постройки отличались изяществом, вкусом и пропорциями, то римляне могли похвастаться в первую очередь техническим мастерством. Пока греки уделяли внимание стилю, римские постройки были искуснее технически в таких элементах, как арки, своды и купола. Этот приоритет в сторону техники и функциональности позволил нам и сегодня любоваться такими грандиозными творениями, как Колизей и Пантеон.

Любопытно, Рим является отличным примером истории развития градостроительства, угасая и воскресая с ходом времени. Ведь в течение ряда столетий после возникновения Римского государства его города складывались стихийно, не зная планировки, и основывались лишь на особенностях местности. Сам по себе Рим возник из небольшого поселения на холме. Разрастаясь, он представлял собой город неправильных кривых улиц. Страдая от пожаров и паводков, римляне стали использовать в строительстве четкую геометрию, соблюдая расстояния между строениями. Однако стремительный рост города со временем нарушал строгую геометричность, которая сохранилась только в центре.

С течением времени к городам предъявляется все больше функциональных требований. Военное дело, религия и экономика поочередно задавали тренды в градостроительстве. Так непрекращающаяся борьба папства и римской знати приводят к началу реконструкции Рима в пятнадцатом веке. Реконструируется и укрепляется папский дворец, сносятся и перестраиваются жилые кварталы. Определенные районы и кварталы для защиты обносятся стенами, прокладываются дороги от Ватикана к другим церквям, появляются предпосылки к такому понятию как цокольный этаж. Когда понтифики прогоняют с площадей торговцев, лавки открываются на первых этажах зданий, а проживать начинают на втором. Церкви и соборы возвращают себе изыск. Подъем национального самосознания и большое количество архитекторов, стремящихся в Рим, привели возникновению единого архитектурного стиля. В шестнадцатом веке папство пускает огромные средства на украшение и благоустройство города. Появляются и реставрируются величайшие шедевры архитектуры.

Даже католическая церковь понимает, что чем эстетичнее твой фасад, тем сильнее вера. Единый стиль способствует политическому и национальному единению. Выражаясь современным языком, церковь в принципе одна из первых организаций, которая делает ставку на единый дизайн в нативной рекламе, используя дизайн-код города для укрепления своего бренда в общества. Рим показывает нам, как кварталы могут создавать единую композицию. Ватикан как сердце религиозного комьюнити создал вокруг себя город с радиальной кольцевой застройкой, по такому же принципу построены Москва, Санкт-Петербург и Полтава.

Научно-техническая революция девятнадцатого века заложила свои тренды в развитие городов. Начинают разрастаться промышленные центры и зоны. За пятнадцать лет промышленное производство США вырастает в семь раз. Появляются подвесные мосты, стремительно растущие города движутся не только вширь, но и вверх. Конец девятнадцатого – начало двадцатого веков ознаменовалось распространением небоскребов. Камень и дерево постепенно отходят на второй план, а в строительстве используют чугун, бетон, железобетон. Страна огромной женщины с факелом начинает утопать в сером. Дома начинают быть узкими, но чрезвычайно высокими. Города принимают прямоугольный вид. Это характерно для большинства городов США, Японии и даже Европы. Такой избыток промышленных и деловых районов, способный вызвать великую депрессию одним своим видом, а также стремительный рост населения приводят к тому,

что горожане начинают нуждаться в местах для уединения и отдыха. Так в пятидесятых годах девятнадцатого века в Нью-Йорке было принято решение о создании парка, который по словам дизайнера Э. Даунинга «хотя и потребует средств, но при этом облагородит, сделает культурным национальный характер, воспитает любовь к сельской красоте. В таком парке жители будут кататься на повозках, верхом на лошадях и на время забудут грохот мостовой и ослепительный блеск кирпичных стен». Так появляется известный сегодня на весь мир Сентрал (или все же Центральный) парк. Можно вспомнить Булонский лес в Париже или Гайд-парк в Лондоне, которые являются ярчайшими представителями рекреационных и релаксационных зон, так необходимых сегодня мегаполисам.

В современную эпоху мир остро нуждается не только в функциональности и эстетике, но и в экологичности. Когда обычные небоскребы перестали удивлять, мы подсознательно начали стремиться к появлению на улице гигантского огурца. Именно так прозвали жители Лондона зеленоватую башню Мери-Экс 30. Сорокаэтажный небоскреб практически полностью стеклянный и не имеет углов, позволяя ветровым потокам скользить вдоль опор. Так, используя солнечное освещение и естественную вентиляцию, 180-ти метровое здание претендует на звание эконевоскреба. Однозначно радуется, что такие смелые проекты поддерживаются и привносятся свежее дыхание в строительство, хотя еще свежи в памяти примеры былой ненависти к той же Эйфелевой башне, ставшей сегодня неотъемлемой частью Парижа. Так писатель Ги де Мопассан очень не любил башню, но постоянно там обедал в ресторане, расположенном на первом этаже. На вопрос, почему вы это делаете, писатель отвечал: «Это единственное место в Париже, откуда её не видно». Еще одна неоднозначная постройка – Стеклянная пирамида Лувра – поделила парижан на тех, кто от нее в восторге, и тех, кто считает ее «шрамом на лице Парижа».

Еще один пример, где намертво сплелись практичность и эстетика – аэропорт Чанги. Этот единственный аэропорт Сингапура, но тем не менее он уже 19 раз становился лучшим в мире в том числе из-за своих архитектурных решений. Более девятисот стеклянных отверстий в крыше позволяют экономить электричество, фонтаны и трехсотметровая зеленая стена помогают сохранять комфортный температурный режим. Он содержит в себе парки кактусов, орхидей, подсолнухов, галерею бабочек, живые пальмы и уникальную инсталляцию кинетический дождь из полутора тысячи бронзовых капель. Дизайнеры аэропорта рассудили просто: все лучшее уже придумано природой, и перенесли джунгли в аэропорт, создав уникальную атмосферу, которая приносит огромную прибыль, став главным воздушным узлом между Азией и Океанией.

Приятно осознавать, что в 21 веке эстетика и функциональность постепенно перестают бороться и начинают работать на благо планеты. Пример Сингапура, хоть и в гораздо меньшем масштабе, можно увидеть в новом терминале аэропорта Симферополя. И пусть наша зеленая стена в десять раз меньше – всего тридцать метров – но позволяет симферопольскому аэропорту носить звание самого «зеленого» в России. Такими шагами мировое строительство адаптируется и меняется, становясь экологичнее и эффективнее. Сегодня каждый архитектор и градостроитель знает, что оптимальный дизайн – это незаметный и ненавязчивый дизайн, но мало кто помнит, что этот длинный путь, который подарил нам египетские пирамиды, дома Гауди, Бурдж-Халифу, Сиднейский оперный театр и Пиано-хаус, начался в тот момент, когда человек впервые приложил испачканную руку к стене пещеры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Всеобщая история архитектуры в 12 томах / Государственный комитет по гражданскому строительству и архитектуре при Госстрое СССР, Научно-исследовательский институт теории, истории и перспективных проблем советской архитектуры. – Ленинград ; Москва : Издательство литературы по строительству, 1966–1977. Том 2 : Архитектура античного мира (Греция и Рим) / Под редакцией В. Ф. Маркузона (ответственный редактор по Греции), Б. П. Михайлова (ответственный редактор по Риму), И. С. Николаева, О. Х. Халпахчьяна, Ю. С. Яралова. – Второе издание, исправленное и дополненное. – 1973. – 712 с., ил.
2. Всеобщая история архитектуры в 12 томах / Государственный комитет по гражданскому строительству и архитектуре при Госстрое СССР, Научно-исследовательский институт теории, истории и перспективных проблем советской архитектуры. – Ленинград ; Москва : Издательство литературы по строительству, 1966–1977. Том 5 : Архитектура Западной Европы XV–XVI веков. Эпоха Возрождения / Под редакцией В. Ф. Маркузона (ответственный редактор), А. Г. Габричевского, А. И. Каплуна, П. Н. Максимова, Г. А. Саркисиана, А. Г. Чинякова. – 1967. – 659 с., ил.
3. *Ульчицкий О. А.* Особенности архитектуры протогородов древнего Урала (на примере Аркаима): дисс. ...канд. архитектуры/ О. А. Ульчицкий – Екатеринбург, 2006. – С.19.
4. Расположение / Л. Разживин, – М. : РИПОЛ классик, 2015. – 88 с.: ил.– (Введение в архитектуру: Vitruvius).
5. Основы архитектуры: Учеб./Т. Л. Кильпе. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Высш. Шк., 2002 – 159 с.: ил.

**КОНЦЕПЦИИ ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВА
В КОНТЕКСТЕ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ПАРАДИГМ**

**URBAN PLANNING CONCEPTS IN THE CONTEXT
OF SOCIOCULTURAL PARADIGMS**

Еломист Наталья Александровна – аспирант, г. Симферополь, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, НИИ «КрымНИИпроект», инженер-конструктор

*Elomist Natalia Alexandrovna – graduate student, Simferopol, Crimean Federal V. I. Vernadskiy University, Research Institute “KrymNIIProekt”, design engineer
E-mail: natali745@gmail.com*

Аннотация. Проведен анализ взаимодействия системы «городская среда-человек». Выявлены факторы, повлиявшие на градостроительство с точки зрения социокультурных парадигм. Намечены перспективы развития современного города.

Abstract. The interaction of the system “urban environment-man” were analyzed. The factors that influenced urban development in terms of sociocultural paradigms were identified. The development prospects of a modern city were outlined.

Ключевые слова: градостроительство, социокультурная парадигма, градообразующие факторы

Keywords: urban planning, sociocultural paradigm, city-forming factors

Каждый регион заселенной части нашей планеты обладает своей уникальной градостроительной историей, которая неразрывно связана с эволюцией общества, формированием социокультурных традиций. Изменения, происходящие в социальной и экономической сфере, преобразуют структуру города. В то же время материально-пространственная среда поселений оказывает влияние на процессы развития общества.

Когда же возникла эта система связей «городская среда – человек»? Очевидно, что со времен первых поселений в эпоху неолита, более 10 тысяч лет назад, когда первобытный человек осознал свою потреб-

ность и выгоду собираться в сообщества, организовывать поселения. При этом становление культуры древнего общества дало толчок к строительству не только жилищ, но и культовых сооружений и комплексов. С тех пор общество и город (градостроительство) прошли долгий путь развития, взаимодействуя друг с другом и изменяясь в соответствии с требованиями конкретной исторической эпохи.

Итак, следуя социокультурной парадигме, рассмотрим основные факторы, повлиявшие на градостроительство разных времен и народов.

1. Социальное неравенство.

Классовое расслоение общества, переход от матриархата к патриархату и рост производственно-экономической сферы общества привел к массовому строительству долговременных поселений. На этой стадии развития градостроительства появились основные первоэлементы, такие как граница, центр, главное сооружение, улица, взаиморасположение домов и характер застройки.

Во времена Крито-микенской цивилизации (XIX – XI вв. до н. э.) центром города являлся дворцовый ансамбль, который одновременно выполнял роль дворца правителя, религиозного центра, общегородских хранилищ и театров. Большое внимание уделяется благоустройству, в городах были колодцы и канализация, улицы имели каменное мощение.

Кастовая система в Индии и Китае формирует иерархическую структуру городов, зонирование жилой застройки по классовому и профессиональному признакам. В зависимости от сословной принадлежности сооружения различались размером, количеством комнат и материалом, из которого строились. Чем более высокое положение занимал данный клан, тем более сложной становилась структура его жилища.

Во времена Средневековья развивается замковое строительство. И опять градообразующим фактором становится социальное неравенство. Только под покровительством сеньоров, владельцев замка, крестьяне и ремесленники могли получить избыток продукции и продать его на охраняемой территории. Таким образом у подножия замков разрастаются небольшие города, возникающие на месте проведения ярмарок и торговых площадей. Увеличение населения и ограниченность города крепостными стенами приводит к более плотной застройке.

2. Религия и культура.

В период развития шумерской цивилизации и во времена Древнего Египта города обретают определенную форму – округлую или прямоугольную, располагаясь вокруг символического центра (храма или главного культового здания города – зиккурата). Выделяется главная улица для шествия от входных ворот к храму или дворцу правителя. Таким образом культурная и религиозная жизнь общества диктует свои правила в градостроительстве.

Стоит отметить важность городов – некрополей в развитии градостроительства Древнего Египта. Известно, что культура захоронения играла большую роль для всех народов древности. На ранней стадии подземные сооружения были доступны только для царей и богатых вельмож. Со временем же вокруг столичного Мемфиса стали возникать специализированные городки, некрополи (города мертвых), основой которых стали обширные ансамбли захоронений различных слоев населения.

В V–IV вв. до н. э. Древняя Греция становится культурным и торгово-экономическим центром Средиземноморья. На это время приходится создание самых ярких архитектурных шедевров Афин. И теперь отсюда исходят все тенденции в градостроительстве этой эпохи. Великие ученые того времени (Платон, Аристотель, Гипподам) работали над созданием модели идеальных городов. Развитие точных наук привело к улучшению инженерной части градостроительства. Городские пространства (улицы, набережные и пр.) стали объектами самостоятельного проектирования.

В Китае все сферы жизни, в том числе и строительство, подчинялись мистико-практическому учению по размещению элементов в реальном пространстве – Фэн-шуй.

Принятие христианства повлияло на развитие письменности, что в свою очередь привело к строительству школ при монастырях.

Средневековые ознаменовались главенствующей ролью церкви, что, несомненно, отразилось на структуре европейского города. Уходят в прошлое почти все общественные здания – их роль взяли на себя церкви и монастыри. Особо крупные монастыри становятся центрами паломничества, обрастая поселениями и превращаясь в центры городков. Основными общественными зданиями такого городка являлись таверны, лавки и постоянные дворы, которые обслуживали паломников. Такие городки сохранились и по сей день (Мон Сен-Мишель).

Эпоха Возрождения приносит смену идеологических принципов общества. Идеи Средневековья подвергаются критике, намечается

рост светских реалистических тенденций. Теперь не только монастыри являются заказчиками в градостроительстве. Ведущую роль играют светские сооружения (дворцы, городские дома, ратуши). Особое внимание уделялось развитию центра города. Вместо узких и кривых средневековых переулков появляются прямые более широкие улицы, застроенные крупными зданиями. Планировке подверглись зеленые насаждения. Появляется парковое искусство.

3. Частная собственность.

Свободные землевладельцы и ремесленники Древней Греции обладали гражданскими правами и могли управлять полисом. Вследствие этого упор в строительстве переходит с дворцовых комплексов на общественные здания: торговые галереи, здания городского совета, спортивные школы, стадионы, площади (агоры), театры и т.д. Жилая застройка полисов терялась на фоне величественных зданий и сооружений.

4. Внешняя политика.

Древний Рим славился своими мощными войсками и вел активную внешнюю политику, поэтому заимствованные у греков принципы градостроительства переосмысливались для строительства военных городков. Происходит достаточно жесткая унификация планировки и застройки городов (регламентируется ширина улиц, высота застройки, типы благоустройства и т.д.). Вместе с тем дорогостоящая отделка, парадные колоннады и другие малые архитектурные формы подчеркивали все величие необъятной империи.

На территории Киевской Руси наиболее активно развивались города, расположенные на торговом пути «из варяга в греки».

В эпоху Возрождения в Москве военные успехи и новые веяния сформировали концепцию императорского города, по случаю побед возникают триумфальные объекты.

Постоянные войны, которые ведет Франция в XVII в., стали причиной появления школы военных инженеров. В стране активно сооружаются крепости, бастионы, города обносятся рвами и другими укреплениями.

5. Развитие науки и индустриализация.

Новое время – появление промышленных городов, которые возникают в основном на базе гаваней и портов. Развитие научных знаний этого периода оказало большое влияние на градостроительство, города и здания возводятся в соответствии с геометрическими планами. С наступлением периода индустриализации и появлением нового вида транспорта изменяется и объемно-планировочная структура города. Развивается дорожно-транспортная сеть, исчезают фиксированные границы поселений, что приводит к бессистемному расползанию застройки.

В современном обществе все перечисленные факторы ослабляют свое влияние. Намечаются тенденции к смене градостроительной парадигмы вслед за изменением запросов и потребностей жителей. В начале XX века коммунистическая идеология пронизывала все сферы жизни общества, сформировав в градостроительстве микрорайонную урбанистическую парадигму. Многоэтажные жилые микрорайоны с минимально-необходимым количеством социальной и коммерческой инфраструктуры обрели популярность во всем мире вплоть до 70-х годов, а в странах Восточной Европы продолжают строиться и по сей день.

Следует выделить набирающую популярность так называемую американскую модель города, появившуюся в условиях снижения доли ручного труда и роста числа офисных работников. Центральное общественно-деловое ядро, обросшее малоэтажными коттеджными районами – вот он, образ современного мегаполиса. Но насколько он соответствует потребностям современного общества? Как известно, ничто не вечно, поэтому, учитывая быстрые темпы развития, данная система, не успев развиваться, начинает устаревать. Изменяется рынок труда, часть профессий автоматизируется, часть исчезает, часть переходит на дистанционный тип работы. Уже нет необходимости в таком количестве офисных центров.

В центр градостроительного процесса попадают интересы семьи, личности, сам человек. По мнению итальянского архитектора и антрополога Франко Ла Чекла, «люди меняются быстрее, чем города, поэтому в развитии муниципалитетов необходимо ориентироваться на их досуг и работу». Город будущего должен служить интеллектуальному и творческому развитию человека, а творчество, в свою очередь, будет способствовать рационализации городской среды.

ЛИТЕРАТУРА

1. История архитектуры, градостроительства и дизайна: учеб, пособие / В. И. Лучкова. – Хабаровск: Изд-во Тихоокеан, гос. ун-та, 2016. – 317 с.
2. Стратегия устойчивого развития урбанизированных территорий: учеб. пособие / Я.И. Вайсман, Л.В. Рудакова, Г.С. Арзамасова, Г.В. Ильиных. – Пермь: Изд-во Перм. нац. исслед. политехн. ун-та, 2012. – 322 с.
3. Город как социокультурный феномен: конспект лекций/ Н. М. Мухамеджанава; Оренбургский гос. ун-т. – Оренбург: ОГУ, 2017. – 128 с.
4. *Е.А. Тюгашев, Ю.В. Попков.* Социокультурная парадигма: базовые интерпретации/ Вестник Томского государственного университета. 2019. № 445. С. 67–71.

НЕКОТОРЫЕ ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ АРХЕОЛОГИИ

SOME PHILOSOPHICAL ASPECTS OF ARCHEOLOGY

Набоков Артур Игоревич – аспирант, Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского. Стажер-исследователь ФГБУН «Институт археологии Крыма РАН», г. Симферополь.

Nabokov Arthur Igorevich – Postgraduate Student, Crimean Federal University V.I. Vernadsky. Research Assistant FGBUN “Institute of Crimean Archeology RAS”. Simferopol.

E-mail: artur-nabokov@rambler.ru

Аннотация: Статья рассматривает некоторые основные вопросы археологического исследования через призму философского видения и методов познания науки.

Abstract: The article considers some basic questions of archaeological research through the prism of philosophical ideas and methods of cognition of science.

Ключевые слова: археология, артефакт, знание, философия, методы.

Key words: archeology, artifact, knowledge, philosophy, methods.

Во многом археологическая наука кажется крайне далекой от философии. Используемые при интерпретации, а также изложении своих достижений принципы историзма и объективности отражают наиболее видное влияние философии на историю и археологию. Понимание и решение философских проблем в археологии представлено динамично развивающимся направлением науки, наиболее важным аспектом которого, является, объективное, и одновременно субъективное стремление различных людей понять и осознать далекое прошлое и действующее настоящее. Ценность такого подхода заключается в возможности увидеть проблемы и избежать неопределенности будущего [3, с. 177].

Археологическая наука на первый взгляд большинством не знакомых с ней людей определяется как сугубо придатак к истории или, более тривиально, как поиск выдающихся сокровищ. Но при глубоко ознакомлении с ней становится понятно, что археология это, прежде всего источникообразующая область человеческой деятельности. Найденная вещь или открытый памятник проходят через призму

множества классификаций, хронологических схем, стратиграфического анализа контекста находки, и лишь тогда артефакт становится источником. Методы и подходы в археологии чаще всего считаются синонимами, ведь оба этих термина являются абстракциями философского, то есть общенаучного уровня, которые сливаются в один уникальный инструмент познания прошлого.

Археологическое исследование должно быть направленно не только на поиск и описание источников, но и на их осмысление с философских позиций – позиций позитивизма. Если кратко озвучить эти философские принципы в археологии, то первым становится умение осознать и реализовать активную роль субъекта познания и действия, следовать и уметь выражать логику вещей в логике понятий, исходя из фактов в их совокупности [4, с. 231].

В современной археологии можно увидеть постепенный отход от своей классической формы «позитивного знания» [3, с. 54]. Знания как таковые в пределе самодостаточного и автономного, включают в себе некие последние высшие истины касательно основ человеческой истории. Но для археологической науки на протяжении её развития было наиболее характерно использование логического минимализма и скептицизма в отношении археологических исследований.

Благодаря такому разнообразному и многоуровневому подходу осознается эпистемологическая проблема осмысления специфики археологического знания и места археологии в сфере исторического исследования. В системе взаимоотношений «объекта-знания» место объекта занимает сам артефакт, или комплекс (например, группа курганов). Археология обращается к тем фрагментам исторического бытия, которые обнаруживаются в виде материальных (объектов). Картина ушедшего исторического бытия конструируется археологом путем интерпретации найденных объектов и рассмотрения их в качестве упорядоченного элемента ушедшей реальности.

В современности осознается важность современного анализа процедур, средств, способов построения, а также понимание влияния господствующих в той или иной научной школе парадигмальных (метафизических, теоретических, профессиональных и др.) установок на предлагаемые тем или иным ученым описания и объяснения результатов их деятельности.

Взаимосвязь археологии с естественнонаучными методами исторического познания обусловлена поиском, прежде всего синхронных связей, культурных смыслов через доказательство того, что найден-

ные фрагменты действительно принадлежали определенной исторической эпохе, народу и в редких случаях личности. Эпистемологический анализ археологического знания может способствовать как совершенствованию практики профессионала-археолога.

Ядута Л.И. выделила несколько элементов синкретичности археологического мышления, которые во многом определяют деятельность и направление работ археолога-исследователя: художественное воображение; рациональность и детерминизм; символизм, «заданность» смысла; традиционность, следование «школе» [6, с. 10]. Рассматривая данные пункты с позиции практикующего археолога, не будет лишним попытаться несколько расширить их наполнение. Художественное воображение играет важнейшую роль в вещеведческом аспекте археологии, ведь понимание морфологии предмета и возможность мысленно его реконструировать являются неотъемлемой частью исследования. Кроме этого, правильно передать графически или составить четкое описание особенности предмета в целом можно назвать искусством.

Детерминизм проявляется в прослеживании закономерностей в стратиграфии, накоплении культурных слоев и обусловленности их появления.

Видя перед собой стратиграфический срез, археолог определяет последовательность событий, а так же их взаимосвязь. Рационализм здесь как и в любой другой науке ставит во главе разум ученого, логичность и его инструментарий, представленный различными хронологическими и классификационными схемами, через который рассматривается объект. Из этого вытекает и символизм, понимание смысла предмета и предмета как компонента бытия человека.

В некотором роде в археологической науке можно выделить две взаимосвязанные проблемы: как возможно соотносить технико-методологическую стратегию археологического исследования и герменевтический подход, или интерпретативную стратегию анализа археологического материала. Герменевтический анализ часто используют как синоним семиотического анализа, когда дело касается интерпретации архаических символических форм. Толкование «артефакта» происходит посредством семантики и семиотики. Семантика в данном случае выступает как взгляд на материальное проявление древней культуры со стороны ее творца, попытка выявить содержательные аспекты артефакта через его значения. Семиотический анализ – это способ, с помощью которого сам исследователь обобщает полученный фактический материал на теоретическом уровне. Данные подходы позволяют лучше понять артефакт непосредственно как объект, который во много является многокачественным и многомерным, исследование

которого даст знания, содержащие конечный объем информации [1, с. 253].

По мнению доктора исторических наук Савинова Д.Г., «многие семиотические определения в области древней истории и археологии ближе к культурологии, чем к археологии, и скорее касаются архетипических понятий («культ мирового дерева», «культ Великой богини», и т.п.), нежели их проявлений в конкретном обществе» (в памятниках культуры конкретного общества) [2, с. 55]. Но такой взгляд более характерен для исследователей, занимающихся палеолитической археологией или археологией племен бронзового века.

Работу с артефактом, например, поясной пряжкой или фибулой, можно попытаться провести через герменевтический круг, особенно в его определении по Шлейермахеру «...как целое понимается из отдельного, но и отдельное может быть понято только из целого...» [5]. Изначально найденная вещь рассматривается как объект в существующей классификации предмета, по его морфологическим и художественным признакам, каким образом артефакт как отдельное становится частью целого в данном случае хронологической системы. В дальнейшем при детальном изучении контекста находки, погребального комплекса и уточнения времени его использования могут быть скорректированы рамки его бытования, в особенности для отдельно взятого региона. Таким образом, применив данные уточнения, артефакт как отдельное может скорректировать если не все, то некоторые элементы археологической хронологии в варианте суждения «...как целое понимается из отдельного...».

В каждом отдельном случае, артефакте или памятнике необходимо умело выбрать адекватную данному предмету систему методов и сознательно, последовательно реализовывать ее. Важно понимание предмета в соответствующем социокультурном контексте, привязанном к определенному хронологическому этапу существования человечества и понимание значения артефакта в рамках определенных мировоззренческих ориентаций. Кроме этого, зная о таком моменте бытия предмета, как вторичное использование, необходимо учитывать многообразные условия места, времени и другие обстоятельства, изменяющие бытие этого артефакта.

Исследователь-археолог в своей работе проходит несколько этапов: полевой, камеральный, этап интерпретации находок, где происходит выявление их смыслов, и собственно публикационный. Во всех перечисленных выше шагах так или иначе задействуются философ-

ские принципы познания, но археолог делает это интуитивно, не задумываясь об их влиянии на исследование. Но если детально разобрать ход мысли исследователя и

эволюцию его теории, особенно в разнице его ранних и поздних работ, то можно выделить отдельные философские аспекты, типичные для научного познания в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Габриелян О.А., Карабыков А.В., Лазарев Ф.В., Сафонова Н.В.* История и философия науки: учебное пособие / О.А. . Габриелян, А.В Карабыков, Ф.В Лазарев, Н.В. Сафонова. – Симферополь: ИТ «Ариал», 2020. – 364 с.
2. *Дячишина В.М.* Философские аспекты истории и археологии / В.М. Дячишина. // Язык. Образование. Культура. Сборник материалов XI Всероссийской научно-практической электронной конференции с международным участием, посвященной 82-летию КГМУ, 2017. – С. 177-181.
3. *Савинов Д. Г., Окладникова Е. А.* Археология и герменевтика (Опыт совместного размышления) / Д. Г. Савинов, Е. А. Окладникова. // Сетевой журнал «Научный результат». Серия «Социальные и гуманитарные исследования». – Т.2, №1(7), 2016. – С. 53-59.
4. *Хасанов Ч.Р.* К вопросу о проблеме философских методов исследования в археологии/ Ч.Р. Хасанов // Молодой учёный. Ежемесячный научный журнал № 9 (44) , 2012. – С. 231-232.
5. *Шлейермахер Ф.Д.Э.* Академические речи 1829 года [электронный ресурс – <http://anthropology.ru/ru/text/shleyermaher-fde/akademicheskie-rechi-1829-goda>. Дата обращения: 12.07.2020 г.]
6. *Ядута Л.И.* Эпистемологические проблемы археологического знания. Автореферат дисс. диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук. / Л.И. Ядута. – Новосибирск, 1998. – 19 с.

POST SCRIPTUM

УДК 811.411.21.02

**ФАТАЛИЗМ В АРАБСКИХ СКАЗКАХ
«ТЫСЯЧА И ОДНА НОЧЬ»
(НА ПРИМЕРЕ ИСТОРИИ «РАССКАЗ
О ЦАРЕ ШАХРИЯРЕ И ЕГО БРАТЕ»)**

**FATALISM IN ARABIAN FAIRY TALES
«ARABIAN NIGHTS»
(ON THE MATERIAL «THE TALE OF THE
MONARCH SHAHRYAR AND HIS BROTHER»)**

Умерова Кериме Энверовна, аспирантка кафедры восточной филологии, факультета крымскотатарской и восточной филологии, Таврическая академия ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского», г. Симферополь, республика Крым, Российская Федерация e-mail: celestina666@mail.ru

Umerova Kerime Enverovna, Postgraduate, Department of Eastern Philology, Crimean Tatar and Eastern Philology Faculty, Taurida Academy, V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Republic of Crimea, Russian Federation

Аннотация. Сложно назвать другое художественное произведение незападного происхождения, которое оказало бы большее влияние на западную культуру, как арабские сказки «Тысяча и одна ночь». Кроме того, что они действительно захватывают ум читателей и слушателей, до настоящего времени сказки являются неиссякаемым источником вдохновения для всех видов творческой деятельности.

Abstract. No other work of fiction of non-Western origin has had a greater impact on Western culture than the Arabian Nights. Besides supplying pleasant entertainment to generations of readers and listeners, right up to the present the work has been an inexhaustible mine of inspiration for all kinds of creative activities.

Ключевые слова: «Тысяча и одна ночь», фольклор, литература арабского языка, арабский язык.

Key Words: «Arabian nights», folklore, Arabic literature, the Arabic language.

Когда я впервые прочла повествование Шахразады «Рассказ о царе Шахрияре и его брате» [1], передо мной раскрылся определенный мир, известный и незнакомый одновременно, мифический и настоящий. Внезапно появились те же образы, собственно что и в народной притче, но окутанные теплом и благовониями востока. Вместо тридесятого государства, явился изумительный, волшебный Восток, с самыми обычными подробностями его жизни и мелочами.

Я вдруг как будто воочию увидела фей и волшебников, джиннов, ифритов и окаменелые, громадных размеров, города. Все это превосходило мое воображение. Миры ифритов и людей настолько переплелись, что провести между ними грань представлялось невозможным. Каждый шаг действительности возвращал меня во времена, когда мудрейший из пророков Сулейман заключил в медный сосуд джинна, и во времена, когда именно джинны, боясь гнева пророка Сулеймана, возводили сказочные, величайшие дворцы.

Эта многослойность сказочного и реального, возможного и невозможного, не только не поразила меня, но и представилась мне действительной. Будто просто вращаются в ней таинственные, закутаные фигуры на улицах Багдада, в сумерках, тогда, когда мир демонов любовно или наоборот спускается на землю и рождаются наяву новые рассказы, которые Шахразада расскажет потом Шахрияру. Думаю, многие и сегодня задаются вопросом, отчего не могут быть вместе люди и духи, когда и те и другие одинаково подвластны силе рока и любви?

Возвратимся к рассказу, послужившему введением ко всем другим рассказам и сказкам. Жили два брата, сыновья царя из царей Сасана, царевичи Шахрияр и младший брат его Шахземан, который царствовал в Самарканде персидском. Однажды старший брат пожелал увидеть младшего и повелел своему везиру привезти его. Везир исполнил его приказание, и, приехав к Шахземану в Самарканд, передал ему привет и сообщил, брат его по нему стосковался и желает, чтобы он его посетил; и Шахземан, ответив согласием, снарядился в путь. Уладив все свои дела и назначив вместо себя своего везира правителем в стране, Шахземан направился в земли своего брата. Однако в полночь он вспоминает об одной вещи, которую забыл во дворце, и возвращается в свой дворец. Вернувшись, застаёт свою жену в постели с черным рабом из числа его рабов. Тьма застила ему глаза, и он вытащил меч и ударил обоих и убил их в постели. Горе охватило царя, жизнь перестала казаться ему милой...

Брат Шахрияр же в честь приезда брата украсил город, и сидели они разговаривая и веселясь, но тут вдруг царь Шахземан вспоминает, что

было с его женой, и чувствует великую грусть... лицо желтеет, тело слабеет. Озабоченный увиденным брат его Шахрияр спросил его, почему он не весел, а сам подумал, что брат в таком состоянии вероятно, оттого, что в разлуке со страной и царством, и не стал докучать ему расспросами. Шахземан же не пожелал делиться с братом истинной причиной своего несчастья. Желая отвлечь его от грустных мыслей, Шахрияр предлагает ему отправиться вместе на охоту, но Шахземан отказывается и остается во дворце брата один.

Находясь в царском дворце, окна которого выходили в сад, Шахземан видит очень нелицеприятную картину: жена его брата и ее многочисленные рабы, милуются, и обнимаются у фонтана. «Клянусь Аллахом, моя беда легче, чем это бедствие!» – подумал Шахземан и его ревность и грусть рассеялись.

Что это значит? Что послужило облегчением боли Шахземана, что вернуло его к жизни? Осознание того, что есть в жизни более ужасные ситуации, что не все так страшно, что жизнь продолжается!

Вернувшийся с охоты брат Шахрияр не мог не заметить перемены, произошедшей с братом, Шахземан стал бодрее, взгляд его повеселел. На вопрос брата о причинах изменений, Шахземан сообщил ему о том, что произошло, когда он выезжал к нему из своего дворца. Тогда Шахрияр вновь стал настаивать, чтобы Шахземан рассказал отчего его брат изменился в лучшую сторону, и Шахземан рассказал ему обо всём, что видел. Однако Шахрияр пожелал увидеть все это собственными глазами, и Шахземан посоветовал ему сделать вид, будто он едет на охоту, а самому спрятаться у него.

Когда царь Шахрияр увидел все своими глазами, ум покинул его голову, и сказал он своему брату Шахземану: «Вставай, уйдём тотчас же, не нужно нам царской власти, пока не увидим кого-нибудь, с кем случилось то же, что снами! А иначе – смерть для нас лучше, чем жизнь!» [1, с. 7].

И вновь, что это? Что помогает человеку устоять в сложной ситуации? Желание увидеть то, что ты не один в такой горе, что у многих вокруг ситуации не легче, а, возможно, и сложнее, и труднее...

Вот так, два царя, два брата Шахрияр и Шахземан убедились в неверности своих жён. Пораженный в самое сердце Шахрияр, удивляясь: «куда девались стыд и совесть?!», предлагает брату бросить этот постыдный свет, полный лжи и грязи, и уйти куда-нибудь в далекую, чужую сторону, чтобы там похоронить свое горе и скрыть позор. Брат соглашается с ним, но лишь с условием, чтобы он немедленно вернулся домой, если встретит человека еще несчастнее их обоих.

После долгих странствований в месте, где протекал ручей возле соленого моря, они встречают чудовищного чёрного ифрита-великана, который выходит из моря, а на голове у него стеклянный ларец. Усаживаясь под деревом, на котором от страха укрылись братья, великан вынимает из ларца молодую красавицу. Налюбовавшись ею, он кладет ей на колени голову и засыпает. Однако, красавица, завидев на дереве двух прохожих, манит их к себе: требует от них, чтобы они сошли с дерева и исполнили её желание, в противном случае она разбудит ифрита.

Братья Шахрияр и Шахземан поневоле становятся участниками её неверности и убеждаются, что могучий джинн во сто крат несчастнее их обоих, что верность женщины не приобретается даже чарами, и никакая сила в мире не преодолет её хитрости. Призывая не быть доверчивыми к женщинам, здесь же проводится параллель с библейской историей Иосифа Прекрасного, когда вероломная супруга царедворца фараонов Потифара, не устояв перед красотой Иосифа, однако, не получив от него желаемого, коварно бросила его в темницу... [2, с. 72].

Шахрияр возвращается домой, казнит изменницу жену, собственной рукой обезглавливает всех жительниц гарема; с тех пор он положил, чтобы ни одна из его жён не переживала брачной ночи.

Из прочитанных далее рассказов и сказок мне становится известно, как Шахразада своими рассказами увлекла султана Шахрияра к отмене этого бесчеловечного закона.

Какие же это рассказы? Фантастические приключения и повести о «злой жене», рассказы на тему, что от судьбы не уйти, и легенды о превращениях, романтические увлечения с разлукой и признанием в конце, рядом с мрачным образом ифрита-великана.

Но преобладающей темой рассказов является любовь во всех её проявлениях. Шахрияр может снова успокоиться, он один из многих. Во многих подобных рассказах мы видим некий фатализм. Любовь в них действительно связана с фатализмом, в которой почти без остатка исчезает личный подвиг, поскольку он сознательный.

Влюбляются друг в друга, потому что иначе нельзя. Он видел её одно мгновение, и этого довольно, он будет искать её, во что бы то ни стало, среди препятствий и тревог, пока случай или участие гения, волшебника, или доля не сведут их и не разведут снова. Во всём этом просматривается некая роковая выносливость в виду цели, поставленной природой, её не обойти.

Я проследила судьбу, всего лишь, одной восточной сказки. Исследование «Рассказа о царе Шахрияре и его брате» из «Тысячи и одной ночи» позволяют утверждать, что мировоззрения братьев царевичей Шахрияра и Шахземана содержат в себе элементы фатального характе-

ра. Фатализм как отношение человека к происходящему с ним связан с важным и стержневым понятием в исламе – предопределение. «Рассказ о царе Шахрияре и его брате» передаётся в виде притчи, имеющей назидательный характер. Дальнейшая детализация характера исследования позволит определить особенности других рассказов «Тысячи и одной ночи» и дать более расширенную характеристику другим участникам рассказов «Тысячи и одной ночи».

ЛИТЕРАТУРА

1. Арабские сказки /пер. с араб. М. Салье. – Екатеринбург: У-Фактория; М.: АСТ МОСКВА, 2009. – 512 с.
2. Новая Женевская учебная Библия / под общей редакцией Цорна В.А. – Hänssler-Verlag, 1998. – 2052 с.

Научное издание

**ПРАКТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ:
СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ**

**Сборник материалов
III научной конференции**

Формат 60 x 84 ¹/₁₆. Гарнитура «Times New Roman».
Печать цифровая. Условн. печ. л. 15,81.
Тираж 50 экз. Заказ № №05А/19.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТИПОГРАФИЯ «АРИАЛ»
295015, Республика Крым, г. Симферополь, ул. Севастопольская, 31-а/2,
тел.: +7 978 71 72 901, e-mail: it.arial@yandex.ru, www.arial.3652.ru

Отпечатано с оригинал-макета в типографии «ИТ «АРИАЛ»
295015, Республика Крым, г. Симферополь, ул. Севастопольская, 31-а/2,
тел.: +7 978 71 72 901, e-mail: it.arial@yandex.ru, www.arial.3652.ru